

ЭСТОНСКИЕ ПОЭТЫ
XIX ВЕКА

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

Л Е Н И Н Г Р А Д * 1 9 6 1

ЭСТОНСКИЕ ПОЭТЫ XIX ВЕКА

*Предисловие, составление и примечания
Пауля Руммо*

*Редакция переводов
П. Г. Антокольского и Л. В. Тоома*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

Настоящее издание является антологией лучших образцов эстонской поэзии XIX в. В книгу вошли произведения известных писателей Эстонии, творчество которых ознаменовало путь развития классической эстонской поэзии. Больше половины текстов на русском языке публикуется впервые.

10/10/11

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

В истории эстонской литературы XIX век является особенно примечательным периодом: именно в это столетие зародилась эстонская литература. А к концу века литература эстонского народа, в частности поэзия, становится подлинной сокровищницей национальной культуры.

Археологические данные, древнейшие хроники, а также дошедшие до наших дней произведения народного творчества рассказывают об отважных, высокоразвитых эстонских племенах, обитавших на небольшом пространстве между Чудским озером и Балтийским морем. Культурное развитие их уже к началу XIII века в общем не уступало культурному уровню соседних с ними народов. Как же случилось, что эстонская литература делала только первые свои шаги в то самое время, когда русская литература уже создала «Евгения Онегина», а немецкая — «Фауста»? Простекала ли такая отсталость только от малочисленности эстонского населения? Или здесь имели место другие причины? Ответы на эти вопросы дает история.

Начиная с XIII века развитие эстонского народа проходило в необычайно тяжелых исторических условиях. Вообще трудно говорить о каком бы то ни было прогрессивном развитии в течение целых шести столетий: тогда, под влиянием внешних условий, скорее происходило движение вспять, угрожавшее самому существованию народа. Началось это со вторжения немецко-скандинавских захватчиков в начале XIII века и покорения эстонских земель в крестовой войне, длившейся десятилетия. Известно, что до нашествия

захватчиков эстонские племена жили в достатке, так как были очень трудолюбивы, умели торговать и смело ходили в море. Правда, эстонцы не раз подвергались нападению со стороны воинственных племен, на что они, в свою очередь, отвечали набегами.

Территория, занимаемая эстонцами, была слишком невелика, чтобы привлечь завоевателей. Рыбными богатствами изобиловали и другие места, туры и медведи водились и в лесах у соседей. Климатические условия отличались суровостью, обработка почвы требовала, как правило, тяжелого труда и большого упорства.

Выгодное стратегическое положение страны — вот что привлекало к Эстонии завоевателей в течение многих столетий. Земли эстов, ливов и латышей для немецко-скандинавских захватчиков служили главным образом плацдармом, опорной точкой для продвижения дальше на Восток. Потерпев крупное поражение в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 году, они усилили свой гнет на эстонской и латвийской территории, не теряя надежды когда-нибудь в будущем подчинить и русские земли.

С другой стороны, русские княжества, с которыми у эстонцев уже в далеком прошлом установились исторические связи, объединяясь в централизованное государство, начинали ощущать жизненную необходимость в выходе на просторы Балтийского моря, в укреплении своих торговых и стратегических позиций. Столкновения встречных интересов двух сторон снова и снова превращали Эстонию в арену опустошительных войн.

Положение усложнялось еще и потому, что в течение ряда веков на территории эстонцев непрерывно происходили кровопролитные стычки между феодалами соседних стран — немцами, датчанами, шведами, поляками, стремившимися поделить между собою эстонскую землю. Коренное население Эстонии целиком вовлекалось в круговорот войны и вынуждено было проливать свою кровь за ту, другую или третью из враждующих сторон. Когда же терпение народа истощалось и он пробуждался для мощных восстаний и крестьянских войн, на него обрушивались такие жестокие репрессии, что временами весь народ оказывался под угрозой вымирания (например, после восстания в Юрьеву ночь в 1343 году).

Поработив в XIII веке эстонский народ, захватчики навязали ему чрезвычайно тяжелый образ жизни. Будучи в своем привилегированном замкнутом кругу крайне грубыми и враждебными культуре, феодалы несколько не были озабочены просвещением поработанного народа. Точно так же силой навязанная народу христианская религия в течение нескольких столетий была для него лишь тяжким бременем; ее воспринимали как одну из форм рабства.

Время от времени сменявшиеся правящие круги не выказывали интереса к судьбам эстонского народа. Точнее говоря, их политика сводилась к усиленной поддержке прибалтийско-немецких феодалов и эксплуатации эстонских крестьян и в жестоком преследовании свободной мысли. Подавленные властями, изолированные от соседних народов, ограниченные в передвижении даже по своей маленькой территории, крепостные крестьяне в продолжение нескольких столетий жили совершенно замкнуто, — если только можно назвать жизнью существование в условиях опустошительных войн и бесчеловечного ига крепостничества.

Подобные исторические условия парализовали развитие духовной культуры целой страны. Но никакие лишения не могли истребить творческий гений народа. В эту беспросветную эпоху, наперекор всем гонениям поработителей, продолжал развиваться богатый и своеобразный эстонский фольклор, а также народное изобразительное искусство. К сожалению, систематическое собирание и записывание фольклора началось значительно позднее — во второй половине XIX века, когда, в условиях распространившейся грамотности, развитие фольклора уже шло на убыль. Ввиду этого многое из фольклорных сокровищ было навсегда утрачено для позднейших поколений. И все же собрание образцов эстонского народного творчества в Литературном музее имени Фр. Р. Крёйцвальда Академии наук Эстонской ССР (в городе Тарту) считается одной из величайших фольклорных сокровищниц мира. Достаточно сказать, что здесь хранится в записях 350 000 вариантов народных песен, 95 000 народных сказок, 170 000 пословиц и поговорок, 100 000 загадок и т. д.

Когда распад феодальных отношений и возникновение капитализма создали в XIX веке предпосылки для эстонского национального движения и для формирования эстонской нации, знакомство с богатствами народного творчества в сильной степени поднимало самосознание эстонцев и способствовало быстрому развитию национальной культуры. Фольклорное наследие имело решающее значение в развитии эстонской национальной литературы.

Ко времени возникновения эстонской литературы эстонским печатным словом уже был пройден, несмотря на неблагоприятные исторические условия, достаточно долгий путь развития. Первая известная нам эстонская книга — перевод протестантского катехизиса — вышла в Германии, в Виттенберге, в 1535 году. Это издание, задуманное как пособие для пасторов, не выполнило, однако, своего назначения, так как из-за каких-то ошибок весь тираж был уничтожен (до наших дней дошли лишь отдельные изорванные

листки этой книги). Обнаруженные недавно архивные материалы свидетельствуют о существовании другой книги на эстонском языке, вышедшей на десять лет раньше катехизиса (самую книгу разыскать пока не удалось). В XVII столетии выходит уже 45 книг на эстонском языке, а в XVIII веке число их доходит до 155.

Большую часть этих печатных изданий на эстонском языке составляли всевозможные духовные произведения. Позднее учащается издание полусветских «поучительных историй», основным назначением которых было внушить эстонским крестьянам верноподданнические чувства по отношению к помещикам. Первые стихотворные опыты на эстонском языке (если не считать переводов церковных хоралов) относятся к 1637 году.

Над изданием эстонских книг в XVII—XVIII веках работали немецкие пасторы, в какой-то мере владеющие эстонским языком, и кое-кто из кругов немецкой интеллигенции, проживавшей в Прибалтике. Одни делали это в интересах церкви, другие преследовали научные цели, некоторые занимались этим просто из чужачества. Лишь в отдельных случаях над эстонским печатным словом работали люди, искренне желавшие просвещения угнетенному народу. Но поскольку сам народ не участвовал в создании литературы и поскольку эта литература в основном преследовала охранительные цели, постольку XVII—XVIII века можно считать лишь подготовительным периодом в развитии эстонской литературы. Это, как правило, реакционная по своей идейной направленности литература все же оказала известное влияние на развитие эстонской национальной культуры: с ее помощью грамотность все глубже проникала в народные массы. Эстонский литературный язык, вначале почти не разработанный и хаотический, с течением времени облекся в такую форму, что первые эстонские писатели, начавшие творить для своего народа, уже владели хотя и примитивными, но все же художественно-выразительными средствами.

2

Словно стремясь поскорее ликвидировать вековую отсталость, эстонская литература в первой четверти XIX века достигает значительного успеха. Речь идет о деятельности первого эстонского поэта и ученого Кристьяна Яака Петерсона, о его необычайно оригинальном и цельном поэтическом творчестве. Однако в 1820-е годы, когда Петерсоном уже были созданы его зрелые оды, время для расцвета эстонской литературы еще не настало. Исключительный

талант этого пионера эстонской литературы, его возвышенный стиль, своеобразное сочетание в его творчестве античной поэтической манеры и традиций эстонской народной песни тогда еще не могли завоевать популярность у соотечественников, в большинстве не знавших грамоты. Один из первых эстонцев, ценою невероятных усилий попавший в университет, в двадцатилетнем возрасте усвоивший почти десять языков и написавший несколько научных трудов, Петерсон, находясь в среде рижских и тартуских немцев, демонстративно носил народный крестьянский костюм и мечтал в своих стихотворениях:

Разве родной язык наш
Не может, вздымаясь к небу
На крыльях народной песни,
Себе обрести бессмертье?

(«Луна»)

Петерсон умер в возрасте двадцати одного года, задолго до того времени, когда «родной язык наш» добился хозяйских прав на своей земле. Его ценное поэтическое наследие почти целое столетие оставалось в рукописях и было неизвестно широкой общественности. Развитие эстонской поэзии затянулось еще на многие десятилетия.

Только в середине XIX столетия социально-политическая обстановка создала предпосылки для широкого развития эстонской национальной культуры, и поэзии в частности. Эти первые шаги были, однако же, связаны с громадными трудностями. Крестьяне все еще стонали под барским кнутом; интеллигентных людей эстонского происхождения была всего лишь небольшая горстка; злобное противодействие церкви и помещиков всякому национальному начинанию губило зачатки эстонской культуры в самом ее зародыше.

В развитии поэзии, как и во многих других отраслях национальной культуры, следует отметить основополагающую роль выдающихся просветителей-демократов Фридриха Роберта Фельмана и Фридриха Рейнгольда Крёйцвальда. В то время как поэтическая деятельность Фельмана носила эпизодический характер, громадный труд Крёйцвальда по составлению народного эпоса «Калевипоэг», по созданию стихотворений, баллад, поэм — гневно обличительных и нежно лирических — народ оценил уже при жизни поэта и назвал Крёйцвальда ласковым и почетным именем «отца песни».

«Калевипоэг» — первое большое произведение эстонской литературы. Идея создания эпоса впервые зародилась у Фельмана,

который, однако, из-за своей ранней смерти не успел реализовать ее. Трудную, ответственную и благородную задачу составления эпоса взял на себя его друг Крёйцвальд.

«Калевипоэг» — это достижение как народного творчества, так и литературного дарования Крёйцвальда. Все произведение пронизывает ведущая тема борьбы против рабства, угнетения, произвола поработителей. Здесь запечатлены яркие картины трудолюбия и упорства народа, его тяги к образованию, его дружеских чувств к восточному соседу, русскому народу. «Калевипоэг» сыграл исключительно большую роль в истории развития общественной мысли эстонского народа, в развернувшемся в шестидесятых годах XIX века эстонском национальном движении, когда масса веками угнетенных рабов стала формироваться в нацию, требующую для себя жизненных и культурных прав.

«Калевипоэг» — это самый значительный труд Крёйцвальда, дело всей его жизни. Одаренный поэтическим талантом, демократ-просветитель был вместе с тем и выдающимся прозаиком, вдохновенным публицистом, ученым, напряженно работавшим практикующим врачом... Приведенные в данной антологии стихотворения дают возможность ознакомиться с поэтическим дарованием Крёйцвальда. Правда, оно не было таким оригинальным и ярким, как у его предшественника — К. Я. Петерсона или у его ученицы Лидии Койдулы, но это были первые эстонские стихи, дошедшие до читателя, и потому поэтическое творчество Крёйцвальда оказало огромное плодотворное влияние на развитие эстонской поэзии, как современной ему, так и позднейшей. Убеждение Крёйцвальда в том, «что на земле эстонской *есть певцы*» (см. последний стих вступления к поэме «Лембиту»), имело для эстонского народа в те времена большое политическое значение.

Лидия Койдула — литературный псевдоним Лидии Яннсел (в замужестве — Михельсон). Имя Койдула («Койт» по-эстонски — заря, рассвет) подсказал поэтессе просветитель-демократ К. Р. Якобсон, и она приняла его. Этот псевдоним связан не только с содержанием и характером творчества писательницы, но также с тем периодом, когда оно зародилось.

После многовековой ночи рабства для эстонского народа наступила пора рассвета, пора пробуждения. По эстонской земле высоко вздымались волны национально-освободительного движения. Появился народный эпос. Регулярно стали выходить газеты. Состоялся первый всенародный певческий праздник. Были основаны первые эстонские культурные и экономические общества. По всей стране возникла густая сеть организаций, проводящих сбор средств

на открытие первой средней школы, где обучение велось бы на эстонском языке.

Почти все эти крупные начинания Лидия Койдула вынашивала вместе со всей эстонской интеллигенцией первого поколения и принимала во всех них горячее участие. Созданные ею пьесы, ее организаторская работа положили начало эстонскому театральному искусству. Горячее сочувствие Лидии Койдулы прогрессивным идеям того времени выразилось с особой страстью и полнотой в ее патриотических гимнах. Такие стихотворения, как «Земля, тобой до смерти», «Эстонская земля и эстонское сердце», «Самый дорогой подарок», «Моя Эстония — моя любовь» и многие другие, при своем появлении воспринимались как откровение, и они остаются до наших дней в числе самых любимых эстонцами патриотических песен.

Лидия Койдула прежде всего — народный певец борьбы. Полная страдания любовь к родине выражена в ее стихах с волнующей эмоциональностью. Многие из стихотворений поэтессы, как патриотические, так и другие — о природе, любви, детстве и т. д., — навсегда остались в памяти эстонского народа. Опубликованные в этой антологии стихотворения «Родной дом», «Сердце матери», «Осенние думы» и «Соловей» (на которые эстонскими композиторами написаны задушевные мелодии) занимают почетное место в эстонском песенном репертуаре и не менее любимы, чем патриотические произведения Лидии Койдулы.

Вся поэзия Койдулы окрашена в трагические тона, но в поздних ее произведениях особенно сильно звучит мотив щемящего душу разочарования, тоски. Причину этого надо искать как в личной судьбе поэтессы, так и в жизни ее страны. Замужество оторвало Лидию Койдулу от родины, ей пришлось жить в Кронштадте. Разлука с отеческим краем тяжело повлияла на поэтессу, всей душой привязанную к родной земле. Неодолимая тоска по родине обострялась к тому же мучительной затяжной болезнью. При подобных обстоятельствах становятся понятными такие стихотворения Койдулы, как «Беседа», «Предсмертное слово — Эстонии», «Вот родина твоя».

Однако в этих стихотворениях слышны не только личные переживания, но и ноты социального протеста. Отзвук их особенно силен в стихотворениях «Долг песни», «Вставай!» и в других. Какие же черты эстонского национального движения вызывали скорбь Лидии Койдулы? Постараемся их здесь кратко охарактеризовать, потому что они оказали влияние и на других поэтов, стихотворения которых приводятся в данной книге.

Возникновение эстонского национального движения обусловили

два фактора: складывавшиеся капиталистические отношения и ожесточенная борьба против феодализма, отчаянно защищавшего свои позиции. Между тем противоречия, которые несло капиталистическое развитие, немедленно сказались и на эстонском национальном движении. Хотя до этой поры подавляющее большинство эстонского народа составляла поработенная крестьянская масса, однако классовая дифференциация этой массы началась уже ранее, и в шестидесятые годы, когда начался выкуп хуторов, она только приняла более острые формы. Немногочисленная интеллигенция разбилась на две основные и враждебные друг другу идеологические группы: консервативно-клерикальную и либеральную. Вдохновителями первой были помещики и церковь, которые стремились утопить национальное движение в мутной воде своих реакционных происков, вторая же возлагала свои национально-политические надежды на русский царизм.

Порожденная внешними условиями эстонского национального движения необходимость лавировать между царскими властями, помещиками и церковью вызвала раскол этого движения. Наряду с принципиальными идеологическими разногласиями здесь имели место и мелкие стычки и компромиссы, что привело к срыву ряда мероприятий, начатых в широком масштабе. Все это угнетало Лидию Койдулу, жившую наивной идеей единства эстонского народа. Она, как и многие ее современники, как и ряд людей последующих поколений, не могла понять, что национальное единство в классовом обществе невозможно.

Анализируя мировоззрение и литературную позицию Лидии Койдулы, следует учесть еще одно обстоятельство. Поэтесса горячо любила и уважала своего отца, известного литератора того времени, видного общественного деятеля, лидера консервативно-клерикального направления И. В. Яннсена. В то же время она являлась верной и благоговейной ученицей демократов-просветителей — Ф. Р. Крэйцвальда и К. Р. Якобсона, резко расходившихся с позицией Яннсена.

С ростом противоречий, расколовших фронт национального движения, романтические иллюзии и надежды сменяются чувством разочарования. Это явление характерно и для эстонской поэзии 1860—1880-х годов. Стихотворения Михкеля Веске, Адо Рейнвальда, Карла Роберта Якобсона-Линнутая, Фридриха Кульбарса, Юхана Кундера и других поэтов, написанные в эти годы, тесно связаны с основными проблемами национального движения. Эти поэты воспевали главным образом Эстонию и ее народ; для их стихотворений характерно порою весьма утрированное чувство на-

ционального достоинства, которое жестоко подавлялось на протяжении веков. Авторы стихотворений использовали для его выражения исторические и псевдоисторические мотивы.

Переходившая от поколения к поколению и все крепнущая ненависть по отношению к немецкой знати, к феодальному гнету представляет собою один из наиболее часто встречающихся мотивов в эстонской поэзии. С целью сильнее подчеркнуть эту ненависть, а также исторические права эстонского народа, поэты поры национального движения нередко прибегали к идеализации старины — той эпохи, которая предшествовала вторжению захватчиков и изображалась ими как век свободы и счастья. Та же идейная подоплека объясняет частое использование мифологических и аллегорических образов. Из тактических и вызванных цензурой соображений, а также в силу политической незрелости, поэты названного периода нередко повторяют в своих стихах казенно-пропагандистскую легенду о русском царе как «освободителе» эстонского народа.

Перу современников Лидии Койдулы тоже принадлежит много стихотворений, сохранивших популярность до наших дней. В настоящей антологии к числу таких стихотворений относятся: «Усни, моя дитя», «В путь, журавушки...» и «Ванемуйне» — Кульбарса; «Они встают!..» и «Моя фиалка» — К. Р. Якобсона-Линнутая; «Родина», «Родина, прекрасна ты!», «Разлука с отчим хутором», «Любовная клятва у родника» — М. Веске; «Слезы», «Золотой бережок» и «Шапку долой!» — А. Рейпвальда; «На горе Мунамяги», «Страдание» — Ю. Кундера; «Соловью» — Г. Вульф-Ыйса.

В поэзии эпохи эстонского национального движения преобладает романтическая патетика, возвышенная риторика, исполненная высоких чувств. Все это выражало восторг борьбы, охватившей в тот период передовые народные силы. Такое вдохновение иной раз отрывалось от реальной почвы. В действительности повседневная жизнь народа была гораздо тяжелее и безрадостнее тех ее картин, которые представляла эстонская поэзия. И все же пейзажи эстонской поэзии, облагороженные высокими патриотическими чувствами, включают тут и там реалистические наброски.

Примечательными в этом смысле являются опубликованные в настоящем сборнике стихотворения Юхана Вейценберга. Его повесть в стихах «Тыние Лакс», завоевавшая широкую популярность, написана с большой убедительностью, в духе трезвого реализма. Она выражает трагедию многих тысяч эстонских крестьян, страдавших от социального гнета. Заключительная строфа произведения содержит сентенцию о вознаграждении, которое определено рабо-

чему человеку за трудовую жизнь в классовом обществе, — участок земли «семь — длиною и четыре фута ширины». В устах народа эти стихи стали изречением, выражающим сущность эксплуататорских порядков. Реалистические картины повседневной жизни людей труда находим в некоторых стихотворениях Мальма, Лидии Койдулы, Веске, Рейнвальда и других поэтов.

3

Начиная с восьмидесятых годов XIX века реализм в эстонской литературе завоевывает все более прочные позиции. Это было обусловлено прежде всего изменившейся политической обстановкой. Национальное движение завязло во внутренних раздорах и противоречиях. Закончился жизненный и литературно-общественный путь Якобсона, Койдулы, Крёйцвальда — основных лидеров этого движения. Новых людей, которые несли бы знамя на прежней высоте, которые заслужили бы доверие народа, в то время не нашлось. Само знамя национального движения в его прежнем виде стало уже каким-то анахронизмом, потому что немецкие бароны, против которых в первую очередь велась борьба, вынуждены были пойти на некоторые уступки. В деревне произошла классовая дифференциация; возникшая среди эстонцев сельская и городская буржуазия захватывала в свои алчные руки позицию за позицией. В городах началось формирование новой общественной силы — революционного пролетариата.

Значительную роль в дальнейших судьбах эстонской литературы сыграла жестокая русификаторская политика царизма, проводившаяся при Александре III. Грубое и циничное поведение царских чиновников-русификаторов вызвало у эстонского народа удручающую депрессию. В то время когда в народе еще мощно звучали страстные гимны Лидии Койдулы и ее современников, посвященные красоте эстонского языка и его праву на жизнь, губернатор Эстляндии демонстративно заявил, что эстонские матери вскоре будут баюкать своих детей песней на русском языке... Не удивительно, что даже ревностный сторонник русской культуры — поэт и ученый Михкель Веске — свою патриотическую оду «К солнцу» закончил словами:

Если же смолкнет наречье эстонца,
Незачем больше светить тебе, солнце!

Марксистский тезис о взаимосвязи великодержавного шовинизма с местным национализмом нашел подтверждение и в исто-

рии эстонской культуры. Политически малосознательные слои народа (а они были тогда в большинстве) сплошь и рядом за русификаторской политикой царизма и проявлениями великодержавного шовинизма не замечали освободительной борьбы, которую вел русский народ. Именно в данный период и зародились сорняки того антирусского национализма, который позднее пытался пустить ростки на эстонской земле.

Вместе с тем в конце XIX века в эстонской литературе наблюдается важный процесс. Эстонская интеллигенция до тех пор находилась под преимущественным влиянием немецкой культуры. В связи с более широким распространением в Эстонии русского языка, эстонская молодежь могла ближе познакомиться с передовой русской культурой. Впоследствии изучение ее помогло эстонскому рабочему классу обеспечить боевой союз с русским революционным пролетариатом.

В ознакомлении эстонских читателей с творчеством классических мастеров русской поэзии выдающиеся заслуги имеет Якоб Тамм, один из самых плодовитых и наиболее зрелых в художественном отношении эстонских поэтов последних десятилетий XIX века. Благодаря его переводам, выполненным на высоком для того времени уровне, эстонские читатели узнали Пушкина, Лермонтова, Крылова и других великих русских поэтов. Благоприятное влияние русской поэзии сказалось и на оригинальном творчестве Якоба Тамма. Так, перевод басен Крылова побудил его самого заняться басенным жанром.

В творчестве Тамма, как и у его предшественников, значительное место занимает борьба против пережитков феодализма. Это явление не было лишь простым продолжением традиций эстонской поэзии. Немецкие помещики в то время уже утратили свои хищнические права в жизни эстонской деревни. Жестокая барщина и изнурительная денежная аренда были отменены, но крестьяне могли выкупать хутора только по очень высоким ценам. Бароны вынуждены были допустить русских чиновников в местную администрацию, и тем не менее балтийское дворянство все еще упорно держалось за свои экономические и культурные привилегии. Дворянам принадлежала большая и лучшая часть пахотной земли и леса, лучшие здания в городах. Поэты периода национального движения могли из-за цензурного гнета только в аллегорической форме намекать на преступления феодалов. В период русификаторской политики цензура была не менее суровой, но, так как обличение немецких баронов было выгодно политике русификации Эстонии, писатели смогли более свободно выражать в художественных

произведениях ненависть к баронам. Эту возможность использует и Якоб Тамм, во многих балладах и поэмах зачастую привлекая богатейший арсенал направленного против помещиков фольклора.

Творчество Якоба Тамма еще теснее связано с актуальнейшими проблемами современности в тех стихотворениях и поэмах, где изображена жизнь крестьянства. В эстонской деревне к этому времени уже ясно определились классовые различия между немногочисленными зажиточными крестьянами и безземельными или малоземельными — массой деревенской бедноты. Якоб Тамм был первым поэтом, отразившим эти противоречия в эстонской поэзии. О многих произведениях Тамма можно сказать, что в них совершенно явно проступают черты критического реализма, сделавшегося в конце века преобладающим художественным методом в эстонской литературе.

Если не считать творчества Якоба Тамма, Адо Рейнвальда, отдельных стихотворений Яана Бергмана, а также первых опытов поэтов последующего поколения, то надо сказать, что эстонская поэзия последних десятилетий XIX века менее богата, чем поэзия предшествующего периода. Хотя эстонский литературный язык в значительной мере развился, усовершенствовалась стихотворная техника, но основной источник поэтического вдохновения — идейное воодушевление и пафос борьбы — начал иссякать в силу отмеченных выше социально-исторических явлений. В то же время всякая критика тогдашних порядков безжалостно заглушалась. Многие принимали существующий режим как неизбежное зло, энергия иных устремилась к личному обогащению, к мещанскому комфорту. Провозвестник нового в эстонском обществе — промышленный пролетариат — только еще готовился в глубоком подполье к первым шагам на пути революционной борьбы.

Состояние эстонской прозы в описываемый период сулило гораздо большие результаты. В эти десятилетия были созданы первые выдающиеся повести и романы Вильде, Петерсона-Сяргава, Китсберга, Борихёэ, Юхана Лийва и других. Художественная проза вытесняла поэзию с ее ключевых позиций, несмотря на внешний ее рост.

Никогда ранее — да вероятно, и позже — не писалось и не издавалось в Эстонии так много стихов, как в два последних десятилетия XIX века. Кто только не пробовал свои силы в поэзии! Упомянем здесь один курьезный случай, хорошо иллюстрирующий положение вещей: в 1897 году появился «Альбом эстонских поэтесс», заключавший в себе рифмованные строки тридцати двух женщин-стихотворцев. Из них в истории литературы достойны упоминания

имена только двух поэтов. Трудно назвать поэзией все это словесное бряцание, эпигонскую сентиментальную красоту или же славословия самодержавному строю.

И все-таки в эти годы, наряду с засильем никчемных стихослагателей, делали свои первые творческие шаги такие выдающиеся эстонские поэты, как Якоб Лийв, Юхан Лийв, Карл Эдуард Сёёт и Анна Хаава. Их творческая зрелость наступила уже в новом, XX столетии, при этом долгий жизненный путь К. Э. Сёэта и А. Хаавы продолжался до нашего времени. Однако включение произведений К. Э. Сёэта и А. Хаавы, Ю. Лийва и Я. Лийва в настоящую антологию вполне оправдано, так как значительная часть их творческого пути падает все же на XIX век.

Из вышеназванных четырех поэтов наиболее скромные заслуги в истории эстонской литературы имеет плодовитый Якоб Лийв. Форма стихотворений Якоба Лийва была совершенней, чем у его предшественников и даже у некоторых поэтов младшего поколения. Однако ему все же редко удавалось добиться эмоциональности — этого обязательного свойства подлинной поэзии. Многие его большие поэмы и баллады уже во время жизни поэта были забыты. Но лучшие его стихи, приведенные в настоящем сборнике, несомненно принадлежат к классической эстонской поэзии. Якоб Лийв обогатил эстонскую поэзию новой тематикой. Его стихотворение «Мир» — одно из первых в эстонской литературе произведений на тему о мире. Острее, чем у других современных ему поэтов, за исключением пролетарских, изобличены в стихах Я. Лийва реакционные настроения, укрепившиеся среди интеллигенции после поражения революции 1905 года. Заслуживает внимания его стихотворение «Скворец» — аллегорическое изображение Эстонии в тисках двух враждебных сил: немецких помещиков и русского царизма. Стихотворение «Стекловидными глазами» клеймит буржуазных либералов, преследующих свои личные выгоды и лишь бряцающих звонкими словами об интересах народа.

В поэтическом творчестве молодого Карла Эдуарда Сёэта главное место занимают небольшие лирические этюды о любовных переживаниях, выполненные в лукаво-шутливой манере. Такие юмористические зарисовки, как «Иголка», «Игра в шахматы», «Кража» и другие, в конце века пользовались большой популярностью, так как серьезные социальные проблемы, в силу политических условий, тогда было почти невозможно затрагивать в литературе. Временами поэту удается запечатлеть с присущим ему юмором выразительные портреты чудаковатых персонажей из зажиточных слоев сельского общества («Вздохи бедного Микка», «Нанна Тейстре», «Наша Лее-

никене пляшет»). В этих портретах, пусть еще под сурдинку, но уже чувствуется социальное обличение. Оно усиливается в таких стихах, которые затрагивают широкие общественные проблемы: «Призраки прошлого», «Босоногий мальчик», «Много», «Они сказали». Значительны заслуги Сёэта как первого доборника эстонской детской литературы. Многие стихотворения Сёэта своей художественной простотой и задушевностью вдохновили эстонских композиторов.

Более глубокий след, чем Якоб Лийв, оставил в истории эстонской литературы его младший брат — Юхан Лийв. В его лице мы имеем дело с крупным литературным явлением. Трагическая судьба Ю. Лийва и его необычайно прочувствованное творчество трогает и волнует сердца любителей поэзии. Душевные силы этого исключительно талантливого писателя были подорваны уже в молодости, чему способствовали слабое здоровье, чрезвычайно тонкая психическая восприимчивость, тяжелые материальные условия и, наконец, беспросветная, гнетущая социально-политическая обстановка его эпохи.

Самые сильные и выразительные произведения созданы Ю. Лийвом в те времена, когда он скитался как бездомный бедняк, находившийся на содержании волости, а также в промежутках между затяжными приступами душевной болезни, когда он находил в себе силы высказать в стихах все то, что накопело у него на сердце. Большая часть стихотворений Ю. Лийва при жизни его оставалась неизвестной читателям; какое-то количество произведений он уничтожил сам в периоды припадков, затемнявших его сознание. Но на рубеже XX века его имя уже было широко известно в Эстонии как имя автора ряда стихотворений и особенно рассказов и новелл, завоевавших горячее признание в широких кругах читателей.

Главный источник поэтического вдохновения Ю. Лийва — горячо любимая родина и тяжкая судьба народа. Он говорит об отечестве нежно, почти интимно, как о тайной любви, о которой не принято говорить открыто. Отечество у него подобно гибнущему в бурю кораблю, льву, стонущему в неволе; подобно цветку, молящему о пощаде. Такие стихотворения, как «Грустна твоя родина...», «Я много цветов собрал бы...», «Потолок в нашем доме черен...» и другие, относятся к высшим достижениям патриотической поэзии. Они и теперь волнуют читателя, хотя уже давно рассеялась гнетущая тревога за судьбы народа и родины, так сильно томившая Лийва.

Скромная, строгая и суровая красота эстонской природы вдох-

новила немало эстонских поэтов. Лирика Ю. Лийва обогащает эту тему новыми качествами. Самые обычные, самые будничные детали эстонского пейзажа получают неповторимое, необыкновенно впечатляющее выражение в его вдумчивой, элегической трактовке.

В последний период творчества Ю. Лийва эстонцы, как и другие народы царской России, пережили героическую бурю революции 1905 года и ее жестокое подавление. В эстонскую поэзию вошли провозвестники нового слова — Густав Суйтс, Фридеберт Туглас, чьи стихотворения овеяны духом революционной романтики. Но отзвуки этих событий не оставляют следов в творчестве Ю. Лийва, обреченного на одинокие скитания. Следует, однако, заметить, что поэт очень чутко воспринимал острые противоречия классового общества; во многих стихах он сурово осуждает социальную несправедливость, стяжательство и другие язвы капиталистического общества, обрекающего на нищету трудовой народ. Примечателен едкий сарказм поэта при обличении социальных пороков и политической реакции.

Юхан Лийв признавался сам, что в минуты просветления у него хватало сил только на то, чтобы написать две-три строфы или короткий прозаический набросок. Его поэтическое творчество неровно, иногда ему не хватает цельности, завершенности формы, временами даже нарушается логическое движение мысли. Но несмотря на это его стихи захватывают и очаровывают читателя. Сила поэзии Ю. Лийва объясняется глубокими ее народными корнями, ее крайне своеобразным стилем, адекватная передача которого на другой язык едва ли под силу даже лучшим переводчикам.

Из родных мест Якоба и Юхана Лийвов, с берегов Чудского озера, пришло в эстонскую литературу немало других поэтов и прозаиков. Одной из них была выдающаяся поэтесса Анна Хаава, жизнь и творческий путь которой оказались необычайно долгими. Она дебютировала в 1886 году, написав стихотворение на смерть Лидии Койдулы; за свою семидесятилетнюю поэтическую деятельность А. Хаава пережила несколько периодов подъема и упадка эстонского общества, а в 1954 году она еще имела возможность сказать свое слово и в эстонской советской поэзии, по случаю собственного 90-летнего юбилея.

В первый период творчества в поэзии А. Хаавы доминирует любовная лирика. Многие ее стихотворения о любви, такие, как «Не могу я жить без песен...», «Как беззаветно любила я!», «Принеси мне, мой любимый...» и другие, выдержали испытание временем и вошли в сокровищницу эстонской любовной лирики. Все глубоко человеческие оттенки чувств в освежающей чистоте

отражаются в ее стихотворениях — начиная от лукавого девичьего кокетства до полного самопожертвования на благо любимого человека. Любовную лирику А. Хаавы, подчас избыточную трагическими нотами, отрадно оживляют некоторые стихотворения, посвященные той же теме, но с юмористическим сюжетом («Заря взодила на небосвод...», «Михкель и Мийна» и другие).

Со временем в поэзии А. Хаавы все чаще звучат социальные мотивы. В этом отношении характерно стихотворение «С мечом и крестом», являющееся в эстонской поэзии одним из первых острых обличений империалистической колонизаторской политики. С той поры творчество А. Хаавы становится на путь критического реализма. В бурные дни 1905 и 1917 годов поэтесса, всегда жившая крайне замкнуто, не вступает на путь революционной борьбы, но такие произведения, как «Время рождает героев...», «Ликуй, народ...», «Жертвенная молитва», свидетельствуют о том, что сердце поэтессы все же билось в унисон с сердцами борцов за новый, более справедливый общественный порядок, хотя она и не всегда уясняла себе цели их борьбы. Патриотическая лирика А. Хаавы проникнута, как и у Юхана Лийва, чувством боли; в стихах, написанных в годы буржуазно-фашистской диктатуры, появляются мотивы разочарования, усталости, саркастического разоблачения пороков классового общества, мотивы борьбы за моральную чистоту человека.

Выше уже были упомянуты некоторые стихотворения, обработанные композиторами и на десятки лет прочно укрепившиеся в эстонском песенном репертуаре, благодаря чему стихи, созданные в далекие времена, снова и снова звучат в устах народа и на концертных сценах. Все сказанное в особенности приложимо к любовным и патриотическим стихотворениям Анны Хаавы; многие из них завоевали такую популярность, что их часто принимают за фольклорные произведения.

* * *

Вследствие недостаточной зрелости общественной мысли, отсутствия долгих и прочных литературных традиций и слабого развития литературного языка, в эстонской поэзии XIX века можно встретить немало примитивного и несовершенного. Но в ней отразились радости и горести народа, рвущегося к свету из ночи многовекового рабства, отразились его мечты и упования, боль утрат и торжество побед. Лучшие эстонские поэты XIX века ревностно выполняли свой долг, о котором мы и теперь не устаем

напоминать советским писателям, — безраздельно служить своему народу, бороться вместе с ним и указывать ему путь к светлому будущему.

Литература советских народов беспредельно велика, богата и многогранна. Независимо от того, какой путь развития пройден литературой того или другого народа, советская литература в целом является авангардом мировой литературы. К ней принадлежит и эстонская советская литература, зародившаяся в героической борьбе за построение коммунизма. Но для того чтобы взойти на такую высоту, первые шаги были сделаны еще в эпоху детства эстонской литературы — в девятнадцатом столетии.

Пауль Руммо

КРИСТЪЯН ЯАК ПЕТЕРСОН

ЛУНА

Разве источник песни
Даже при северном ветре
Не освежает влагой
Душу родного народа?

Если на севере снежном
Не расцветают мирты
В красе своей благодатной
Средь скал в прохладной долине, —
То разве язык народа,
Подобный реке спокойной
И скромной, хотя красивой,
Не протекает мирно
По лугу, в волнах качая
Золото зорь вечерних,
Иль, мощи не сознавая
И сдерживая гул свой,
Под тучами грозowymi
Не мчится подобно морю?
Разве родной язык наш
Не может, вздымаясь к небу
На крыльях народной песни,
Себе обрести бессмертье?
Хочу языком народа
Воспеть вас, ясные звезды,
И, радостью вдохновленный,
С земли, охваченной тенью,
В небесную высь взглядеться.

Хочу тебя воспеть я,
Луна, ночная царица,
Всходящая в поднебесье
Из облачного лона,
Подобно цветку, что чашу
Раскрыл, над землей сияя,
В просторах ночных, где звезды,
Свой след прочертив огнистый
Во мгле беспросветно черной,
Срываясь, несутся в бездну.

О дух человека, так же
Плывешь ты луною в небе,
А мысль твоя ищет света
Всё выше среди созвездий!

1818

ЭЛЬТС И ТИЙЮ — ДВЕ ПАСТУШКИ

Эльтс

Пташка ранняя, сестричка,
С добрым утром! С добрым утром!
Ты откуда гонишь стадо?

Тийю

Из долины, дорогая,
С берегов речушки Выйду.
В речке я стада поила,
На лугу пасла прибрежном.
Я сюда пришла из лесу,
Там чижи мне песни пели,
Там кузнечики резвились.
А теперь сюда иду я,
Погоняю стадо в гору!

Эльтс

На горе цветут ли травы,
На горе ручьи бегут ли?
Месяц, целый летний месяц
На гору я не ходила.

Т и й ю

Как не быть, моя подружка,
На горе траве зеленой.
Погляди, я приколола
На груди цветы-цветочки.
На горе — родник студеный,
А над ним береза плачет,
Под плакучею березой
Бедной матушки могилка.
Ты туда пойдешь со мною, —
Так чудесно там, сестричка!

Э л ь т с

Знаю я, ты петь умеешь
Лучше всех моих подружек.
Но поешь ты только поля,
Только лесу. Спой мне тоже,
И тогда пойду с тобою.

Т и й ю

Слушай утреннюю песню:
«Солнце вышло из-за моря,
Из покоя золотого,
Будто огненная роза
Выкатилась из бутона.
Солнце светит, осушая
Росы, выпавшие ночью,
Блещет в родниковых струях,
Мирный хутор согревает.
И уже щебечет пташка,
К солнцу клювик поднимая
Из густой листвы дубовой.
К матушке лети, касатка,
На зеленую могилку.
И начну я громко плакать,
И молиться, и молиться:
Матушка моя, воскресни!
Но не встанет, не воскреснет
Матушка моя родная —
Навсегда ушла в могилу,
В землю черную сырую.

Прорастает, обрастает
Грудь травую-муравую.
Из травы растет береза
И со мною вместе плачет,
И со мной глядит на солнце,
Как оно идет к закату.
Я теперь одна на свете.
Может, мне господь поможет,
Укрепит мою надежду,
В горести меня утешит».

Эльтс

Благодарна я, что песню
Ты мне спела, дорогая,
Рада я, моя сестричка,
На гору пойти с тобою.

1818

ОСЕНЬ

Листья, осенние листья!
Вы были зеленым лесом
И вот поблекли, увяли
На холодном ненастном ветре.
Вы потемнели, как лодки
Сохнущие темнеют.
Вы облетаете с дуба,
С могучей его вершины
Наземь, на сонные корни.
Грустно трава выцветает,
Грустно цветы отцветают.

Милое дерево! Где же
Пташек пугливых щебет,
Птиц голосистых пенье?
В стаи в осеннем тумане
Объединяются птицы,
Тянутся стаи к миртам,

Тянутся стаи к солнцу.
Солнце встает из-за моря.

Дней до конца года
Мало уже осталось.
Черные тучи рождают
Хлесткие желтые ливни,
Льются в ручьи ливни,
С ними сливаются бурно.
Над умирающим летом
Дуют осенние ветры,
В голом лесу бушуют,
В пасмурном небе мчатся,
Тучи сшибают о тучи,
Солнцу лучи ломают.
Так увядают под старость
Женщины и мужчины.
Только не увядают
Очи, глядя на солнце.
Ищут такого солнца,
Чтобы не потухало.
Север на нас наступает.
На спину в снег ложимся,
Очи уже на юге,
Там, где ночные звезды
Днем, будто ночью, сияют;
Там, где луна и солнце
По золотому полю
Вместе плывут. И вечно
В этих краях мы будем.

... Тянутся птицы к югу.

1818

ДРУЖБА

Вот как леса вырастают:
Дуб возле дуба.
Дуб с дубом — братья,
Дети земли и неба.

Грудь материнская кормит
Досыта ваши корни,
Ветер листву ерошит,
Гладит и освежает.
Каждый листок под присмотром
Красного солнца.

Наша земля-планета
Вместе с луною
Древним путем обычным
Вертится по орбите.
Солнце — источник света.

Мы без любви — бездушны.
Нет без любви дела:
Земле — до красного солнца,
Брату — до старшего дуба.

Дух человека
Выше летнего полдня,
Дух человека выше
Звезд голубых высоких!
Правит мирами разум.
Капля по капле разум
Копится в человеке —
Мудрости ясное море.
Дух человека бессмертен,
Носим его как бога,
И не опасны богу
Волны житейского моря.
Пусть они под ногами
Сердятся, бьют и хлещут,
Пусть грозовые тучи
Молниями чреваты;
Тучи — на наши плечи,
Тучи на наши очи.

Мы всё равно любим
Наших подруг и близких,
Живы пока — вечно
Друг возле друга.

1818

ЖЕНЩИНЫ

У быка — рога.
У коня — копыта.
Быстрота у зайца,
Сила у медведя,
Плавники у рыбы,
Крылья у касатки,
Разум у мужчины.
А у женщин — что?
Красота у женщин
Вместо наших сабель,
Вместо наших копий.
Встанут против войска —
Победят огонь.

1818

ПЕСНЯ ПАСТУХОВ

О т т

Посмотри-ка, как чудесно
Это озеро синее!
Всё оно подобно небу
С золотым весенним солнцем.
Мы присядем здесь на берег,
В травы, словно на подушку,
Будем в пеньи состязаться.

П э э д у

Кто же будет нам судьбою?

О т т

Вон идет там старый Ааду.
Пел и он, когда был молод.
Так играл он на свирели,
Что заслушивались птицы.
Ааду, нас теперь послушай
И скажи, чьи песни лучше!

А а д у

Ну уж так и быть, ребята,
Буду слушать ваше пенье.

Отт

Как мирно, нежно светит
Луна в ночную пору,
Когда, скользнув по небу
И выглянув из тучки,
Она лицо умоет
Водою ручейка!

Пээду

Как пышно светит солнце,
Когда оно бросает
Зари своей сиянье
На сумрачное море
В рассветный ранний час!

Отт

Как хороша березка,
Вся серебром обвита!
Из-под корней струится
У ней ручей студеной,
Она в ветвях тенистых
Дает приют чижу.

Пээду

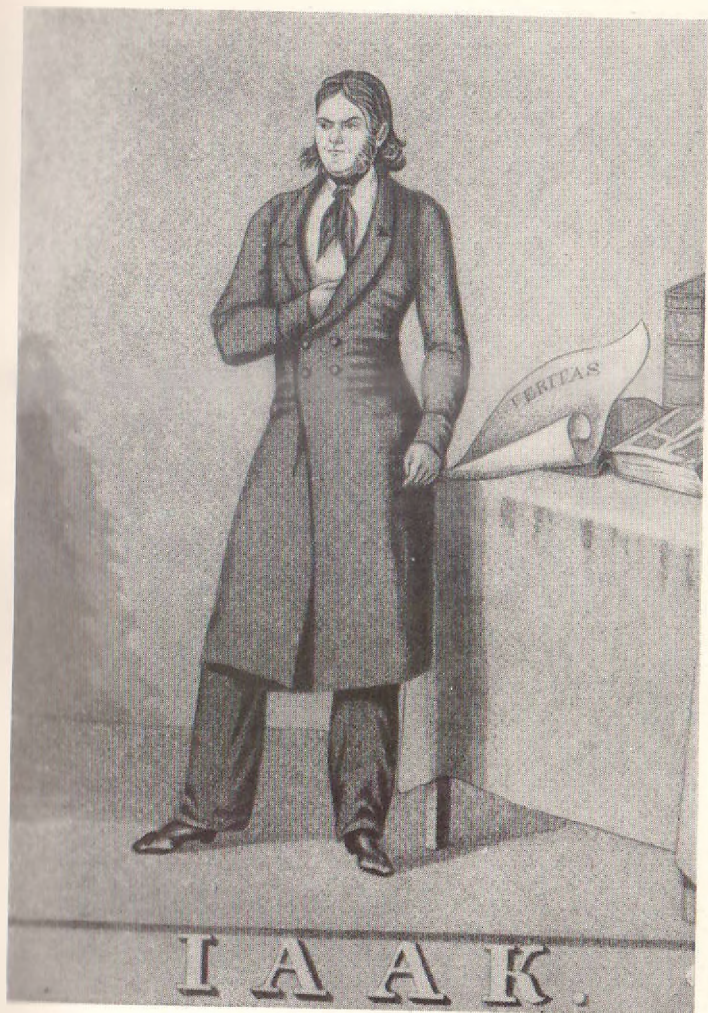
Вот вырос дуб зеленый.
Его вершина в тучах,
А корни он купает
В речных струистых водах,
И соловей-красавец
Поет в его ветвях.

Отт

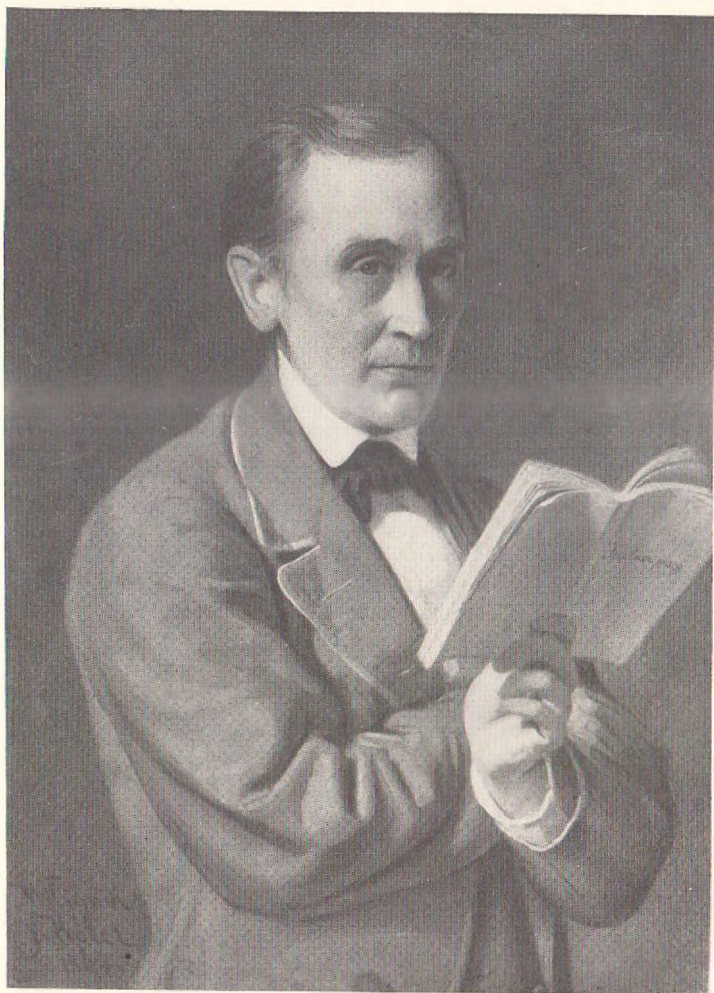
Вот ласточка-касатка
Из гнездышка взлетает
Через вершину дуба,
На радость человеку,
И, заливаясь песней,
Купается в ветрах.

Пээду

Со скал взмывает к небу
Орел ширококрылый,

Кристьян Яак Петерсон

Фридрих Рейнгольд Крейцвальд

Плывет к жилищу молний
Всё выше в блеске солнца,
И взору человека
Его не отыскать.

О т т

Прекрасен этот садик,
Где всё полно цветами.
Не меньше их, чем сосен
В лесу зазеленевшем,
Не меньше, чем колосьев
Среди родных полей.

П э э д у

Красивее долина,
Где столько же деревьев,
Как воинов в сраженьи,
Как в полуночном небе
Высоких, ясных звезд!

А а д у

Вот что вам скажу, ребята:
Оба ладно вы поете.
Но твои, мой Отт любезный,
Льются песни, словно тихий
Ручеек, в земле рожденный.
А твои напевы, Пээду, —
Будто бурные потоки,
Падающие с обрыва.
Отдаю тебе свирель я
И красивый рог пастуший!

1818

ПЕСНЯ РАДОСТИ

Отныне уже не льются
Из уст моих звуки скорби!
Подобно тому как рокочат
Источника светлые струи,
Подобно тому как льется

Свет лучезарного солнца,
Так льются и чувства поэта,
Воплощаясь в радостных песнях.

Чудесной порою вешней
Цветы раскрывают очи
И в темном лесу зеленом,
И по-над речкою быстрой,
И средь колосьев в поле.
А нагрянет дождливая осень,
Подует холодный ветер, —
Их красота поблекнет.

И всё же благое небо
Вернет их на радость людям,
Цветы раскроются снова
Под теплым весенним солнцем.

И в саду моем вновь расцветает
Цветок нашей нежной дружбы,
Расцветает снова и снова.
В душе моей будет вечно
Этот цветок нетленен,
И вечно сиять мне будут
Очи моей любимой,
Моей возлюбленной Ало.

Ликуй, ликуй, мое сердце, —
Счастье мое нерушимо,
Как скалы в морском прибое.

1819

ПЕСНЯ,

СЛОЖЕННАЯ В ТУУЛЬСКОЙ КОРЧМЕ,
ПО ДОРОГЕ ИЗ ТАРТУ В РИГУ,
КУДА Я ШЕЛ ПРОВЕДАТЬ РОДИТЕЛЕЙ

Прощайте, поля и луга!
Прогулки, тропинки, прощайте!
И ты, березовый лес,
Где земляника цветет,

Где тени и где поют
Птицы в густой тени.

Я часто сидел у ручья
На берегу молчанья,
Я часто о вас думал,
Родители-старики.

Тебя, отец, вспоминал я
На голубом рассвете.
Когда же перед закатом
Солнце к земле клонилось,
Твоя голова склоненная
Видалась мне, отец.

Матушка, брат и сестра,
Я возвращаюсь к вам!
Прощайте, чужие края!
Тут хорошо, но дома
Солнце теплее светит.

1819

ПЕВЕЦ

Так же, как падают воды,
Пенясь, ревя, бушуя,
С влажных уступов утеса
В тихое лоно долины;
Так же, как молния с ливнем
И оглушительным громом
Падает наземь из тучи, —
Так, пламенея, струится
Песня мощным потоком.

Словно яркий светильник,
Песня горит во мраке,
Поднята ввысь поэтом.
Грянет ли гром над землею,
Стихнут леса и нивы, —
Так и певец поднимает
Голос могучий над миром.

Песня как воды струится,
И как морские утесы
Молча теснятся народы,
Песне поэта внимая.

1819

ЭНН И ЭЛЛУ

Э н н

Эллукене, дорогая!
Осень ходит по долинам,
Устилает их листвою,
Топчет цветики-цветочки...
Миновало наше лето.

Э л л у

Миновало лето, милый,
Мы домой погоним стадо,
Ни травинки не осталось
На горе и под горою.

Э н н

Мне теперь уже не слушать
Песенок твоих чудесных,
Не сидеть с тобой в обнимку,
Не сидеть, не целоваться
В холодке под сенью дуба.

Э л л у

Но любви мы не забудем —
У меня один ты, милый.
Подожди, весна вернется,
Песни наши отогреет.
Снова мы стада погоним,
Снова встретимся с тобою.

Э н н

И споет нам, как бывало,
Як, отец мой, песню эту:
«В путь-дорогу, пташечка!»

Полетит весна по небу,
По лесам к нам зашагает.
Эллуkene! Эллуkene!
Стадо к милой пригоню.
А пока коровушек
 А ла лу ла —
Возвращу хозяйюшкам
 А ла лу ла ло!
Нет в долине травушки
 А ла лу ла —
Больше нет муравушки
 А ла лу ла ло!
Не на вольной волюшке
 А ла лу ла —
Вам стоять на выгоне
 А ла лу ла ло —
И свирели радостной
 А ла лу ла
Не слышать до лета вам
 А ла лу ла ло!

1819

В ДЕНЬ МАРТИНА ЛЮТЕРА

Сегодня сияет солнце,
Сияет для нас обоих,
Для меня и моей любимой.
Всё тот же благоуханный
Цветок нашей нежной дружбы
Растет между мной и ею,
Мной и любимой Ало.

А если погаснет солнце,
Навеки погаснет в небе,
И мрак окутает землю,
И самая алая роза
Померкнет в сумраке смерти, —
Всё же навеки будут
Любовью светиться души —
Моя и любимой Ало.

Должен уйти из жизни
Бедный певец крестьянский.
Но на устах народа
Будут жить его песни,
А в песнях его сохранится
Для поколений грядущих
Имя любимой Ало.

1819

**ФРИДРИХ РОБЕРТ
ФЕЛЬМАН**

БЕСЕДА О ТРУБКЕ

Я н

Здравствуй, Михкель, приятель! Ну как? Всколосилось ли поле?

В добром ли здравьи жена? И по сердцу ли нынче погода?

Был бы нам, без сомненья, ветер восточный милее —
Тянет с моря он влагу, с востока погоду сухую.

С трубочкой, вижу я, Михкель, никак ты не хочешь расстаться.

Дым не наполнит желудка, а только мощну опоробжит.

Михкель

Нечего, братец, смеяться, и трубку оставь ты в покое.
Честь всему есть на свете, и ей, моей трубочке, тоже.

Мир окружает меня, коль табачным окутаюсь дымом.

Мнится, тогда предо мною всё счастье проходит
людовское,

Вижу я мира красу обнаженной и ясной для взора.

Трубочка мне возвращает минувшие радость и счастье

И придает мне надежду, что я вознесусь, многогрешный,
В области те, где награда и мне уготована богом.

Я н

Многое здесь насылил ты, и слов ты немало потратил.

Пусть же мне трубка ответит, насколько могу я

поверить,

Что она может сказать о простом человеческом счастье.

Михкель

Счастье дыму подобно. Смотри, как он вьется
колечком,
То, закружась, разойдется, то снова становится гуще.
Ветер подует — и дым улечутится. Так же и счастье.

Яан

Что же ты можешь сказать о друзьях, с нами вместе
живущих?

Михкель

Все они тоже как дым. Если трубочка плотно набита —
Так и валит он, играя, и кружится рядом со мною.
Но только выйдет табак — друзья, словно дым,
исчезают.
С верными только друзьями имеешь ты, трубочка,
сходство.
Грусть ли терзает меня, или душу лелеет мне
счастье, —
Не оставляешь меня ты и учишь всегда быть
довольным.
Дух укрепляешь ты мой и даешь в неудачах советы.
Девушку я полюбил и берет ее в сердце, голубку.
Днем я думал о ней и ночами во сне ее видел.
Ох уж, доля моя, сколько счастья в тебе и печали!
Всё ты, казалось, дала, но и многого всё же хотелось.
Я наблюдал втихомолку, скрываясь в кустах
придорожных,
Как голубка моя бродила задумчиво в поле.
Раз она имя мое, не видя меня, прошептала.
Бросился к ней я стремглав, заключил ее крепко
в объятья.
Так найти удалось мне всё то, чего сердце желало!
Сад мой расцвел, и с тех пор я жил на земле как
на небе.
Пусть не одна уж зима над ее пролетела могилой,
Всё мне она дорога, всё помню свою я голубку!
Станет светло на душе всякий раз, когда трубка
напомнит
Прошлую радость мою — предвестницу радости
вечной.

Я а н

Как же трубка тебе укажет дорогу на небо?
Ты рассказал обо всем, расскажи теперь и об этом.

М и х к е л ь

Трубка моя догорает. Гляди, от последней затяжки
Взвился легкий дымок и сейчас же растает бесследно.
Выше, всё выше летит он, туда, где рассыпаны звезды.
Что же, прощай! Кой-кому я с тобою привет посылаю.
Так от печали земной и душа моя ввысь устремится,
Тело же, ставшее прахом, истлеет в свой срок под
землею.

Я а н

Всё готов я продать, чтоб только купить эту трубку!
Трубочка, ты уж прости, что хулил я тебя —
по незнанию!

Между 1837 и 1840

* * *

...Счастьем был я покинут. Пришлось бы рыдать
безутешно,
Если бы помощи не было в памяти мне и в надежде.
Небо надежду дарит мне,
А память — места дорогие.

Милые сердцу места, привет вам, привет! Не однажды
Вы могли созерцать, как был я счастлив когда-то!
Слышал я здесь соловья
И видел, как плещется рыба.

О, возвратись, возвратись, та пора, для души дорогая,
Счастья бывая пора, отраду дававшая сердцу!
Я за мгновенье одно
Мог отдать бы всю жизнь, не жалея.

Божья звезда, ты меня туда призываешь, Надежда,
Где не одна уж душа, ликуя, вкушает блаженство.
Здравствуй! Ты снова со мною,
О милая родина, здравствуй!

Между 1837 и 1840

ПОУЧЕНИЯ СТАРЦА ИЗ ЯРВАМАА

ДОБРО И ЗЛО

Злого так много на свете, а доброго мало. В чем дело? Зорче вокруг присмотрись, и тогда ты узнаешь причину. Малым рождается зло, но беспечностью и попушением Быстро расти начинает, а мы его нянчим и кормим.

ЛЕГКОЕ И ТРУДНОЕ

Я однажды спросил, что свершить нам труднее, что легче? Мне отвечали: хулить и других понукать — очень просто.

Даже ребенок умеет хулить, понукать бесконечно. Каждый мы день это видим и этому много удивимся. Но попробуй исправить тот вред, что принес ты хулюю, И сейчас же увидишь, что это тяжелое дело.

СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

«Что не успею сегодня, могу я сделать и завтра!»
Сделай-ка лучше сегодня всё то, что вчера не доделал!

СОСТАВИТЕЛЬ КАЛЕНДАРЯ И Я

Я

Календаря составитель, я завтра косить собираюсь. Ждать ли сухой мне погоды? Ах, этого ты и не знаешь? Как же можешь ты знать, что в грядущем году предстоит нам? Что нам господь ниспошлет? Вижу, что мастер ты лгать!

Он

Лгу я всегда потому, что всегда ты готов мне поверить. Верить лишь мне перестань — вот и не будет вранья.

ПУСТАЯ БОЧКА

Хочешь умным ты быть — говорить поменьше старайся.
Чем порожнее бочка, тем больше она и грохочет.

ЗАВИСТЛИВЫЙ И ГЛУБИЙ

Правды не видит иной, а иной ее видеть не хочет.
Пусть тебя хвалят другие — противно всегда
самохвальство.

НЕКТО, ПОХОЖИЙ НА МНОГИХ

Жил-был у нас некий муж. Он родился, женился и помер.
Больше не знаю о нем ничего я. Но это был муж.

Между 1837 и 1840

**ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД
КРЕЙЦВАЛЬД**

ДЛЯ ПЕЧАТИ ИЛИ
ИЗДАНИЯ

Я всё ей должен был сказать,
Но лишь вздохнул сильней!
О, если б я богаче жил,
Тогда бы так я не тужил,
нет, не тужил —
Поговорил бы с ней!

<1840>

КАК СЛОЖИЛ Я ПЕСНЮ

Где я выбрал эту песню,
Как ее мотив я ладил,
Собирая слово к слову
И распутывая мысли?

Мать, меня качая в люльке
На упругой, гибкой жерди,
Убаюкивала песней,
Убаюкивала сказкой.

Домовой на гибкой жерди,
Духи добрые у люльки,
Сновидения у зыбки
Вместе с матерью мне пели,
Чтоб запала песня в сердце
И зерном там притаилась.

А когда подрос я малость,
В пастухи меня послали
И велели мне, мальчонке,
Выгонять коров в ольшаник,
Выводить телят в малинник.

А кругом летали птицы,
Песенку носили в клюве:
Воробьишки — под застрехой,
Ласточки — на теплом солнце
И дрозды — в кустах тенистых.

Свой напев у каждой птахи,
По-особому веселый.

Жаворонок заливался,
Щелкал соловей на славу.
Приносил и ветер песни:
Барабанный рокот ливня,
Неустанный гул прибоя,
То воинственный, то зыбкий,
Трубный голос урагана,
Грустный звук лесной волынки.

Этот хор многоголосый,
Душу спящую встревожив,
Прорасти заставил семя,
Что в сухой дремало почве,
Долго дожидаясь влаги.
И тогда уста раскрылись,
И свою запел я песню,
Песню на мотив народный,
И не расставался с нею
На покосе и на пашне.

Так росли мы, так мужали
Вместе — мой напев и сам я,
Чтобы девушкам на радость
Женихами стать лихими.

<1848>

КОЙТ И ХЯМАРИК

Ты слышал ли про светильник,
Что горит в жилище Таары?
Солнце скрылось в складках тучи
И, смежив глаза на отдых,
Спать идет во мглу тумана.
С запада, где потемнело,
В отблеске зари вечерней
На восток свечу проносят,
Чтобы завтра встало в небе
Золотое солнце жизни.
Знаешь ли ты эту руку,
Чья ладонь, скрывая солнце,
Унесла его на отдых?

Ведом ли тебе прислужник,
Что нам утром зажигает
В золоте сиянье жизни?

Старый дед растил в светлице
Койта с Хямарик — приемных
Двух детей, красивых, юных.
И когда впервые солнце,
Трудовой свой день окончив,
На ночлег домой вернулось,
Мудрый старый дед промолвил:
«Хямарик, тебе я, дочка,
Поручаю светоч жизни.
Ты гаси его ночами,
Чтобы не было несчастья!»
А когда за труд приняться
Снова надо было солнцу,
Так сказал и Койту старец:
«Слушай, Койт, сынок приемный,
Дать тебе хочу работу:
Зажигай поутру факел,
Раздувай огонь в покоях,
Поднимай его всё выше,
Засвети для мира солнце!»

Хямарик и Койт прилежно
Выполняли приказанье —
Так, чтоб днем светило солнце,
Ночью не было несчастья.
И когда зимою факел
Затухал намного раньше,
Он и утром медлил вспыхнуть,
Чтоб трудившемуся летом
Удлинить зимою отдых,
Чтобы спину он расправил
И бока погрел подольше.

Но спешит с весною солнце
Снова жизнь поднять повсюду,
Вновь творить цветы и песни,
Оплодотворять посевы,
Наливать на нивах колос.

Много у него работы,
Отдыхать нельзя ни часа.
На свирели счастья нежной
Май играет, лучший месяц.
Под шатром у Ильмарине
Веют радость и веселье —
Смех людской и щебет птичий.
Под покровом краткой ночи
Койт и Хямарик в ту пору
Быстрым взглядом обменялись.
На лугу кося росистом,
Юноша как бы случайно
Руку девушки погладил.

И недремлющее око,
Не смежающее вежды,
Это тайное свиданье
Двух влюбленных увидало.
Утром дед позвал обоих
Побеседовать в светлицу.
«Я доволен вами, дети,
Вы работаете честно,
И желаю я вам счастья
До поры вечерней жизни.
Будьте же вдвоем отныне,
Станьте мужем и женою
И несите службу солнцу!»

И в ответ взмолились оба:
«Сохрани нам, мудрый старец,
Счастье жениха с невестой.
Пусть всегда в цветах и травах
Будет свежей наша юность!»
И оставил старец детям
Вечно свежую их юность.
Ежегодно в дни цветенья
Слуги солнца краткий месяц
Могут ночью упиваться
Счастьем раннего расцвета.
Щеки Хямарик стыдливой
Дарят легкий свой румянец
Небесам, когда, вручая

Солнце Койту, ей случится
Запоздать хотя б немного.
Старый дед, душою щедрый,
В час их встречи украшает
И луга и лес цветами.

1850

ВОЙНА

(Отрывки)

Люди, факелы зажгите,
Пусть смола пылает ярко:
Пламя подымает песню,
Страсть дает напеву крылья!
Стану петь я про походы,
Про дороги сил враждебных,
Про грабителя-злодея;
Я спою о том, как турок
Наш покой пришел нарушить,
Омрачить наш день счастливый;
Обличу воров английских —
Поджигателей бесчестных,
Учинявших ограбленье
Наших кораблей торговых,
Кораблей, груженных солью,
И ладей с товаром мелким, —
Для железной цепкой лапы
Груз любой служил поживой;
Я спою о беззащитных
Неукрытых городишках,
Подожженных головнями
Злобных псов, исчадий ада;
Помяну в своем рассказе,
Как французик слабосильный
Поспешил в лакеи к вору
Из корыстного расчета;
Если волки валят лошадь,
Рядом прячется лисица:
От богатой их добычи
Может что-нибудь остаться —

То ль ребро, то ли копыто,
То ль кусочек шкуры малый,
То ль хвоста хоть самый кончик, —
Всё голодному в находку,
Всё на зуб ему годится.
Подняла обида ссору
И вражды раздула пламя,
Жадность ей пришла на помощь,
А нужда слугою стала.
Эти три созданья адских,
Эти дьяволы сестры
Наш покой и загубили,
Нас лишили дней счастливых,
За которые смениться
Шесть успело поколений, —
Дней, что длились для эстонцев
Полтора уже столетья
Под крылом орла России. . .
До того, как жить мы стали
Под защитой русской силы,
Поколения эстонцев
Долго жизнь владели в муках,
Долго кровью обливались,
Долго войны бушевали.
Острый меч разил нещадно,
Когти голода терзали,
И чума людей губила;
В пуганых статьях закона
Грязи было, как в помоях,
Суд вершили толстосумы.
Вспоминать охоты нету
Жизнь эстонского народа
В ту безрадостную пору!
Если же глупец найдется,
Что начнет хвалить былое, —
Друг, в ответ ему ты можешь
Рассказать, как было дело,
Как страдал народ, покуда
Не вздохнул при русской власти. . .

Кто там на скале шагает
Горделивою походкой?

Кто такой — в железном шлеме,
Со щитом, с копьем в деснице,
Длинный меч к ремню привесил,
Лук кривой зажал под мышкой?
Это Туррис там шагает
По скале походкой гордой.
Это он в железном шлеме,
Со щитом, с копьем в деснице,
Длинный меч к ремню привесил,
Лук кривой зажал под мышкой.
Туррис — старый бог раздора,
Он — войны зачинщик древний.
Мы по старому преданью
Узнаем его приметы.
Кто тебя, сын черной ночи,
Зла питомец кровожадный,
Выманил сюда из леса,
Из густой, дремучей чащи?
Кто тебя привел из плена,
От цепей сумел избавить?
Чьей услугой сняты путы
С ног твоих, приказчик ада?
Туррис понял и ответил,
Рассказал, как всё случилось:
«Турок, мой знакомец давний,
Христиан гонитель злейший,
Крови алчущий молодчик,
Дверь взломал моей темницы,
Развалил тюрьмы ворота,
Стены прочные разрушил,
От цепей меня избавил,
С ног снял путы, снял и привязь,
Что ногам моим мешала.
Вывел он на свет убийцу,
Волю дал он душегубу,
Разрушать заставил счастье,
С мирным временем покончить.
Стрекозы английской стрекот
Подстрекал на то же дело,
И француз, слепнем впиваясь,
Злил меня, чтоб стал я страшен.
И под дудочку чужую

Мне пришлось плясать, бедняге,
Пламя бойни раздувая...»
Над землей алела зорька,
Тишина кругом стояла.
Под холмом в траве росистой
Отдыхали за кустами
Братья — русские герои,
Закаленные в сраженьях.
Тут же, сложенные в груды,
Палицы, мечи и пики
Смертью всякому грозили,
Кто с зарей напасть посмел бы...

Как осенний буйный ветер
И в кипящем море буря
Корабли и лодки треплют,
Дуб на берегу шатают,
Наземь сбрасывают листья
И обломанные ветки, —
Так врагов крушат смертельно
Русские мечи и пики,
С турок головы срывают...
Косарей тебе случалось
На лугу в работе видеть,
Когда косы их со свистом
Оставляют след широкий?
Так и турок в битве ярой
Братья русские косили,
Как траву валили в поле,
Черным воронам на пищу.
Сотни их навек уснули,
Тысячи легли — не встали
В камышах на черноморском
Побережье, на Дунае.
Грудами на поле битвы
Трупы ворогов лежали;
Звери дикие спешили
Поживиться мертвечиной.
Ну а те, кто попроворней
Из молодчиков турецких, —
В страхе наутек пустились,
Так, что ветер не догнал бы,

Поспешили в чашу леса
Скрытую искать берлогу,
Бегством жизнь свою спасали.
Как стоит утес прибрежный,
Не поддавшись волн напору, —
Войско русское стояло
В битве непоколебимо. . .

Солнце близится к закату,
Клонит лик к земному лону,
Гром войны умолк под вечер,
Кончилось кровопролитье.
Братья — русские герои —
В лагерь двинулись на отдых.
«А куда, — ты спросишь, — делись
Те, что с турками дружили,
Те помощники, которых
Снаряжали с громким звоном
В дальний путь, в поход военный?
Дорога своя им шкура —
Не забыть никак французу,
Что дубить умеют кожу
Русские весьма искусно,
По Москве он это знает.
Перьев жаль английской птице,
Быть ошипанной боится.
И от берега подальше
Держатся друзья султана,
Где их ни ружейный выстрел,
Ни снаряд достать не могут.
Посмотри на их отвагу,
На их подвиги морские:
Доблести у них хватает
На грабеж судов торговых,
На захват добра чужого,
На поджог и разоренье
Городов незащищенных;
Невиновного терзают,
Мучат кроткого враждою.
Беззащитным городишкам
И корабликам торговым,
Что отпора дать не в силах,

Стала храбрость их известна.
Где ни пуля их, ни бомба,
Ни снаряд достать не смогут, —
Там француз обосновался,
Свил гнездо пират английский.
Вот оттуда злой разбойник
И выходит грабить лодки,
Забирать добро из трюмов
Наших кораблей торговых.
Пусть посмеет подступиться
К берегу чуть-чуть поближе, —
Там его дубиной встретят,
Вспомнят все его заслуги. . .»

Брат любимый мой из Виру,
Милый давний друг из Харью!
Вы, что с финнами имели
В родословной корень общий,
Истопите быстро бани,
Жарче каменки калите,
Время веники запарить,
Замочить пора дубины,
Засолить для розог прутья,
Чтоб, как только англичанин,
Птица важная морская,
Иль француз, утенок хилый,
Ступят на берег ногами,
Мураву носком притопчут, —
Тут-то им мы и покажем,
Для чего дубины мочат
И засаливают розги.

Знай, сынок, и в наше время
В храбром русском войске встретишь
Молодцов не в одиночку, —
Уроженцев Виру, Ярвы,
Ляане, Харью, Алутагы,
Отличавшихся в сраженьях, —
На груди кресты сверкают,
И горит отвага в сердце. . .

КАЛЕВИПОЭТ

ЗАПЕВ

Дай мне каннель, Ванемуйне!
Песнь в уме моем созрела.
О старинных поколеньях
Повесть дать хочу я миру.
Громче, голоса живые,
Пойте в недрах сокровенных,
В золотых глубинах сердца, —
О прекрасных днях бывшего,
О делах времен минувших!

Встань из волн прозрачных Эндлы,
Дочь седого песнопевца,
Заплетающая косы
Перед зеркалом озерным!

Подымайтесь, тени древних
Чародеев и героев!
Оживайте, вереницы
Калевитян величавых!
Полетим в страну полудня,
Повернем оттоль на север,
Где растет в дубраве вереск,
Белый куст цветет в долине!

Всё, что взял на отчем поле,
Что собрал я на чужбине,
Что принес мне буйный ветер,
Прикатили волны моря,
Что берег в себе я долго,
В глубине души лелеял,
На орлиных гордых скалах
Укрывал крылом от бури, —
Всё звенеть заставил в песне,
Вычеканил ладом были
Для чужих людей, далеких.
А весны моей любимцы
Беспробудно спят в могиле.
И моих напевов трели,

Кукования печали,
Зовы жаждущего духа
Не дойдут до слуха мертвых! . .

И пою я одиноко,
Как печальная кукушка,
Оглашая лес безмолвный,
Вяну на осенней ниве.

ВСТУПЛЕНИЕ

Развернитесь, зазвените,
Древних лет воспоминанья
О могучем славном роде
Калевитян незабвенных!
От курганов намогильных,
Из вечернего тумана,
Из рассветной мглы весенней,
Словно вереск разрастайтесь,
Мглою от болот вставайте,
Где героев древних тени
В глубине времен таятся,
Прячутся под кровом праха,
Под полою Уку дремлют,
Спят в объятиях Марии. . .

Солнце их не освещает,
Не поет им днем весенним
Златоклювая кукушка,
Птиц обманщица гнездовых.
Месяц брезжит сквозь деревья,
Очи звезд с ночного неба
Тускло светят стражу теней,
Души калевитян древних
Облачают в платье мира,
Тканью вечного покоя
Покрывают стан умерших,
Обиталище ушедших. . .

Чародей правдивых сказов,
Мудрый ткач былин узорных,
Безупречный созидатель,

Песнопенье начиная,
Горсть берет в стране мечтаний,
Горсть другую — в доме правды,
Третью горсть — в деревне слухов,
Горсть большую в долг берет он
Из ларей усадьбы мысли,
Чтобы речь текла красиво,
Истинно лилась, разумно,
Чистым золотом струилась.
Так творит певец умелый!
Сказов ткач, творец искусный,
Труженик за станом слова.

Тени в облаке тумана,
Над вечернею росой
Подымаясь, выступают
Тешиться игрой кровавой,
Пляской топоров тяжелых,
Блеском стали под луною.
Слышен гул войны в долинах,
Рдеет зарево пожаров,
А вослед плетутся голод,
Смерть, чума и мор свирепый.
Вести черные несутся
С громким воем и стенаньем...
Снова льются кровь и слезы,
Слышны вопли, скрежет пыток...

В долгих битвах за отчизну
С полчищами чужеземцев
Пали волости и земли,
Пали лучшие из лучших,
Пали доблестные мужи...
Наши нивы запустели,
Наши юноши и мужи
Незарыты опочили, —
Но великая их слава,
Богатырские деянья,
Несказанные мученья
Пусть звучат для нас немолчно,
Светят пусть неугасимо
В дорогих воспоминаньях!

Посмотри: в лесу глубоком,
За кустарником дремучим,
Под печальною ольхою,
Под плакучею березой
Семь холмов стоят могильных,
Семь курганов зеленеют,
Семь могильников забытых.
Первый холм — отчизны стражей,
Холм защитников народа.
Холм другой — могила рабства.
Третий холм — грозы военной.
Под холмом четвертым — голод.
Пятый холм — народных бедствий.
Лютый мор в шестой могиле,
А в седьмой — чумы зараза.

Таково былое эстов
До времен, когда Россия
Под своим крылом могучим
От врагов нас защитила!

Парни, мужи молодые —
Виру, Ярвамаа отростки,
Сестры Харью, дочки Ляане,
Лучшие невесты Пярну,
Вы к речам моим склонитесь,
Песне, милые, внемлите
О делах времен старинных,
О святых тенях героев,
О былой красе и счастье,
О печалях стародавних!
Золотою древней речью,
Складом прадедовых былей
Воспою я и прославлю
Мужей Калевов деянья,
Мужей Алевов сраженья,
Мужей Олевов походы,
Мужей Сулевов творенья.
Всё, что я сорвал с рябины,
Наломал с черемух белых,
Что поведал мне дуб Таары
Старым словом узловатым,

Сквозь века проросшим в сказах,
Что нашел я в косах Юты,
В кушаке у Ванемуйне,
Что в душе всю жизнь лелеял, —
Это всё я бережливо
Впрял в златую нитку слова
И соткал полотна песен
В память Калеева сына!

1857

ВИРУСКИЙ НЕВЕЦ

Счастлив тот, кого с рожденья
Небо щедро одарило,
Даром песен наградило,
Научило песнопеньям.
За столом любви и чести
В светлом праздничном наряде
С песнопевцем мудрым сядем,
Чашу дружбы выпьем вместе.

Песней он вражду смиряет, —
Песня создана для мира,
Песня в час веселый пира
Людам души раскрывает...
Песня создана для света,
Песня создана для счастья;
Словно солнце сквозь ненастье,
Песня входит в мир поэта.

Выпьет кто страданий море?
Кто небес подслушал звуки?
Кто смягчит народа муки?
Кто уменьшит наше горе?
Тот счастливец от рожденья,
Кто творцу душою внемлет, —
Людам послан он на землю,
Чтоб нести им песнопенья!

<1861>

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ ОБЕТОВАННОЙ

Я дьяволу поверил,
А он шутил со мной,
Он лгал мне — и потерял
Навеки дом родной!
Я думал: золото найду...
Обманут был и слеп —
И вот нашел одну беду...
О Ээстимаа, о Ээсти,
Где вода и хлеб?

Теперь я стал умнее,
Клянусь судьбу свою,
От жалости немею
И только слезы лью.
Никто руки не подает.
Под ветром плачет степь.
И плечи давит небосвод...
О Ээстимаа, о Ээсти,
Где вода и хлеб?

Увижу птаху в небе
И вот не сплю всю ночь,
Мечтаю: крылья мне бы! —
Я улетел бы прочь.
Но я опутан ложью,
Мне душу гложет гнев, —
И кто мне здесь поможет?
О Ээстимаа, о Ээсти,
Где вода и хлеб?

Оделись рощи пышно,
И птицы в них звенят,
И кякк, и хлеб пшеничный.
Мне счастье вновь сулят.
Но здесь я мать похоронил,
Зарыл в чужой земле.
Уйти отсюда — нету сил...
О Ээстимаа, о Ээсти,
Где вода и хлеб?

Мне счастья не изведать,
Но если б из лесов
Донес весенний ветер
Напев колоколов,
Я б все мечты свои отверг
И, грусть преодолев,
Спокойно бы уснул навек...
О Ээстимаа, о Ээсти,
Где вода и хлеб?

<1861>

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Сердце в край родимый рвется,
Где в раздолье давних дней
Был во сне и наяву я
С милой юностью своей.

Странствуя, всегда мечтал я
С нею встретиться опять, —
Думал я в краях знакомых
Счастье прежнее сыскать.

Наконец пришла удача,
Привела к полям родным,
Но тому, кто возвратился,
Показалось всё иным.

Мне с улыбкой дружелюбной
Шлет привет родимый дол,
Но тоска сжимает сердце,
Я любимых не нашел.

В темный лес меня уводит
Тропка прежняя опять,
Но знакомою походкой
Не спешит навстречу мать.

И хотя, как прежде, галька
Говорит с речной водой,
Нету друга дорогого,
Что беседовал со мной.

Поле! Где цветы, что раньше
Я дарил любви своей?
Где, черемуха, певун твой,
Голосистый соловей?

Нет цветов, любовь умчалась
Вместе с песней соловья!
С вешним ветром улетела
Юность прежняя моя.

<1865>

СВОБОДЕ

Когда в груди забилось сердце жарко,
Во мне проснулся юноша-поэт.
И в сновиденьях трепетно и ярко
Горел свободы негасимый свет...
А на заре, в завьюженной хибарке,
Я просыпался, пламенем согрет.
Решимость озарялась вдохновеньем,
Ужель то было всё воображеньем?

По вечерам скрипело веретенце,
Я слушал повесть о былых годах,
Легенды и сказания эстонцев
В те вечера я услышал от прях,
Враги народ лишили света солнца.
Я видел мир в оковах и цепях.
И отдал я своим единоверцам
Тепло любви и откровенья сердца!

С тобою, ночь, с тобою, каннель милый,
Своими думами делился я.
Открыться людям был еще не в силах,
Вверялась вам одним душа моя!
Что слышал я, что сердце полюбило,
Надеждой стало, горе утоля.
Затем в словах, что злата полновесней,
Тебя, свобода, я восславил в песне!

И не успело солнце с небосвода
Уйти, разбив неволи кандалы,
Народ увидел отблеск твой, Свобода,
Развеял тучи предвечерней мглы...
И стали для эстонского народа
Дороги к счастью ясны и светлы.
Свобода, простирай над нами крылья,
Разбей и гнет духовного бессилья!

<1865>

ПЕСНЯ

Я славлю дня рожденье,
Тебя, прозрачность вод,
И тихий шепот леса,
И синий небосвод!
Цветы я вопрошаю:
Зачем цветете вы?
Кому поете, пташки,
Среди густой травы?

Кто там в тенистой роще
Приветствует меня?
Кто видит всё, кто скажет,
О чем вздыхаю я?
Кто скажет мне, как другу:
«Ты для меня цветешь?»
Кто спросит у поэта:
«Ты для меня поешь?»

Уймись же, сердце, полно,
Кто властен над тобой?
Ты радостные песни
Без принужденья пой!
Цветы, цветите краше,
Пой, пташка, жизнь любя!
И ты, поэт, отныне
Пой песни для себя!

<1865>

ЛИДИИ ЯКИНСЕВИ

Ты по шипам узнаешь,
Что роза пред тобой..

Юным отроком я был, —
По лесам весь день бродил,
В рощах собирал цветы...
Не подумал я ни разу,
Не взглянул я зорким глазом
На колючие кусты,
Где, как розы, цвел шиповник —
Острой боли злой виновник.

Взял цветок я, — легкий стон,
Палец кровью обагрён.
Я домой скорей бегу
И шепчу, шепчу сквозь слезы,
Что шипы прекрасной розы
Я на память сберегу;
По закону мирозданья
И любви нет без страданья.

Время к старости идет,
Стало сердце словно лед.
Но припомню я весну —
Память сердце мне согреет,
Думы грустные развеет;
В очи юности взгляну —
И увижу с прежней силой
Те цветы, что дал я милой!

1868

«ЧЕТВЕРОСТИШИЯ ИЗ «КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЛЕЗНОГО КАЛЕНДАРЯ»

1852

Я Н В А Р Ъ

Еще он дремлет, Новый год,
А между тем всех старит.
Не каждый, кто застал приход,
Его уход застанет.

О К Т Я Б Р Ъ

Уходит время, нам веля
Посторониться... знаем,
Что лампою без фитиля
Мы станем, коль отстанем.

1853

А П Р Е Л Ъ

Грудь матери-воды в свой срок
Накормит корни в почве.
И сладостный польется сок,
Когда набухнут почки.

И Ю Л Ъ

Дочка, серп бери с собою,
Наточи косу, сынок.
Собирать налоги с поля
Подошел сегодня срок.

1854

М А Й

Погляди, как солнце нежно
Нарядило в зелень поле,
Чтобы снова луч надежды
Нас порадовал с тобою.

1855

Д И В А Р Ъ

Опять ушел из жизни год,
И как узнать мне наперед,
Как долго крылья времени
Нести меня намерены?

А П Р Е Л Ь

Набухли почки, спать устав,
Свои пеленки разодрав.
Во сне увидели они,
Как хороши в апреле дни.

Н О Я Б Р Ь

Вы не плачьте, не печальтесь.
Вы утрите слезы:
Солнце одолеет старость,
Вьюги и морозы.

1 8 5 6

О К Т Я Б Р Ь

Блекнут нивы и поляны,
Сыпет мелкий дождь с утра.
Сырость, сумрак и туманы,
Увядания пора.

1 8 5 7

М А Р Т

Взгляд солнца молодого,
Тепло его лучей
На землю сходят снова.
Росток, проснись скорей!

А П Р Е Л Ь

Всё выше солнце в полдень
Восходит над землей,
И до краев наполнен
Мир бурей молодой.

М А Й

И к листьям и к бутонам
Наш взор теперь прикован,
Веселым и зеленым
Обрадован обновам.

С Е Н Т Я Б Р Ъ

Приближается зима,
И цветы увяли,
И крестьяне в закрома
Дар полей убрали.

1858

Я Н В А Р Ъ

Вел нас год к любви и к счастью,
Не сводил с надежных троп.
Но, быть может, завтра мастер
Нам сколотит честный гроб.

Ф Е В Р А Л Ъ

Как пушинки снеговые
Тают, на ветру кружась,
Так и добрые и злые
Умирают каждый час.

Д Е К А Б Р Ъ

Снова грустное прощанье.
До свиданья. Кончен срок.
Год уходит, вопрошая:
«Понял? Извлеки урок».

1859

Я Н В А Р Ь

Снова год приходит снежный,
У ворот стоит надежда.
Старость с юностью сияют,
С новым счастьем поздравляют.

М А Й

Вся земля оделась. Роща
Зеленеет. Луг цветет.
Милая невеста-почва
Нынче под венец идет.

1865

Ф Е В Р А Л Ь

Ты назван месяцем свечи,
Так пусть же разума лучи
Наш путь нелегкий осветят,
От рабства нас освободят.

М А Р Т

Природа говорит сама,
Что приближается весна.
Когда же кончится зима
И мы восстанем ото сна?

А П Р Е Л Ь

Побеги подняла весна,
Трещат скворцы, кричат грачи.
Быть может, дрему сгонят с нас
Весны горячие лучи?

1866

ФЕВРАЛЬ

В пургу укутала зима
Всё то, что после будет цвести.
Весна-разумница сама
Увидит мир, каким он есть.

МАРТ

Снег, что ни вечер, таять стал,
Весна идет, весна в пути...
Но темноту невежества
Под силу ль ей смести?

ИЮНЬ

В поле дым цветочной пыли,
В колос выбились хлеба
И надеждой наделили
Всех, чья горестна судьба.

ИЮЛЬ

В ливни, в грозы, в полдень сонный,
Под седым иль хмурым небом,
В поле зреют наши зерна,
Чтобы стать душистым хлебом.

НОЯБРЬ

Под холодным зимним кровом
Спят надежды семена.
Ждут, пока под солнцем новым
Потревожит их весна.

1868

июнь

Снова в рощицах зеленых
Слышно милое ку-ку.
Птаха свищет, и ягненок
Зарезвился на лугу.

июль

Не до плясок, не до шуток —
Делом занят стар и млад.
Серп и косы — эка чудо! —
В поле поутру спешат.

ноябрь

Лишь борьба и лишь работа
Закаляют в жизни этой.
Счастлив тот, кто год от года
Возвращается с победой.

1869

июль

Круглый день с улыбкой бодрой
Солнце светит нашим нивам,
Но увы! Бедняк и в ведро
Остается несчастливим.

1870

май

Плох сосед, да ведь и ты не лучше.
Стоит ли сердиться и ворчать?
Замечать сучок в глазу соседа,
А в своем бревна не замечать?

О К Т Я В Р Ь

Добрым будь на жизненной дороге,
На себя — не на других гляди.
И, когда с пути собьются сотни,
Не сбивайся, прямиком иди.

1871

М А Й

Птицы по ольшаникам запели,
И, сияя, солнце лезет вверх.
Голубеет праздничное небо,
Клич весны вселяет жизнь во всех.

1872

А П Р Е Л Ь

Люди, узы братства снова
Нас соединяют.
Доброта — любви основа —
Горе побеждает.

И Ю Н И

С семян в любые времена
Взимали дань крестьяне.
Но мысли — тоже семена,
Их урожай — деянья.

1873

Д Е К А Б Р Ь

Во власти ночи и недуга
Свет зародился в старину.
Разбей, господь, оковы духа,
К победе поведи страну.

Между 1852 и 1859
Между 1865 и 1873

ПЕСНЯ ОБ ОТЕЧЕСТВЕ

Отчизне, пахарь, верен будь,
Стань твердым, как гранит, —
Здесь жизнь и смерть приемлешь ты, —
Она тебя хранит. . .

На свете нет земли милей,
Где шепот рощ и струй. . .
Здесь ты вкусил борьбу, и скорбь,
И Смерти поцелуй. . .

Нередко землю враг топтал,
Эстонцы лили кровь.
В преданьях сохранил народ
К отечеству любовь!

Дружины Лембиту дрались
С врагом, что цепь сковал.
И русский царь под трубный глас
Те цепи разорвал!

Затем немало зол и бед
Народ наш перенес,
Но корни древние его
Не высохли от слез. . .

Живут они в живой земле
И сотрясают твердь:
«Итог страданьям тысяч лет —
Жизнь побеждает Смерть!»

Отчизне, пахарь, верен будь,
А всё иное ложь!
Всю жизнь живешь ты на земле —
И в землю отойдешь!

На свете нет земли милей,
Где шепот рощ и струй. . .
Здесь ты вкусил борьбу, и скорбь,
И Смерти поцелуй!

<1874>

ХРИСТИАНАМ

ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ

.....
Только глупость может попытаться
Солнце восходящее закрыть.

В дни, когда из слов рождались распри,
Разве стало на земле светлей?
Только мир пусть будет признан жизнью,
Пусть любовь живет в сердцах людей.

Часто, содержимого не зная,
Из-за скорлупы вступали в бой,
А народ стонал в кровавых спорах,
Мира ждал в слезах народ родной.

Грех — душить священный дух свободный,
Если души темные пусты.
Глуп, кто ратует о просвещеньи,
А своей не видит темноты.

Ясность не ведет людей к раздорам,
Каждый новый день несет нам свет.
Лишь в угаре возникают войны,
Там, где ссоры, — пониманья нет.

Испытайте собственную веру,
Веру древних — что в них скрыто тьмой?
Многое окутано в них тайной
И теперь, и в древности седой.

Но земля, и в этом нет сомненья,
С каждым днем — всё более светла.
Время разливает свет всё ярче,
Чтобы скрылась ложных мнений мгла.

.....
Мир не стал светлее от того, что
В многих битвах гибли друг и враг.

И, когда народ терзали верой,
Над землей стояли ночь и мрак.

И огонь и меч карали люто,
Выжигая ересь из сердец,
Тех, кто хоть на шаг ушел от веры...
Это делалось во славу неба,
Где живет всевышний наш отец.

<1875>

ПРИВЕТСТВИЕ

Когда иду в раздумье
По луговой тропе
Иль на гору взбираюсь, —
Кругом я озираюсь
И шлю привет тебе!

Вхожу ли в сад тенистый,
Где места грусти нет,
Плету венок нарядный
И мысленно в волненьи
Тебе я шлю привет!

Венок мой бедный, скромный,
Но в нем от друга весть.
Цветы умрут, увянут,
Но сердца не обманут,
Когда любовь в нем есть!

<1880>

КОЛОКОЛЬЧИК И ЦВЕТЫ

Чу! Колокольчика мотив...
Ему внимает лог,
И танца трепетный порыв
Сердца цветов увлек.

Навстречу ландышу цветы,
На серебристый звон,
Спешат, белы, красны, желты,
Бегут со всех сторон.

И колокольчика мотив
Их танцевать зовет.
При лунном свете так красив
Беспечный хоровод.

Ах, злой мороз на землю пал,
Ударил с высоты,
И колокольчик замолчал,
И замерли цветы.

Но лишь освободится луг
От инея опять,
И колокольчик снова в круг
Начнет цветы сзывать.

И спозаранок этот зов
Меня туда зовет,
Где песни слышатся цветов,
Где водят хоровод.

<1880>

ЛЕМБИТУ

(Отрывки из поэмы)

Вступление

Мы за певцом пройдем в его чертоги,
Где ждут твои спасители, Народ,
Увенчаны венками, словно боги,
Сияньем озаряя небосвод.
Нам легче жить и тягости земные
Переносить, когда мы видим их,
Ведь сколько мук познали всеблагие,
Пока на небо Уку взял живых."

Один из них, спокойный, величавый,
В печали одинокий, как король,
Не ведал он ни счастья, ни славы,
А лишь изведал скорбь, сомненья, боль.
Он бросил власть, хоть молодость пылала,
Ушел в леса, печален, нелюдим,
Где над ущельем молния сверкала,
И жил один с страданием своим.

Он не спускался с неба к людям в латах,
Он Человек. И не был он крылат.
За право улететь с мечтой крылатой
Он заплатил тягчайшею из плат.
Средь горя и невзгод неимоверных
В борьбе провел свой скорбный краткий век,
И нам сейчас в величии безмерном
Предстал, как совершенный человек.

Ты, песнь моя, как лебедь белокрылый,
Неси меня до самых облаков
В чертоги Таары, Ванемуине силой,
Что к людям возвратится без оков.
Когда сыны Эстонии услышат
Ту песнь, что подымает всех живых
И указывает путь: всё выше, выше, —
Забвеньё поглотить не сможет их!

И тот, кто видел родину счастливой,
Припомнит пламя утренней зари
И тропку узкую у серебристой ивы,
Где косят на рассвете косари...
И сила чудная в его взывает жилах,
И он очнется, словно ото сна,
И снова найденной отчизны милой
Вновь запоем заветная струна...

Так разбужу забытые я звуки,
Услышу песни юности своей
И к прошлому протягиваю руки,
Как реки тянутся в простор морских зыбей.
Там воды рек поглотят моря недра,
Но помнится ручью родной исток,

Где влагой он поил и ласково и щедро
И сень дерев, и полевой цветок. . .

Я начинаю! Слушай же с вниманьем
Ту песнь отцов и прадедов, Народ!
Наш старый долг — воспеть твои страданья,
Пусть неба гром свой голос подает.
И верю я, что мощь страны воскреснет,
Услышат нас в могилах мертвецы,
И не угаснут в Отчем Доме песни,
Что на земле эстонской *есть певцы!*

Песнь одиннадцатая

. . . «О боги! Вы, что в облачном чертоге
Живете в озареньи бурь и гроз,
Молю вас страстно, мне ответьте, боги!
Услышьте жителя земли вопрос!
Тоской закован в цепи, безответно
Я в муках стражду, нет их тяжелей, —
Подайте знак мне, боги, незаметный,
Что ваша милость осенит людей.

О, дайте знак, чтоб отогнать сомненья,
Ответьте ясно, если не мертвы,
Что я напрасно вопрошал в смятеньи,
Что к смертным, боги, милосердны вы,
Что вы добры! О том мы не забудем.
Поверю вам, — когда бы точно знал,
Что небеса придут на помощь людям,
Я б, как дитя, вам руки целовал. . .

О, дайте знак! Чтоб звезды не угасли.
Смотрите: меркнут, гаснут в небесах. . .
Хотя б одну мне дайте, буду счастлив.
Как страждет сердце! В душу входит страх!
Последняя надежда сгинет вскоре,
Тревоги жгут и разрывают грудь.
О боги! Облегчите наше горе
И к звездам людям укажите путь!»

Так он молил, и сердце жарко билось,
И помутился взор его от мук,

Но лес был тих, лишь ветка надломилась,
И слух тревожил чьих-то жалоб звук.
А кто-то горе сеял и кружился,
Вершины сосен ветром раскачал.
Он задрожал и понял — заблудился,
И в ярости он небу закричал:

«Вас, боги, породило легковерье,
Людских страданий горестная тьма,
В крошечном мраке страх и трепет зверя,
Что помощи лишен. Судьба сама
Вложила людям в сердце жажду битвы,
Но боги безучастны и мертвы.
Напрасно я творил свои молитвы,
Их не хотели знать и слушать вы!

Я был глупцом. Я верил вам, изверясь,
Но не внимали вы моим словам.
Мой голос слаб. Почти впадая в ересь,
Весь мир кричал, взывая, боги, к вам.
И тысячам молений и стенаний
Не вяляли вы. Рассудок ваш жесток.
Не помогли ни в горе, ни в страдании,
Не осушили слез людских поток!»

Песнь пятнадцатая

... Бог не явился в пламени заката
Ни темной ночью, ни в начале дня,
Не показал свой лик в траве измятой,
Среди цветов в живом венце огня.

Он сов не испугал — лесных вещуний,
Не оборвал мирских событий нить,
Не смог нарушить смену полнолуний,
Луну и звезды ночью затемнить.

«Нет! — молвил Лембит. — Уку не явился.
Он был во всем, но больше нет его...
Напрасно, странник, ты ему молился,
Напрасно верил в божье торжество!

Твоим не внемлет воздыханьям Уку,
Не властен он людей любить, карать.
Он создал мир. Теперь он сковав скукой.
Приходит время богу умирать!

Он жить устал: без воли, без желанья
Живет во всем, не нужен никому,
На ложе сна застыл, как изваянье,
Былая слава не верна ему.
Кто властен в мире, если нет кумира?
Добро и зло одним плащом закрыв,
Жестокий случай стал владыкой мира...
Так за приливом следует отлив...

Он сам себе теперь помочь не может,
Как можно верить в Уку? Чистый вздор!
Народом день прошедший праздно прожит,
И он не видел счастья до сих пор.
Ты учишь нас молить богов в ненастье.
Хлеб не растет во рту у бедняков.
Кто хочет мира на земле и счастья,
Тот их творит без помощи богов!

Ну что ж? Я в гневе продолжаю мыслить.
Созрел мой план. Я в новой вере тверд!
Я звездам путь по-новому расчислю,
Пусть будет он по небу распростерт.
Я сам создам себе земной порядок;
Без яда зла, без звона серебра.
И в кузнице, потомкам всем в награду,
Меч закалю на пламени Добра!

Итак, мы знаем: людям бог не нужен,
Мы все уходим в бой по одному.
Давайте думать, братья, об оружьи,
Чтоб не погибнуть в битве самому.
Бойцы сражаться с Ложью не устали,
Все помыслы мои, Народ, — тебе!
Есть ум и сердце — словно меч из стали, —
Да сокрушит он недругов в борьбе!!»

ФРИДРИХ РУССОВ

НЕДЕЛЯ ЛЕНТЯ

Ох, мил денечек воскресенье,
День ты праздничный, день погожий!
Вот уж досыта отдохну я,
Солнце встанет, а я не встану:
Так устал я, что нету мочи.
Ох, как я заснул в понедельник,
Так и вторник весь продремал я,
Так и среду всю провалялся —
А в четверг глаза продрал я, —
Глядь, ан пятница и настала,
Воскресение накатило.
Вот я в церкви всхрапну немножко,
Вот я там позеваю малость,
А оттуда и на работу:
Пол в корчме каблуком вспашу я,
Глотку божьим зерном засею,
Потрудиться заставлю зубы —
Жуйте, милые, молотите;
А потом пора и на печку:
Отдых в каждой работе нужен!

<1854>

ПУ И ЧУДЕСА!

Путь мой вел через Харьюмаа,
Путь мой шел через Вирумаа,
Всю Ляанемаа исходил я,
Всю Ярвамаа я промерил.

И везде, куда ни посмотришь,
Чудеса кругом, да и только!
Жабы на кочках, что купчихи,
Так понадулись — вот-вот лопнут,
Куры головы вверх задрали,
Будто перья на них павлиньи.
Вот захожу я в чью-то хату:
«Здравствуйте, люди, где хозяин?»
— «Барин пашет, супруга доит,
Дочка-душка навоз кидает!»
Где же ты, деревенский житель?
Нет бобыля, исчез крестьянин!
Все подряд господами стали,
Руки в боки, как есть бароны!
Тот арендатор, этот торговец —
Все стали дельцами почище немцев!
Трубки в зубы, штаны, как дудки,
Шляпа словно к ушам примерзла,
Моль в кошельке дыру прогрызла,
Ветер свищет в пустых карманах.
Вши да блохи у бар в лакеях,
День и ночь им на славу служат.
Где же уклад наш, где обычай,
Где вы, обряды дней минувших?
Детям отданы на потеху,
На посмешище спеси глупой. . .
С чучелами мужчины схожи,
Пугалами одеты жены,
В русских тряпках, в немецких

шляпках,

Черт их знает, в каких отрепьях.
Забыл о кострах наш Иван Купала,
Костров не разводит наш Ян
деревенский —
Жжет костер в своей носогрейке, —
Чистый нехристь, как есть язычник, —
Адской водичкой шпарит глотку,
Словно фокусник, дым глотает.
Где вы, пиршества свадеб прежних?
Где Рождество с его весельем?
Ярмарки, игры, песни, пляски?
Смолкли каннели и волынки,

Стихли скрипки и скрип качелей,
Смех молодых и шутки старых...

Значит, стал народ сиротою?
Значит, умерли все преданья,
Мудрость дедов и бабок щедрость?
Всё, что завещано нам отцами,
Сгинуло — и поминай, как звали?
Мудрость шляпою обернулась,
В кошельке задохнулась щедрость,
Песнь захлебнулась в штофе водки,
Старый уклад — в кабацкой кружке.
Жизнь былая сошла в могилу,
Покрывалом — чертополох ей,
Домовиной — лопух зеленый,
А крапива — надгробным камнем.

<1854>

ВАРИН И КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА

Б а р и н

О небесное созданье,
Бог тебя направил сам
Облегчить мои страданья,
Снизойти к моим слезам!

Д е в у ш к а

Что плетешь ты, пустомеля?
Притворился, толстый плут,
Будто бы на самом деле
Слезы по щекам текут!
Ни к чему волынку тянешь,
Что ни скажешь — всё соврешь!
Сам себя скорей обманешь,
Да меня не проведешь!

Б а р и н

Я сорвал терновник горя
Вместо розана любви,
С чьими лепестками спорят
Алые уста твои!

Девушка

Вот придумал чушь какую!
Губы — розы! Кабы так,
Друга милого целуя,
Я попала бы впросак!
Пусть жених мой просто конюх,
Лучше парня не сыскать.
Целоваться он не промах,
Да и я ему под стать.

Барин

Раз, жестокая, не хочешь,
Чтоб продлилась жизнь моя,
Должен я немедля, тотчас
Застрелиться из ружья!

Девушка

Ну, пришла напасть лихая,
Барин в крайности такой!
Всей душой тебе желаю
Обрести скорей покой!
Чтобы свой обет сдержал он,
Не ударил в грязь лицом,
Побегу-ка я, пожалуй,
За отцовым ружьем!

<1854>

КАРЛ ЭДУАРД МАЛЬМ

ОТЧИЗНА

Я вновь, Эстония, с тобой,
Чудесный край, где я родился,
Там, где впервые осветился
Мой путь счастливою звездой.
Здравствуй, здравствуй, край родной!

Я долго жил в стране чужой,
Вдали от родины любимой.
Разлукой долгою томимый,
Теперь иду к себе домой.
Здравствуй, здравствуй, край родной!

Вот лес знакомый предо мной,
Полей необозримых дали.
Спешу увидеть мать — жива ли? —
Обняться с братом и сестрой.
Здравствуй, здравствуй, край родной!

Вот говор слышу я живой,
Он слух мой издали ласкает,
Как своего, меня встречают
Мальчишки сельские гурьбой.
Здравствуй, здравствуй, край родной!

Эстония! Теперь я твой,
До самой смерти твоей отныне.
Когда умру, меня обнимет
Земля отчизны дорогой.
Здравствуй, здравствуй, край родной!

<1870>

БЕРЕЗКА

Березка стройная росла
У моего окна.
Моей единственной была
Подруженькой она.

В ее тени в полдневный зной
Я время проводил,
И шил я сок ее весной,
И набирался сил.

Но вот настал печальный час
Покинуть отчий дом,
Я к ней пришел в последний раз
Побыть в тиши вдвоем.

Шептали грустно листья мне,
Шурша над головой:
«Лишь здесь, в родимой стороне,
Найдешь себе покой...»

Исколесил я все пути,
Бывал не раз в беде,
Всё счастье я хотел найти,
Да не нашел нигде.

И вспоминал я отчий дом,
Березку у окна.
«Покой найдешь в краю родном», —
Шептала мне она.

<1870>

ВЕСНА

Поднят зимний снежный занавес,
Ветерок по полю катится.
К нам весна явилась заново
И гуляет в летнем платье.

Льды давным-давно уж взломаны,
Ручеек журчит в расщелине,
Тонет роща в птичьем гомоне,
Разузоренная зеленью.

В небе стаи журавлиные
В голубой дали проносятся,
Ребятишки за овинами
На полянке с криком носятся.

Если всюду радость светится,
Так расстраиваться незачем:
Верю я — весной излечатся
У людей любые немощи.

<1870>

ДЕВУШКИ-ГОЛУБУШКИ

Девушки-голубушки,
Ласточки весенние!
Что слышал я в ельнике,
В ельнике-ольшанике!
Слышал свадебные вести,
Будто звали меня в гости.
Повстречалась мне ворона,
Стал расспрашивать я птицу:
«Ты, ворона, скромница,
Ты, плутовка, умница;
Знаешь, где играют свадьбу,
Кого замуж выдают?»

Птица, каркнув, отвечала:
«Мне до свадеб дела мало.
У меня свои заботы:
Добрым людям зло пророчить,
Приносить худые вести».

Повстречал я голубя,
Поклонился сизому:

«Здравствуй, голубь-голубок,
Бархатное горлышко!
Ты не слышал звона ли
Свадебных бубенчиков?
Не видал ли пестрого
Свадебного поезда?»
— «Как не видеть, видел, видел!
Нашу Мáри, нашу радость,
Увезли, украли,
В город заманили.
И тоскует девушка
За стеною каменной,
Девушка-красавица,
Очи — как смородина,
Косы — змеи черные,
А душа — что золото.
Не вернется наша Мáри,
Так и сгинет в городе».

Так, воркуя, молвил голубь.
Понял я, пошел в конюшню,
Накормил коней досыта,
Вывел их на двор широкий
И запряг буланого
В пару с белогривым.
Натянул я рукавицы
И хлестнул своих лошадок,
Заплясал мой белогривый,
Головой мотнул буланный —
Так и рвутся за ворота,
Со двора да на дорогу.
Тут корова замычала,
Морду высунув из хлева:
«Ты куда собрался, парень?
Ты куда, хозяин, правишь?»
Понял я, сказал пеструхе:
«Собираюсь в дальний город
Нашу ласточку проведать,
Погулять у ней на свадьбе».

Поняла и замычала
Круторогая из Амблы,

Закричал петух из Кийны,
Раскудахтались наседки,
Расшумелся селезень,
Разворчался пес дворовый:

«Ох ты, горе-горюшко!
Взяли нашу пташечку,
Увезли в семью чужую.
Там, за каменной стеною,
Некому ее послушать,
Словом ласковым утешить.
Ты скачи скорее в город,
Прямо в дом ступай — на свадьбу.
Передай от нас привет,
Пожелай счастливых лет
Жениху с невестою».
Понял я и с гиком громким
Подхлестнул своих лошадок,
И они рванули с места,
Вылетели за ворота,
Так помчались удалые —
Только версты замелькали.
В стороне корчму оставив,
Мы влетели в бор дремучий.
В том бору, бору зеленом,
Заяц из кустов метнулся
И, догнав мою упряжку,
Поздоровался со мною:

«Здравствуй, здравствуй, гость проезжий,
Балагур, танцор веселый!
Ты гони коней быстрее,
Чтоб тебе поспеть на свадьбу!
Там грустит красавица,
Белая купальница,
Гордость леса нашего.
Торопись поспеть на свадьбу,
Передать привет невесте!»

С ветерком, под гик и грохот,
Кони в Таллин прилетели.

И со звоном подкатили
К дому, где играли свадьбу.
У крыльца их осадил я,
Кнут на передок повесил,
Ячменя задал ретивым
И отправился к невесте
В дом, где музыка играла.
«Здравствуй, здравствуй, ласточка,
Плечики точеные!
Ты прими поклон от гостя,
Бедного, незваного!»

<1870>

КАК ВОРОБЕЙ ПОМОГАЛ МУЖИКУ МОЛОТИТЬ

«Урожай у тебя, мужичок,
Уродился на славу и в срок.
Чик-чирик! Если хочешь, тебе
Помогу я на молотье.

Чик-чирик, чик-чирик, чив-чив-чив,
Ты ведь знаешь, что я не ленив,
Что во всем дорогом дружку
Я готов помогать на току.

Хлеб твой, вижу, и вправду хорош,
А почему ты его продаешь?
А на вкус хорошо ли зерно?
Разреши-ка склевать мне одно!»

Рассмеялся крестьянин: «Ты плут,
Знай суешься, куда те зовут.
Вот задену цепом тебя... Кыш!
Да не бойся — шучу я, глупыш!

Не зевай, налетай, воробей,
Молоти своим клювом живей,
Поплотнее свой зоб набивай,
Помогай убирать урожай!»

<1874>

СОЛОВЕЙ

Гуляю по тропке в зеленом лесу
И слушаю птичье пенье.
Вверху — на ветвях и в оврагах — внизу —
Все птахи и пташки щебечут в лесу.
Мне радостно слушать их пенье.

Вдруг звучно защелкал, запел соловей,
И тишь воцарилась такая!..
Когда зазвенят эти трели в листве,
Цветы перестанут качаться в траве
И птицы замрут, умолкая.

Я дальше иду, и руладой шальной
Меня соловей провожает,
Люблю проходить я по чаще лесной,
Когда, разливаясь в листве, как шальной,
Меня соловей провожает.

<1884>

ПЕСНЯ ЛАСТОЧКИ

Песенки давнишней, песенки давнишней
Мне забыть не суждено.
Детство золотое, детство золотое,
Где оно?

Ласточка-певунья, ласточка-певунья
Щебетала у ручья.
Песенку касатки, песенку касатки
Помню я:

«Осенью видала — к югу улетала:
Были полны закрома.
С юга прилетела, снова поглядела:
Нету ни зерна».

Слушай голос детства, слушай голос детства —
Он тебе, как мудрый друг,
Ясно растолкует песенку лесную
И язык пичуг.

Как найти мне снова милый край былого?
Как — хотя бы в сладком сне —
В милое бывшее, в детство золотое
Возвратиться мне?

Грело солнце мая ласково, когда я
Уходил из этих мест.
Почему же ныне холод и унынье
Вижу я окрест?

Ласточка вернется, нива всколыхнется,
Будут полны закрома.
Но в опустошенном сердце отрешенном
Навсегда зима.

Не вернут касатки, не вернут касатки
Радости моей былой.
И поют, как прежде, и поют, как прежде,
В стороне родной:

«Осенью видала — к югу улетала:
Были полны закрома.
С юга прилетела, снова поглядела:
Нету ни зерна».

<1884>

ЮХАН ВЕЙЦЕНБЕРГ

ТЫНИС ЛАКС, ИЛИ ОТЕЧЕСТВО ЭСТОНЦЕВ

Пейпси-озеро... В том крае
Я когда-то был,
Там одно кладбище знаю,
Где не счесть могил,
Где немало плит укрыто
Зеленью кустов;
Много там людей зарыто,
Много там крестов.

На одном кресте такое
Мне пришлось прочесть:
«Счастье вечного покоя
Обретает здесь
Тынис Лакс; забыв волненья,
Горечь бед своих,
Здесь нашел он избавленье
От невзгод земных».

С детства Лакс работать начал,
Тружеником был —
Век на мызе он батрачил,
Не жалея сил,
И вздыхал от горькой доли:
«Ох, настал бы срок,
Стало б собственностью поле —
Свой земли клочок...»

Мужики кричали: «Худо
Здесь нам, братцы, жить!
И в Россию всем отсюда
Надо уходить!»

Там в отечестве мы будем!» —
Бедный люд шумел.
«Всем — в Самару! Там добудем
Свой земли надел!»

Лакс и все, решив, что нужно
Уходить от бед,
Собрались на сходку дружно,
Чтоб держать совет.
Денег наскоро собрали
И без лишних слов
Разузнать про всё послали
К Волге ходоков.

Отказались честь по чести
От чужой земли...
Тут-то вдруг худые вести
С Волги к нам пришли.
Не такого люди ждали,
Собираясь в путь...
Все просить скорее стали
Хутора вернуть.

Но пришли уже другие
Жить на хутора.
Наступили дни лихие,
Лютая пора.
Видит Тынис — дело худо!
«Где ж теперь мне жить?!»
Смерть сказала: «Нам отсюда
Надо уходить...»

Вот и дали Лаксу в мире
Клок земли родной
Семь — длиною и четыре
Фута шириной.
Это твой надел под солнцем
Здесь, в родном краю.
А отечество эстонцев
В небесах, в раю.

1860

ПЛАЧ СТАРОГО БУРМИСТРА,

УВОЛЕННОГО ИЗ ИМЕНИЯ

В ЮРЬЕВ ДЕНЬ 1461 ГОДА

1

Мне грустно, люди честные!
Оставить должен место я —
Давнишнее, привычное,
Где жил всегда отлично я...
Стою — и камень на сердце.
Из глаз слезинки катятся.

2

Зря господá так делают,
Ведь правил тут умело я.
Не день, не год, а сорок лет.
Умел за всё держать ответ,
Постиг я без сомнения
Все тайны управления.

3

Я одинок. Я стар и сед.
Умней меня на свете нет.
Так лучше бы не трогали!
Уж мне до гроба много ли?
Удар подобный трудно снести:
Ни пить не хочется, ни есть.

4

Любил я покуражиться,
Что князь в удельном княжестве.
Здесь каждый привечал меня,
С почтением встречал меня,
Бурмистром добрым называл
И даже руку целовал.

Имел я власть безмерную,
 Почти невероятную.
 И был счастливым мой удел.
 Я делал всё, чего хотел.
 Вершил дела немалые,
 Дивил весь мир, бывало, я.

На низших я, на эту рвань
 Обрушивал такую брань,
 Какой от сотворенья лет
 Еще не слышал божий свет,
 Но это тем не менее
 Внушало уважение.

Как я любил народ собрать
 И на народе поорать,
 Что никогда никто другой
 Не вел бы с ловкостью такой
 Дела по управлению
 Подобного имения.

И хоть бы раз сказал народ,
 Что, мол, бурмистр бесстыдно врет,
 Что глуп он и беспамятен,
 И, как чурбан, безграмотен,
 Что он не знает ничего —
 Всё пишет писарь за него.

Никто так не честил меня.
 Народ, как бога, чтит меня...
 «Россию всю насквозь пройдешь.

Ума такого не найдешь,
Такого нрава честного...
По всей земле известны вы».

10

Я всем, кто этак говорил,
Потом по стопке подносил.
Народ был благодарен мне,
Кричал: «Качайте барина!..»
Ну что ж! В имени, в погребе
Вина хватает доброго.

11

Похабством ли, дурманом ли, —
Но я народ обманывал.
Что ж! Мухи ловятся на мед!..
Шел по делам ко мне народ,
И все без исключения
Таскали подношения.

12

Тот банку меда приволок,
Тот рыбки свеженькой мешок,
Шли с чаем и сигарами,
С бутылкой рома старого...
А многие — с телятами,
С гусями, с поросятами.

13

Кто одарял меня щедрей,
Тот был и мил... Всего ж сильней
Всегда ценил, признаться, я
Дававших ассигнации.
Богатому сам черт не брат —
Ему не страшен даже ад.

14

Однажды суд в имении был,
 Народ отчаянно вопил.
 И каждый надрывался,
 Свое сказать пытался.
 Но я воскликнул: «Кончен спор!»
 И мигом вынес приговор.

15

Творил я прегрешенья
 Без страха и смущенья,
 И тот, кто взятку мне давал,
 Тот виноватым не бывал...
 Мне все платили: кто рублем,
 А кто не мог рублем — горбом.

16

Всегда я жуликов любил.
 А честный тут не к месту был...
 Я баб оправдывал подчас,
 Ведь есть пословица у нас:
 «Кто бабу злить решается,
 Со счастьем распрощается».

17

Набор рекрутский наступил...
 Уж тут карманы я набил,
 Совали мне богатые
 В карман червонцы смятые,
 И шли домой спокойно жить,
 И шел бедняк царю служить.

18

Так правил неустанно я,
 Так набивал карманы я.
 Всё деньги греб... Еще... Еще.

Вот так на души падох черт,
Как я на деньги падох был...
Я много тысяч накопил.

19

Расстаться с местом — ох, беда! —
Ведь я тут счастлив был всегда,
И жил всегда бесплатно я.
О, время невозвратное...
Да! Жизнь под гору катится,
На всё придется тратиться.

20

Я тут бурмистром был, царем...
Простым останусь бобылем.
И все, над кем царил я тут,
Меня собакой назовут...
Вся власть моя могучая
Как дымка улетучилась.

21

Меня тут многие клянут.
Но девушки — те слезы льют
И с волею прощаются:
Она для них кончается.
Надсмотрщик новый каждый день
Сбивать с них палкой будет лень.

22

Прощай, именье — клад мой, рай.
Навеки, милое, прощай.
Беседка вон... В беседку ту
Уже поспать я не приду.
Вот баня, где я парился...
Вот всё, с чем я состарился.

Где Юри, барин-толстячок?
Шутник, веселый старичок?
Где всё его правление,
Похабства, наставления?..
Та быть как будто не была!
Иными стали все дела.

1861

ЛИДИЯ КОЙДУЛА

18
The first of these is the
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..
... ..

THE FIRST OF THESE IS THE

РОДНОЙ ДОМ

Перед забором был лужок
На улице у нас,
И мы детьми в густой траве
Там бегали не раз.

Там до зари играла я
То травкой, то цветком,
Покуда дед не уведет
Меня за ручку в дом.

Хотелось мне через забор
Взглянуть, кто там живет.
А дед смеялся: «Погоди,
То времечко придет!»

Оно пришло. Луга, моря
Узнала я в свой час.
Но было мне всего милей
На улице у нас.

<1865>

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

Один есть в мире уголок,
Ты и любовь и счастье мог —
Редчайший дар — в нем обрести
На жизненном своем пути.

То сердце матери. Оно
Всегдашней верности полно,
Оно и в радости с тобой,
И в дни, объятые тоской.

Когда людей коварство, ложь
Во всех делах ты их прочтешь,
Узнаешь ненависть к себе,
Презрение к твоей судьбе, —

Лишь сердце матери тебя
Поймет, печалясь и скорбя,
И на груди ее родной
Ты сердце облегчишь слезой.

Друзей, что потеряла я,
Вернуть мне может жизнь моя.
Но сердце матери одно —
Его вернуть не суждено...

<1865>

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты смотрел на дуб могучий,
Что вознесся над горой?
Он ветвями ловит тучи
И целует их порой.
Гнезда здесь орлы свивают,
На вершине любо им.
Молча путник застывает
Перед дубом вековым.

Смотрит в небо дуб огромный,
А внизу, у самых ног,
Тонкий, маленький и скромный
Луговой растет цветок.
Но когда ты, друг-прохожий,
Вдруг достигнешь высоты,
Рядом с деревом, быть может,
И цветок заметишь ты.

Одному даны от бога
Сила духа, крепость, стать.
Рад другой, хотя б немного,
Взоры ближних услаждать.
Мы живем по воле божьей
Так, как нам велел творец,
И в последний час мы сможем
Мирно встретить свой конец.

<1866>

ДАРЫ ВЕСНЫ

Шепнул мне вешний ветер нежно:
«Дитя, иди в простор безбрежный,
Зачем сидишь ты взаперти?
Весна пришла к нам молодая,
Цветы повсюду рассыная, —
Скорей навстречу ей лети!»

Куда же от весны мне скрыться?
Она пришла дождем пролиться
Трав ароматных и цветов.
Могла ль вчера я верить чуду,
Что счастьем взыскана я буду,
Что я весны услышу зов?

<1866>

ЛЮБОВЬ

Коль не растил ты в тишине
Любви в груди своей,
То, как слепой о белом дне,
Ты не суди о ней.

Но если сам полюбишь вдруг,
Прозреешь сразу ты.
Прекрасным станет всё вокруг —
Поля, роса, цветы.

Цветку любви порой нужна
Лишь ночь, чтоб расцвести.
Спокойно жди! Заря должна
И для тебя взойти.

<1866>

ВОЛНЫ

Ручеек, ты мимо,
Торопясь, бежишь
И неугомимо
Волны к речке мчишь.
Быстрой вереницей
Волны вдаль спешат,
И не возвратится
Ни одна назад.

Погляди: кивают
С берега цветы,
Птицы распевают,
Шелестят листья.
Но ни на мгновенье
Не замрет волна,
В белоснежной пене
Катится она.

Разве ты узнаешь
В речке ту волну?
Разве угадаешь
Изо всех одну?
Канет невозвратно
В глубь зеленых вод,
Никогда обратно
Вновь не потечет.

Жизнь с волною сходна:
Краток путь земной,
Пробежит свободной,
Быстрою волной.

День пройдет — и что же?
Мига не вернешь...
Как ты век свой прожил,
Так и отдохнешь.

<1866>

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗДАЛЕКА

Ээстимаа! Ээстимаа!
Твой лишь хлеб меня питает,
Лишь твоя земля — защита,
Родила ты и взрастила.
И творца благодарю я —
Вновь тебя я увидала.

Ээстимаа, Ээстимаа!
Не могла терпеть я дольше:
Холодно чужое сердце,
Жестки звуки чуждой речи.
Всюду я тебя слыхала,
Всюду я тебя видала,
Полную благоуханья.

Ээстимаа, Ээстимаа!
Голос твой я не забыла.
Пусть певцы чужие пели,
Каннеля они не знали,
Гусель бога Ванемуйне.
И воскликнула тогда я:
«Дайте мне домой вернуться!»

Ээстимаа, Ээстимаа!
Шелком руки мне вязали,
И чужая дева песен
У меня просила, я же
Пела: «Девушки-эстонки,
Только вас превозношу я,
Мной владеет лишь отчизна!»

Ээстимаа, Ээстимаа!
Вижу вновь твою границу,
Землю вновь целую, плача,
К небу руки подымаю:
Никогда, страна святая,
Я с тобою не расстанусь!

<1866>

ОСЕННИЕ ДУМЫ

По Э. Гейбелю

Желтый лист береза уронила,
Мокрый ветер бродит вдоль лугов,
Голос времени звучит уныло —
То последний бой его часов.

Ты устало, сердце золотое,
И безмолвно на детей своих
Смотришь с беспокойною тоскою:
Беспощадно грабит осень их.

Словно страхом яростным гонимы,
Облака плывут, плывут вдали;
И, спеша домой, в свой край родимый,
Жалобно курлычут журавли.

Дом! Какое сладостное слово!
Сердце, потерпи, — придет конец,
Ты желанного дождешься зова,
И тебя домой возьмет отец.

<1866>

УЧЕНИЕ

Мой народ, твои мученья
Длятся долгие года.
Всей душой стремись к ученью,
Без него для нас беда!

В деле, требующем правды,
Помощь даст оно всегда.

Слово славное — ученье,
Клич, всем людям дорогой.
Отдавай добро и деньги
Смело щедрою рукой.
Лишь к учению стремленье
Береги, народ родной!

О народ мой, судя строго,
Мы бедны еще умом,
Но мужей нам бог дал много
Тех, что с горем и трудом
Нас выводят на дорогу.
Где награду им найдем?

Их удел — нужда, гоненья. . .
Мой народ, мой отчий край,
Береги родник ученья,
Капли знанья не теряй!
На себя глядеть с презреньем
Никому не позволяй!

Вспомни весь свой путь суровый,
Оглянись, народ, назад:
Цепи рабства векового
Нес ты сотни лет подряд,
Но невежества оковы
Тяжелей еще стократ.

Мой один завет народу —
Рвись к учению всегда!
Жадно пей его, как воду
После жаркого труда!
Без него тебе свободы
Не добиться никогда.

<1866>

ЛЕН

По А. Ю. Кёрнеру

Лето! В твой венок с поры весенней
Много вплетено цветов тобой.
Только больше всех других растений
Полюбился лен мне голубой.

Одевает он небесным цветом
Полосы зеленые полей.
По сердцу эстонкам нашим это —
Нежный лен им всех цветов милей.

Вечерком волнуется под ветром,
Словно море сказочное, лен,
Чистой росой, теплом и светом,
И людской заботой укреплен.

Но пора тепла и игр веселых
Вместе с летом быстро пролетит,
И тебе немало дней тяжелых
Испытать, ленок мой, предстоит.

Ты оставишь поле, цветик робкий,
Молодицам в руки попадешь,
И узнаешь чистку ты и трепку,
Испытав при этом боль и дрожь.

Милое растение, что же делать?
Боль изведать в жизни все должны.
Ты после расчеса станешь белым,
Словно серп серебряный луны.

А когда спрядут льняные нити
Пряхи, красоту твою хваля, —
Ты забудешь о своей обиде,
Перестанешь вспоминать поля.

Легче терпит одинокий странник
Дождь и ветер в темноте ночной,

Если видит он в окне сверканье
Серебристой ниточки льняной,

Если видит он, как под лучиной
Пляшут пальцы в бликах золотых,
Если слышит гул беседы чинной
Иль разливы песен молодых.

Ты на благо нам цветешь под солнцем
В летний зной, ленок мой дорогой.
В деревнях и хуторах эстонцы
Кормятся уходом за тобой.

К алтарю идущая невеста
В платье наряжается из льна;
А когда в гробу находит место,
В саване льняном лежит она.

В мягкий лен ребенка пеленают,
Малыша, что только что рожден.
Старика в могилу провожают —
Вместе с ним в земле хоронят лен.

Лето! В твой венок поры весенней
Много вплетено цветов тобой.
Только больше всех других растений
Полюбился лен мне голубой!

<1866>

ПТИЦА В КЛЕТКЕ

Сидела птица в клетке
И выводила трели,
И нависали ветки
Над золотую кельей.

Взращенная в неволе,
Жила в полупотемках,
Не знала лучшей доли
И распевала громко.

Однажды возле клетки
Хозяйка птицы встала
И, отодвинув ветки,
Печально прошептала:

«О, как же ты несчастна,
Моя певунья-пташка!
Любовью к пенью страстной
Ты губишь жизнь, бедняжка.

Забудь свое веселье
И мне во всем доверься,
А то от звонких трелей
Вдруг разорвется сердце».

И клетку плотной тканью
Окутала девица.
Сбылось ее желанье —
Умолкла сразу птица.

Петь песни перестала
Рожденная для пенья,
Ей тесно в клетке стало
Впервые от рожденья.

У клетки вновь девицу
Я видела недавно.
Стоит она, дивится,
Что нет певуньи славной.

«Ну что могло с ней случиться?
Ведь здесь жилось ей чудно!»
О человек, признаться
Тебе в ошибке трудно.

Во тьме погибла птица
От горя и печали...
Могло бы так случиться,
Когда бы петь ей дали?

<1866>

Эстонская песня, звени
В лесной благодатной тени,
Плыви по течению реки,
Чтоб свежий твой голос проник,
Как ветер, во все уголки,
Где знают эстонский язык! . .
Эстонская песня, звени
В лесной благодатной тени!

Но пусть твой торжественный гул
Ударит, как меч, по врагу!
Как гнева карающий меч,
С сосновых вершин упади, —
Кто сможет тогда уберечь
Трусливое сердце в груди!
Пусть твой торжествующий гул
Ударит, как меч, по врагу!

Эстонская песня, дыши
Покоем для бедной души,
Уйми ее старую боль,
Прижми ее к теплой груди,
Смеяться и плакать позволь —
Победа еще впереди!
Эстонская песня, дыши
Надеждой для бедной души.

Будь так же светла и верна
Ты, как Эмайыги волна.
Лети от границ до границ
Цветочной весенней пылью,
И радостным щебетом птиц,
И дымом над кровлей родной!
Эстонская песня, звени
В лесной благодатной тени!

<1866>

ВСТРЕЧА

Робко, Ээстимаа родная,
Я стою перед тобой,
Славной родине вручая
Песенный подарок свой.

Птичка Ээсти запевала
В вешних сумерках. Пока
Пелись песни, записала
Их эстонская рука.

Пусть же встретят не сурово
Речь нехитрую мою.
То души эстонской слово —
Песню сердца я пою.

Взвейся, птичка Эмайыги,
Ты лети, мой соловей.
Сердца робкие побеги
Отдаю сердцам друзей.

<1867>

НА БЕРЕГУ ЭМАЙЫГИ

О Эмайыги, снова
Я вижу берег твой;
О Эмайыги, снова
Любуюсь волн игрой.

Как ты волнуешь мысли,
Как сердцу ты близка,
Источник вдохновенья,
Эстонская река!

Здесь голос Ванемуйне
И в наши дни живет,
Здесь песнь его и каннель
Хранит века народ.

Здесь Калева заветы
Все помнят — и дела.
Герой погиб, но слава
Его не умерла.

Здесь вырос храм науки
Над сенью гробовой,
Победно излучая
Свет разума живой. . .

Родная Эмайыги,
Ты видела в веках
Эстонию счастливой
И в горестных слезах,

В оковах тяжких рабства
И в праздники побед,
Запомнила немало
Ты радостей и бед.

Ты вдаль спокойно катишь
Потоки светлых вод
И новых поколений
Приветствуешь приход.

Но тем, кто понимает
Негромкий голос твой,
О многом ты расскажешь
Увиденном тобой.

Всем сердцем, Эмайыги,
Приветствую тебя.
Гляжу на славный берег,
Волнуясь и любя. . .

Последний сон певичцы
Баюкать будешь ты.
Здесь рядом, на могиле,
Распустятся цветы.

<1867>

ЗЕМЛЯ, ТОБОЙ ДО СМЕРТИ...

Земля, тобой до смерти
Хочу я дорожить,
В родных полях эстонских
До дней последних жить!
Мои луга и реки,
Родной язык мой, — вас
Вновь восхвалять хочу я
В последний, смертный час!

Как мать, даешь ты детям,
Взлелеянным тобой,
Свой хлеб, свою одежду,
Приют последний свой!
И мне милей — навеки
Уйти под сень твою,
Чем в почестях и славе
Блестать в чужом краю!

Каких сынов отважных
Взрастила нежно ты
И дочерей, красивых,
Как майские цветы!
Тебя ветра и солнце
Хранят, чтоб ты цвела,
И укрывают крылья
Высокого орла!

И всё ж я слышу часто
Твой плач, твой тихий стон...
О мать-земля, мужайся:
Изменчив ход времен!
И в светлый час грядущий
Воспрянешь ты, мой край!
Вперед — с челом открытым!
Уверенней ступай!

<1867>

ТОВАРИЩ

Я твой товарищ, приставлен к тебе с колыбели.
Всюду иду за тобой по пятам, верный страж.
Цвета земли мой кафтан, лоб в морщинах.
Смех ненавистен мне, слезы — отрада моя.
Только откроет глаза твои сонное утро,
У изголовья уж я занимаю свой пост.
Вечером скрестишь в молитве усталые руки —
Перед тобою стою я, спокоен, высок.
Ночью, во сне отдыхая, ты видишь мой образ.
Я твой владыка — неважно, батрак ты иль князь.
Носишь ты жесткие путы мои постоянно,
Тем они круче и жестче, чем старше года.
Снегом посыплю я кудри твои молодые,
Вылью сиянье очей, прочь румянец сотру.
Мне помогают отец мой — Недуг, мать — Невзгода;
Где мы идем, вянет радость и хмурится бровь.
Я провожаю тебя, человек, до могилы...
Знаешь, как звать меня? Горем-злосчастьем зови!

<1867>

А НА ДВОРЕ — ВЕСНА...

Стою под березой высокой.
С вершины роняет она
Увядший листок одинокий,
А на дворе — весна...

Сердце стучит еле-еле,
Сердце не знает сна.
Ему отходную спели,
А на дворе — весна...

<1867>

МОЯ ЭСТОНИЯ — МОЯ ЛЮБОВЬ

Земля родимая, тебя
Люблю всем сердцем я,
Тебя пою, мой высший дар —
Эстония моя!

Твоя во мне живет беда,
И твой восторг со мной всегда,
Эстония моя!

Нет, не покину никогда
Родного крова я, —
И за отчизну сто смертей
Принять готова я!
Не нужно мне земли иной, —
В моей груди — мой край родной,
Эстония моя!

Земля родимая, в свой час,
На склоне бытия,
Я в лоно отойду твое,
Эстония моя!
Мне тихий сон навеешь ты
И надо мной взрастишь цветы,
Эстония моя!

<1867>

НЕ МОГУ

Пригласи лесную пташку:
«Брось ты лес, иди в наш дом!»
Скажет: «Мне там будет тяжело,
Не найду покоя в нем.
Мчусь я с ветром к небосводу,
В сердце лесню берегу.
Я без песен, без свободы
Жить на свете не могу!»

Предложи цветку простому:
«Брось ты луг, иди в наш дом!»
Скажет: «Солнцу золотому
Предан каждым лепестком.
От него мои все краски,
Аромат мой на лугу.
Без его горячей ласки
Жить на свете не могу!»

Сердцу предложи попробуй:
«Брось любовь, оденься льдом!»
Твердо скажет: «Нет! До гроба
Буду я гореть огнем.
От любви мое биенье,
Перед нею я в долгу.
Без любви, без вдохновенья
Жить на свете не могу!»

<1867>

РАЗДУМЬЯ НА ГОРЕ ТООМЕЯГИ

Вспоминая давний подвиг,
Я стою, Калевипоэг,
Над могилою твоей.
Думы грозные роятся,
Как на небе грозятся
Тучи, полные дождей.

Здесь столетья прокатились,
Солнце с ветром потрудились
Над тобою, Ээстимаа.
Стерто многое волною,
Но иное, но иное
Не выходит из ума.

Ванемуйне! Ночью лунной
Пел твой каннель звонкострунный,
А вокруг земля спала;
Здесь, на этом диком берегу,
Крепли стройные побеги
От эстонского ствола.

Здесь о воле петь умели
Реки, травы, птицы, ели —
Все лесные существа,
И о мире, и о счастье,
О весне и о несчастье
Находить свои слова.

Слушай вой ветров студеных,
Шелест роц вечнозеленых,
Хруст мороза поутру!
Глянь — твердынь крошится камень,
Меч звенит, и вьется пламень,
Словно знамя на ветру.

Мчит война на колеснице.
От ее стальной десницы
Стены падают окрест.
И в твоих пределах, Ээсти,
Мор, оковы, пламя мести,
Рабство, ненависть и крест.

И в огне кровавых зарев
На твоей могиле, Калев,
Христианства встал оплот.
Ты, как солнце, закатился.
Перед недругом склонился
В черном рабстве твой народ.

Правда, где твоя обитель?
Ты забыл нас, небожитель!
Всюду бич, и кровь, и тьма!
Нет просвета в рабской доле,
И вкушает хлеб неволи
Род эстонский в Ээстимаа.

Боже добрый! Ты, чье имя
Преступленьями своими
Люди тщились запятнать!
Ты утешил нас незримо.
Под крылами серафима
Ожила отчизна-мать.

Время горе облегчило,
Наши раны залечило,
Возвратило вольность нам.
Пелена с очей упала,
И пора нам петь настала
Песню новым временам.

И на севере убогом,
Где когда-то по дорогам
Пронеслся вихрь шальной, —
Здесь хлеба заколосились,
Капли крови обратились
Земляникою лесной.

И поют над Эмайыги
Про упавшие вериги
Птицы в синей вышине.
И еще звенит их пенье,
Но уже ночные тени
Призывают к тишине.

Ээстимаа! Тебе немало
Провиденье даровало!
Всё ли сразу назову!
Я молчу. А ветер мчится,
И с веселым пеньем птица
Улетает в синеву.

<1867>

ЭСТОНСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЭСТОНСКОЕ СЕРДЦЕ

Только стоит мне святое
Имя родины назвать,
Ты лишаешься покоя,
Сердце, чем тебя унять?
Было и добро и худо,
Кое-что пришлось терять...
Лишь одно я не забуду —
Это имя повторять.

Ведь вдыхала этот воздух
Я, когда была дитя,
Я вдыхала этот воздух
И ликуя и грустя.
Ты со мной грустила вместе,
Рядом в радости была,

Я тебе сегодня, Ээсти,
Труд и песни принесла.

Я люблю светло и щедро —
Так, что в песне не спою,
О, прими в святые недра,
Мать-отчизна, дочь свою.
Ты, как мать, найди мне место,
Чтоб навек меня укрыть!
Землю Ээсти с сердцем эста
Никогда не разлучить!

<1867>

ПРИШЛА!

На улицу! Живее!
Цветут леса, поля!
Пригорки зеленеют.
В цветеньи вся земля.
Среди долин, взгляни-ка,
Алеет земляника...
Мчись, песня, в небеса!

Тебе открыты дали,
Печали срок истек,
И ветры завязали
Тебя в свой узелок.
Взвивайся, песня, в небо,
От солнца счастья требуй!..
Пришла весна-краса!

<1867>

ЧТО ГРУСТИШЬ?

Что грустишь, цветок? Слезами
Лепесточки налиты...
Глубину сердечной боли
Не познал ли, нежный, ты?

Не слышал ли вздохов Ээсти
Ты в полночной тишине
О былом прекрасном веке,
О потерянной весне?

Выше голову, цветочек!
Воцарилась вновь заря,
Осушила слезы ночи,
Ранним золотом горя.

Скоро над цветущей Ээсти
Станет утро ярким днем.
Как тогда навстречу солнцу
Благодарно мы вздохнем!

<1867>

САМО ХОТЕЛО

Взглянул он, умоляя: «Ответь глазами — да!»
Но почему-то сердце не дрогнуло тогда.
Смотрела я сурово, ничем не смущена,
Он прочь пошел — и снова осталась я одна.

Но отчего померкли внезапно небеса?
Куда цветов и листьев девалась вдруг краса?
Как тихо! Я сквозь слезы гляжу вокруг с тоской,
Сбежал со щек румянец, а из души покой.

Теперь одно лишь имя всю ночь твержу во сне,
Зову в слезах горячих любимого ко мне.
Зажженная любовью, я как свеча горю;
«Молчи, само хотело!» — я сердцу говорю.

<1867>

КОРОЛЬ УДУМЯЭ

Я видала дол зеленый, где в траве цветы цвели,
Где народ с веселой песней охранял покой земли...
Почему ж умолкли песни, страшен стал равнины
вид?
Почему костер пастуший темной ночью не горит?

Хмурый старец седовласый среди мглы огонь разжег:
Удумяя одноглазый дочь-найденыша стерёг.
«Холодны костры людские? Так иди смелее к нам.
Безграничны наши блага, всё, чего захочешь, дам!»

«Безграничны наши блага», — хором вторит духов рой.
Дни и ночи друг за другом быстро мчатся над землей.
«Где ж ты, пташка? За тобою страх давно уже следит.
Уж давно костер пастуший возле стада не горит.

О, здесь радости иные! Здесь иной узор цветов!
Осторожна будь, голубка, — ты увидела богов.
Блага их людских ценнее и звучнее голос флейт,
И слова слагает в песню вдохновенно Муруэйт».

Свет забрезжил. Провожает дочку, Муруэйт домой,
Говорит ей на прощанье: «Чудо-брошь возьми с собой!
Счастье прячь от злого мира! Если ж станет тяжело,
Отдохнуть у нас ты можешь, позабыв беду и зло...»

Незнакомку с удивленьем деревенский встретил люд.
Тысячи вопросов разных ей крестьяне задают.
Вдруг у одного порога вопль: «Дитя мое идет!
Я семь лет тебя искала! Сердце матери не врет!»

Тысячи вопросов разных. Голоса родных, подруг...
Удивленно и смиренно смотрит девушка вокруг:
«Как, семь лет?? Не ночь одну ли без родных я
провела?
Незаметно мчится время в той стране, где я была».

Тысячи вопросов разных. Дни слагаются в года.
Боль копьем вонзилась в сердце, в нем осталась
навсегда.
«Блага их людских ценнее и звучнее голос флейт,
И слова слагает в песню вдохновенно Муруэйт...»

О, там радости иные, там иной узор цветов!
Плачет девушка, не может позабыть костер богов.

Никогда уж не согреться ей в родной своей стране.
Часто ночью край счастливый видит бедная во сне.

Пусть на ней наряд невесты, пусть на ней убор жены, —
Муруэйт слышны ей песни из неведомой страны.

Нет забвенья тем, кто видел счастья благостный
родник,
Кто хоть раз к нему устами воспаленными приник.

Всё любовь поймет — коварству всюду видится обман...
Что там блещет? Копья судей засверкали сквозь туман.
Сам супруг жену выводит на жестокий суд людской.
«Оборотня покараем», — говорит мудрец мирской.

У толпы крестьян во взорах только злоба и укор,
Плачущую провожает вой проклятий на костер.
«Признавайся — жизнь даруем!» — крикнул кто-то
из людей.
«Счастье прячь от злого мира!» — тайный голос
шепчет ей.

Зашумел огонь, взметнулось пламя в синий небосвод.
Чу! Что злобу испугало! Отчего дрожит народ?
Свет дневной померк, туманом всё окуталось кругом.
Одноглазый Удумяэ появился над костром.

Говорит король тумана: «Пробил вашей кары час!
За тупую вашу ярость без воды оставляю вас.
Горе вам! Трава увянет, и цветов лишится луг.
Вы к огню прибегли? Что же, пусть сгорит всё
вокруг!»

Мрак растаял. Видят люди — жалкий их костер погас.
Величавый Удумяэ дочь свою от смерти спас.
Он унес ее навеки во дворец чудесный свой.
Люди пали на колени. Пробил час их роковой...

Я видала дол зеленый, где в траве цветы цвели,
Где народ с веселой песней охранял покой земли...

Навсегда умолкли песни. Страшен стал равнины
вид,
И в ночи костер пастуший возле стада не горит.

Превратили почву в камень солнца грозные лучи.
Здесь восходы дышат зноем и закаты горячи,
И роса не выпадает никогда на мрачный дол.
Удумяэ стороною эту землю обошел.

<1867>

ПЕСНИ

Песни — это слезы сердца,
Слезы тайные души.
Боль ли в сумраке ненастья,
Дуновение ли счастья
Всколыхнет ручей в тиши, —

Падает волной свободной
Слух ласкающий родник.
Капли в недрах потаенных,
Струйки в зарослях зеленых —
Что расскажет нам язык?

Лейся, лейся, речка песни,
Сердцу милая струя!
Если кто и улыбнется,
Сердцем песне отзовется, —
Счастье вновь узнаю я!

1868

ПЕСНЯ ПРЯХИ

Надо снова, надо снова
Колесо крутить, крутить,
Чтобы прочною основой
Намотать на шпульку нить.
Пряха пряжу безусловно
Разровняет в час труда.

Если что в любви неровно —
Остается навсегда!

На станке челнок и пальцы
Превращают пряжу в холст.
Если вдруг разрыв попался,
Чтобы дальше он не полз,
Мастерица свяжет живо
Разорвавшуюся нить.
Если есть в любви разрывы —
Их уж не соединить!

Путь от пряжи и до ткани
И не легок и далек:
В ход идут мытье, катанье,
Колотушка и валец.
Станет мягким холст и гибким
(Он таким и должен быть).
Если есть в любви ошибки,
Их уже не устранить.

Стелят холст на солнцепеке,
Белят ветром и дождем.
Коль от горя блекнут щеки,
Им уж свежесть не вернем.
На ветру, на солнце люди
Холст отмоют добела,
А любовь всё серой будет,
Коль вначале пыль была!

1870

ДРУЗЬЯ ЭСТОНИИ

У Эстонии на свете
Много добрых есть друзей.
Ты считаешь — люди эти
Всех родных тебе верней.
Спросишь: «С нас невзгоды бремя
Снять поможете, друзья?»
— «Да, когда настанет время.

А теперь никак нельзя!»
За спиной же буркнут: «Волки
Съели б ваши потроха!»
Как же тут не рассмеяться
Во всё горло: «Ха-ха-ха!»

Раз на праздник в Куресааре
Пригласили всех крестьян.
Наблюдали сами баре,
Чтоб любой был сыт и пьян.
Блюда были не простые,
Чарки, полные вина.
Времена пришли крутые,
Плеть народу не страшна.
И пытаются бароны
Тронуть лаской мужика.
Как же тут не рассмеяться
Во всё горло: «Ха-ха-ха!»

Недовольства первый признак —
Все бегут из сел долой.
Мол, голодной смерти призрак
Вновь маячит над страной.
«Дурни, вы же теста вроде
Распухаете у нас.
Словно зайцам в огороде,
Жить чудесно вам сейчас!» —
Так сказал недавно пастор.
Речь, признайтесь, не плоха?
Как же тут не рассмеяться
Во всё горло: «Ха-ха-ха!»

Обнаружилось, что в Риге
Латыши который год,
Не спросясь, читают книги,
Взбунтовать хотят народ.
В их Союз — вот в чем загвоздка —
Тайно «чуждый дух» внедрен.
Коль немецкому не тезка,
Несомненно «чуждый» он.
Вольдемар «Москау цайтунг»
Стал читать. Вот чепуха!

Что же немцы не хохочут
Во всё горло: «Ха-ха-ха»?

«Ванемуйне» наш как будто
Слаб, иные говорят:
У эстонцев души в путах,
Мысли в небе не парят.
Здесь звучит язык немецкий,
И ненужных нет затей...
Мы слышали довод веский
От почетных (гм!) гостей:
«Раз московской нет газеты,
Вы покуда без греха!»
Как же тут не рассмеяться
Во всё горло: «Ха-ха-ха!»

1870

СИЛЕТНЯ

Тийу машет (погляди!):
«Лийсу, ближе подойди!
Жениха-то Койду Кай
Отыскала невзначай.
Ленты есть и кружева,
Да невеста-то крива!»
Коль две женщины сошлись,
Значит, третья — берегись!

Мчится Лийсу во весь дух:
«Анн, какой разнесся слух!
Тийу Тийбу-то тайком
Ворожила вечером!
Хоть страшнее не найдешь,
Замуж бедной невтерпеж!»
Коль две женщины сошлись,
Значит, третья — берегись!

Анн к соседке: «Дело есть!
Кайе, ты слыхала весть?»

Лийсу Лойгу-то вчера
Всё кляла тебя с утра.
Голова пустей дупла,
А язык-то, как пила!»
Коль две женщины сошлись,
Значит, третья — берегись!

Всю округу обойди
И на женщин погляди.
Не увидишь ты таких,
Чтоб устал молотъ язык.
Чур! Умолкну. Лучше мне
Притаиться в стороне,
Ибо если две сошлись,
Значит, третья — берегись!

1870

САМЫЙ ДОРОГОЙ ПОДАРОК

Всюду слышу имя
Лишь одно:
С небосвода светит
Мне оно!
И луна и звезды
С ним летят,
Про него цветы мне
Шелестят!

Про него звенит мне
Птичий хор,
Про него мне шепчет
Темный бор!
Лишь его мне в сердце,
День за днем,
Зори пишут
Золотым лучом!

Колесо веков бежит,
Кружась,
Вереницы дней мелькают,
Мчась, —

Я в круженьи этом,
В беге дней
Слышу имя
Родины моей!

К сердцу я прислушаюсь
Опять:
Сердце, ты умеешь
Ликоваты!
Это имя мне звучит
В ответ, —
Имени другого
В сердце нет!

Радость, счастье — всё в руках
Богов,
Много в небе есть у них
Даров, —
Лучший дар вручили боги
Мне —
Жить в моей
Родимой стороне!

<1871>

КРАТКОВРЕМЕННОЕ

Цветик мой, цветик мой,
Не одевайся в цветение!
Цветик мой, цветик мой,
Коротко время весеннее!

«Пусть я поникну от холода, —
Нынче красуюсь я молодо!
Жизнь коротка, но несет ей привет
Нежный мой цвет!»

Жаворонок, жаворонок,
Кончатся дни ликования!
Пташечка, пташечка,
Осень крадется к нам ранняя!

«Пусть моя песнь будет скована, —
Нынче душа очарована!
Жизнь коротка, но я радуюсь ей
Песней своей!»

Грудь моя, грудь моя,
Сердца сдержи ты биение!
Близится, грудь моя,
Сладкое успокоение!

«Пусть вечный сон полон сладости, —
Нынче ликую я в радости!
Жизнь коротка, но летят еще дни, —
Сердце, звени!»

<1871>

СОЛОВЕЙ

Ах, что за песнь волной летит, —
Соловей, соловей! —
Златыми струнами звенит?
Соловей!
Летит в поля, за дальний склон
Твой дивный серебристый звон,
Соловей, соловей!
Птичка мая — соловей!

Вернувшись с песнями весны, —
Соловей, соловей! —
Ты воскресил былые сны,
Соловей!
О чем молчали мы — о том
Ты нам поешь, звенишь кругом,
Соловей, соловей!
Птичка мая — соловей!

Внизу вздыхают лес, река, —
Соловей, соловей! —
Плывут по небу облака, —
Соловей!

На краткий миг, вдали горя,
К заре склоняется заря,
Соловей, соловей!
Птичка мая — соловей!

Один ликующий призыв, —
Соловей, соловей! —
Звучит, всю землю озарив,
Соловей!
И в сердце трепетном моем
Пылает жертвенным огнем!
Соловей, соловей!
Птичка мая — соловей!

<1871>

ВОДА

Колыхаясь
И толкаясь,
Волны катятся толпой.
В них земною
Красотою
Берег смотрится крутой.

Над волнами
Чуть крылами
Плещет ветер — и с высот
Он, крылатый
Волн вожатый,
Песнь надежды им несет.

Но постойте!
Вот усвойте:
Он тихоня только лишь на вид.
Погодите!
Поглядите:
Мастер лжи, обмана,
Злобу урагана
Ветер в крыльях ласковых таит.

Вот он бури посвистом
В вихре оборотистом
Свищет, рвет напористо
Волны, роет борозды,

Скачет он на прорве воющих колес;
Взбросит волны с грохотом
Ввысь и, словно плохо там,
С выси с грозным хохотом
Сбрасывает в лоно смятенных вод, в хаос.

Горестно охают,
Стонут волны, грохают,
Вновь исполосованы, плачут от мучения
В лапищах бурь.
Где ты, лазурь?
Нет конца смятения.

Но сдает, к отбою клонит
Буря, хоть в ней бес еще.
Буря, ветров мать,
Огрызаясь
И возмущаясь,
Гонит с воем вспять,
С окриками гонит
Буйных молодцев в убежище.

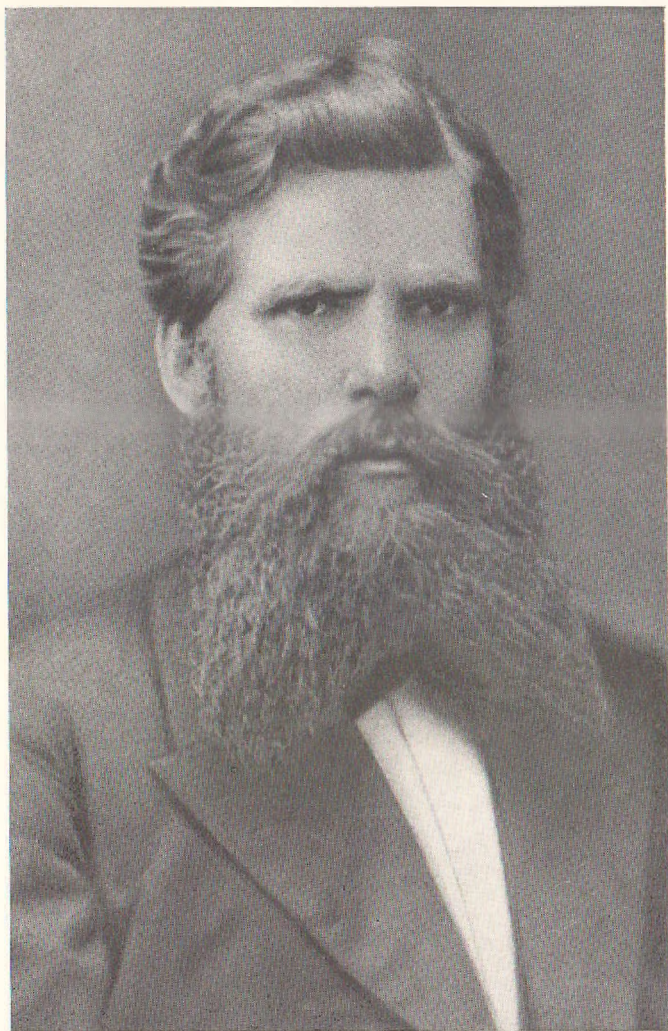
Над волнами
Чуть крылами
Плещет ветер — и с высот
Он, крылатый
Волн вожатый,
Мир, надежду вновь несет.

Шумною клокочет вода еще рекою,
Жаждащей забвения рукою
Волны всё поглаживая,
Путь ко сну налаживая —
К полному покою.

Шелест листьев, щебет, звоны
Убаюкают тебя.

Лидия Койдула

Михкель Веске

И целует сонно
Солнце, вспыхнуть склонно
В дальних странах, новым днем трубя.
Птичка, верная себе,
Мне поет, — знать, в тон судьбе:
Рвешься, мол, и ты волною —
Той, что билась под грозою.
О певунья, верить ли тебе?

За волной волна несется.
Ветры мчатся чередой.
Сердце бьется, сердце бьется:
Сладко взгляд ласкать волной.

<1871>

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Над рекою серебристой
Высоко, луна, плыви!
Соловей в ветвях душистых
Распеваает о любви.

Вновь звенящих вод потоком
Омываются поля,
Вновь бодрящим летним соком
Насыщается земля.

Звон, что чист, как воздух горный,
Лейся вдаль, не умолкай!
Соловей золотогорлый,
Песню пой, не уставай!

Как богаты ночи лета!
В грудь вливается покой.
Ветерком ночным задеты,
Листья брызнули росой.

Ветерка крылом смахнула
Ночь с моих ресниц росу,
Веру мне в людей вернула —
С нею всё перенесу...

Вдаль гляжу спокойно, кротко.
Мир уснул, и сердце спит.
Легок будь их сон короткий,
Тяжкий труд им предстоит...

Сердце встало бы сегодня,
Дух умчался б в синеву.
Храмом был бы мир господний,
Сердце — жертвой божеству.

<1871>

АННЕКЕ

Напролет всю ночь гадала,
Что сказать хотел тайком
На ушко мне славный малый,
Андрес, прошлым вечерком?
Почему он за снопами
Руку стиснул мне руками?
Ах, голубушки-сестрички,
Может, вам секрет знаком?

Вместе вышли на толоку,
От других не отстаем...
Вдруг остались все далеко,
Оказались мы вдвоем...
Кто б, сестрички, объяснил нам,
Отчего с серпом застыл он?
Отчего я так смутилась
И укрылась за снопом?

«Аннеке, помочь, родная?» —
Речь услышала я вдруг.
Почему, сама не знаю,
Поглядела я вокруг.
Рядом он стоял со мною.
Покраснела я, не скрою,
Не могла сказать ни слова,
Охватил меня испуг.

Пожалел мои он руки,
Сноп тяжелый поддержал...
Но зачем он вдруг, подруги,
Горячо мне руку сжал:
«Аннеке... скажи, родная...»
Что сказать ему? Не знаю.
«Сговор с Андресом у Анны!» —
Кто-то сзади закричал.

Сговор? Не было такого,
Говорю вам не тая.
Почему ж стояла, словно
Виновата в чем-то я?
Почему на нас глядели
Все, как будто в самом деле
Сговориться мы успели?
Объясните мне, друзья!

«Завтра...» — молвил он и скрылся,
Только серп блеснул вдали.
Сноп, что набок повалился,
Подобрала я с земли.
Долго думала я ночью,
Что сказать мне Андрес хочет?
Что ответить? Ах, подружки,
Вы помочь бы не могли?

<1874>

ЖАЛОВА

Где народ, хранящий гордость,
Где его живой язык?
Где старинной чести твердость
В тех, кто к горестям привык?
Ванемуйне где, чьи струны
Песнь разносят над землей?
Где сердца, что в стужи юны?
Здравствуй, Ээсти, край родной!

В детстве с матерью, бывало,
По полям родным я шла

И эстонским сердцем знала,
Как мне родина мила.
Для чего мне с ней разлука
Уготована судьбой?
Без тебя не жизнь, а мука,
Край эстонский, край родной!

Жизнь с тобой нас разлучает,
На чужбине я в тоске.
Слова здесь никто не знает
На эстонском языке.
Пролетают птицы мимо
Дома гнезда вить весной...
Ах, когда ж и мы, любимый,
Возвратимся в край родной?

Березняк и луг покатый,
Эмайыги берега,
В роще Таары клад богатый,
Что хранит мужей рука,
Наши песни среди луга,
Вдаль летящие волной...
Ах, в груди мороз и вьюга.
Где ты, где ты, край родной?

Горе в травах здесь ютится,
Бродит грусть в березняке,
На болоте след ложится,
Трудно сердцу петь в тоске.
Брат, как колокол далекий
Над родимой стороной,
Стон мой льется одинокий:
«Сбереги мне край родной!»

<1878>

СЛЫШАЛ КАННЕЛЯ НАПЕВЫ

Слышал каннеля напевы
И, вокруг бросая взгляд,
Видел ты, как справа, слева
Лепестки цветов летят?

Знал ли, что при каждом звуке,
Издаваемом струной,
Вся она дрожит от муки
И от боли неземной?

Что на прахе погребенных
Расцветает пышный сад
И от влаги слез соленых
Обретает аромат?

Грудь — могила. Песня — роза.
Сердце — каннеля струна.
Красоту твори серьезно:
Всем вокруг она нужна!

<1878>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Баю-баю, баю-бай!
Мамин цветик, засыпай!
Мирно спят бутоны роз,
Дремлют листики берез.
Сон тихонько в дверь идет.
Спи, мой цветик, без забот!

Баю-баю, баю-бай!
Мамин цветик, засыпай!
Твой отец идет домой,
Он цветы несет с собой.
Он на цыпочках войдет.
Спи, мой цветик, без забот!

Баю-баю, баю-бай!
Мамин цветик, засыпай!
Папа веточки берез
И букет душистых роз
Спящей дочке принесет.
Спи, мой цветик, без забот!

<1879>

У КОЛЫБЕЛИ

Солнце, вниз катясь, сказало:
«Время спать!»
И, придя домой, упало
На свою кровать.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

Липа листьями играет:
Не игра!
Если солнце не сияет,
Спать и мне пора.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

Соловей поет в лесочке:
«Тир-ли-лю!»
Коль притихли все листочки,
То и я посплю.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

Заяц — ушки на макушке:
Одному
Что скакать мне по опушке —
Дай-ка я вздремну.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

Вот ружье охотник прячет:
Дудки, мол!
Коль косою уже не скачет,
Спать и я пошел.

Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

Месяц из-за тучи темной
Смотрит, изумлен:
На замок весь мир огромный
Запер крепкий сон.
Баю-баю, мальчик мой,
Спи, сынок,
Голубок, —
За ночь вырастешь большой.

<1880>

МОЕМУ ДОРОГОМУ ОТЦУ

*Академику Ф. И. Видеману
к 16 сентября 1880 года*

Свежих ландышей гирлянды
Предлагала мне весна,
«Поднести отцу их надо!» —
Говорила мне она...
С мудрыми мужами рядом
Подойти ль смогу к столу?
Как я вместе с ними сяду?
Место девушки в углу...
А весна твердила: «Быстро
Осыпается цветок!
Василек возьми росистый
И вплети его в венок!»
Стебельки связать хотела.
Кто поставит мне в вину,
Что отец, от славы белый,
Скроет ими седину?..

Бесприютной сиротою
Речь эстонская была
И наследство золотое
По дорогам волокла.

Над ее происхождением
Насмехались все кругом,
И, царевна по рождению,
Шла с опущенным челом.
Ты ее увидел муку,
Мой отец, ты ей помог,
Протянул ей дружбы руку,
Из пыли дорог извлек,
Повязал ее ты раны,
Дал ей перстень золотой
И одеждой златотканой
Стан украсил молодой.
Ей нашлось отныне место
Среди знатных языков,
И живет она невестой
У родимых берегов.
Из гнезда птенцы по праву
Отправляются в полет...
В гулких скалах — корень славы,
Где берет начало род...
Каменной стеной, отец, ты
Оградил родную речь,
Драгоценное наследство
Сироте помог сберечь;
Посвятил ей годы жизни,
Слово каждое любя.
И за то теперь в отчизне
Славят радостно тебя!
Отдал ты народу годы
Долгой жизни трудовой.
Громогласный хор народа
Прославляет подвиг твой.
О тебе гремят повсюду
Голоса больших мужей, —
И услышана ль я буду
С песней робкою моей?..
Уподоблюсь жаворонку
Иль кукушке в похвальбе?..
«Не узнают песни звонкой,
Коль таишь ее в себе.
Как другие, получила
Ты талант свой от богов.

В чистом сердце твоя сила,
В простоте душевных слов.
Настоящий твой родитель,
Он, кто мудр и знаменит, —
Он отец твой и учитель, —
Пусть же песнь о нем звенит!
Долг отцу отдаст не скоро
Даже лучший из детей.
Пой!.. Того, кто сердцу дорог,
Не обидит соловей!»
Вы правы, весна и лето,
Если песнь звучит в груди,
Не должно ей быть запрета...
Лето, стой! Не уходи!
Жаль, поляны опустели,
Посерел земли наряд.
Где вчера цветы пестрели,
Иней видит грустный взгляд...
Пусть осенний, пусть не яркий
Подарю отцу венок!
Дочери любовью жаркой
Каждый в нем согрет цветок.
Их рвала порою ранней
На осеннем я лугу,
И цветы воспоминаний
К ним прибавить я могу.

Ты ко мне ли не был чуток,
Ты ль меня не понимал?
Укреплял ты мой рассудок,
Каждый шаг мой направлял.
Год от года становился
Всё славней в отчизне ты,
Но всегда со мной делился
Званьем, полный доброты.

На колосьях на усатых
Зерна блещут янтарем.
Осень. И лучи к закату
Холоднее с каждым днем.
Громких слов я не сумею
Отыскать в моей груди.

То дарю я, что имею.
О отец, не осуди!
Отцвели цветы... Умолкли
Жаворонок... соловей...

О отец, позволь мне только
Зваться дочерью твоей!
И в одном, прошу, поверь мне:
Пусть я в песне не сильна,
Благодарности дочерней
Койдула к тебе полна!

1880

ПРИВЕТСТВИЕ

Вас приветствую, братья эстонцы,
Чье лицо горит от труда,
Вас, чье сердце пылает, как солнце,
Вас, что цель свою видят всегда!
Сгинет гнет нужды вековой
Перед вашей силой живой!
Смело вперед!

Вам привет мой! Вы в битве за правду
Рвете сети, что ложь сплела.
Вы бесстрашно глядите в завтра,
Не страшась ухищрений зла!
Чтобы ложь исчезла с земли,
Чтобы правды ростки расцвели,
Сил не щади!

Духу мужества выстрой палаты,
Мой идущий к свободе край,
А оружие злобы проклятой
В грязь втопчи, на куски изломай!
Доблесть прежняя, былью живой
Стань в наши дни!

<1881>

ЧИСТЫМИ РУКАМИ

Наше сердце бескорыстно.
Нам ли с выгодой дружить!
Для тебя одной, отчизна,
Мы живем и будем жить.

Пусть минует нас гордыня,
Пусть тщеславье обойдет!
Для тебя одной отныне
Наше дерево цветет.

Слабый, прочь! Подставим спину,
Чтобы сдвинуть груз веков.
И негоже гражданину
Жить подачкой чужаков.

Не склонится наше знамя,
Не угаснет наш фонарь!
Только чистыми руками
Будем строить твой алтарь!

1881

ДОЛГ ПЕСНИ

Вбивают клин в тебя и рвут на части,
Эстония моя! Так буду ль снова
Петь про цветы и птиц под сенью крова?
На вахту, песнь! Исполнишь гневной страсти!

Пусть никогда ты не была сурова,
Но если ввергнут мой народ в несчастье
И стонет он от мук во вражьей власти,
Греми сильней набата вечевого!

Пусть ты скромна и не блестяшь красую,
Но, искрой истины озарена,
Ты вспыхиваешь яркою звездой

И пробуждаешь край родной от сна,
И, мглу рассеяв вешнею порою,
Встаешь над миром, как заря, ясна!

<1883>

КОЛЬ РЕШИЛ КОЛОДЕЦ РЫТЬ

Моему другу Пийрикиви

Коль решил колодец рыть,
Смело в яму лезь.
Дом задумал возводить —
Будешь в глине весь.

Честно трудится весь век
Настоящий человек.
Чистота пробьет всегда
Путь сквозь грязь труда.

Между 1867 и 1886

ВСЕГДА О РОДИНЕ

«Как? О родине ты снова?
Иль важнее слова нет,
Иль напева нет иного
Для тебя уж столько лет?»

— «Да! Другого я не знаю.
Вечно край родимый нов!
Имя родины слетает
И с деревьев и с цветов».

Между 1867 и 1886

ЭСТОПСКИЙ ОРЕЛ

Всё ж они тебя поймали
И подрезали потом
Крылья мощные. Сковали,
Шею сжав стальным кольцом.

Стать пришлось тебе покорным,
Брать еду из рук чужих.
Глух был враг, как ты над кормом
Плакал, слез не скрыв своих.

Глух был враг к тоске по вольным
Ветрам, гордым высотой:
Корма много, мол, довольно.
Даже гладили порой.

У тебя, орла родного,
Снова крылья отросли.
Цепь ты сбросил — крылья снова
Мощно к солнцу понесли.

Что за чудо! Смотрит в дали,
Озадачен недруг твой.
«Нет, не все еще пропали
Ветры воли золотой!»

Между 1867 и 1886

БЕСЕДА

«Что мне расскажешь, ветер зари?»
— «Из Ээсти спешу я.
Летал я, кочуя,
В рощах родимых, качался в их кронах.
В одеждах зеленых
Пели луга, и леса, и поля.
Цвела вся земля.
Дуб, и береза, и липа в расцвете
Нежно сплетали мне зыбкие сети.
Долго и сладко играли с весной.
Дочь звонкоустая Ээсти,
Пой же! Улыбку мне подари!»

— «Облачко милое, реешь куда?»
— «Над Ээсти зеленой
Путем небосклона
Плыву я, леса и поля освежая.
Дана мне благая
Доля бегущего с неба ручья.

Забота моя
Скромно-тиха; но пред облачной ратью
Люди ликуют, дыша благодатью.
Сладко вздыхает внизу Маарьямаа».

Чем ты, дочь Ээсти, томима?
Что ты в слезах? Что веселью чужда?

«Птица, помедли, от нас не спеши!»
— «Я в Ээсти родную
Лечу и ликую.

В Ээсти, оваянной счастьем и силой,
Мой дом самый милый;
В Ээсти и грустная песня светла.

Гнездо я свила
В роше эстонской, там лягу и в землю.
Нежному звону отчизны я внемлю:
Благодарит ее песня моя.

Что же ты медлишь, дочь Ээсти?
В путь! Иль сломились крылья души?»

Молвит дочь Ээсти: «Что медлю? Увы!
Дни, ночи, летите.
Меня вы стремите

К родине милой всё ближе и ближе!
Приди, о, приди же,

Час благодатный, обрадуй меня!
У ночи и дня

Я вопрошаю: когда же в дорогу?
Верить надежде? Унять ли тревогу?
Край мой, край песен, увижу ль тебя?

Облако, ветер и птица!
Сердцу ответа не дали вы».

Между 1867 и 1886

ВОТ РОДИНА ТВОЯ

Мы вместе на вершину
Взошли — отец и дочь,
Смотрели вниз: долины
Еще скрывала ночь.

И вздохи долетали
Во мраке до высот,
Оттуда, где впитали
Поля крестьянский пот.

Ночные птицы злые
Носились в небесах,
И на поля немые
Глядела я в слезах.

Отец обвел рукою
Окрестные края
И мне сказал с тоскою:
«Вот родина твоя!»

От слов его я стала
Серьезней и взрослей.
С тех пор не угасала
Печаль в груди моей.

Стонал народ эстонский
От тяжкого житья, —
Я слышала сквозь стоны:
«Вот родина твоя!..»

Недавно вновь стояла
На той вершине я.
Светало. Ночь бежала.
Вдали цвела заря.

Я видела дрожавших
От света солнца сов,
Я славил встававших
За родину борцов.

Я руки ввысь воздела,
Восторга не тая,
И сердце песню пело:
«Вот родина твоя!»

Взглянуть бы с той вершины
Еще хоть раз кругом.

Когда, как снег, седины
Заблещут серебром.

Чтоб, уходя в могилу,
Сказать могла бы я:
«Вот всё, что ты любила,
Вот родина твоя!»

Между 1867 и 1886

ВСТАВАЙ!

Звоном нас ветер зовет заревой.
Дерево родины стонет листвою.
Горе! Секира занесена:
Берег эстонский, вставай ото сна!

Свищут крыла ястребиных стай,
Рогу охотников с дрожью внимай.
С запада, с севера тучи сползлись.
Сердце эстонское, встань, проснись!

Встань! Ты — над бездной: сгинешь навек!
Родина, встань, как один человек!
Можно ли спать, если буря близка?
Голос, взывай! К оружию, рука!

Что ж мне эстонские стражи в ответ?
Злей комаров врага у нас нет!
Падайте, Таары святыя дубы!
Завтра оплачем удары судьбы!

Между 1867 и 1886

ГДЕ НАУЧИЛАСЬ ПЕСНЯМ

Где я рифму складывать,
Песней сердце радовать
Научилась, милый мой?
Слушай вдумчивой душой!

Песни грудь тревожили,
Долгий век в ней прожили.
Вздохи ветра, волн полет, —
В нашем сердце всё поет!

Речь вели украдкою
Звезды, слово сладкое
Подсказал мне с давних пор
Птиц-малюток светлый хор.

Были всё ж безмолвными,
Безучастья полными
Эти губы. Ты пришел,
Мир стал песней — и расцвел.

Льются речи тающим
Серебром блистающим.
Голос ветра, птиц, ручьев
С губ моих слететь готов.

Только встречу тайно я
Взор твой — синь бескрайняя
Обращает в песню вдруг
Каждый в сердце спящий звук.

Между 1867 и 1886

ВЕСНА ТАЙКОМ ВЕРНУЛАСЬ

К нам весна тайком вернулась,
Возвратилась к нам тайком!
Любо ей в ветвях черемух
Вновь качаться за селом.
Ласково глядит она
Всходами полей,
Стаи мотыльковые
Вьются вслед за ней.
Вновь она, вновь она
К нам пришла, весна!

К нам весна тайком вернулась
В дымке облачной ночной:
По дневным следам горячим
Тайной шла она тропой.
Голубых подснежников
Глазки подняла,
Осушила капельки
У земли с чела.
Вновь она, вновь она
К нам пришла, весна!

К нам весна тайком вернулась!
В сердце птиц она поет,
В синем воздухе мелькает,
С ветром веющим плывет.
Обнялась с землей она,
С небом и волной.
Как же одинокому
Сердцу жить весной?
Вновь она, вновь она
К нам пришла, весна!

Между 1867 и 1886

КАК ЛУЧШЕ ЖИТЬ?

Как молоденькой была,
Я бесстрашную слыла.
Нынче разум стал богаче,
Да уж нет былой удачи.
Даже летом зябнуть стала,
Так от жизни я устала;
Угадай, дружок мой,
Ты скажи мне, дорогой,
Как на свете лучше жить:
Дурачком иль умным быть?

Между 1867 и 1886

ОБРАЗОВАННЫЙ ЭСТОПЕЦ

Мнишь, что отчизну свою возвеличишь словами:
«Я сын твой!»
Нет, брат, отчизна тебя возвеличит словами:
«Мой сын!»
«Что для меня можешь сделать?» — вопрос задает
она.
Завтра же спросит: «Что сделал ты для меня?»
Между 1867 и 1886

ТИХО, ТИХО

Над грозной бездной пташка распевает.
Тихо, тихо.
От острой боли сердце замирает.
Тихо, тихо.
У пташки крылья для полета —
Тебе с души не сбросить гнета.
Тихо, тихо.
Усни, тоска с лицом землисто-серым.
Тихо, тихо.
Умрем, изведав счастье полной мерой.
Тихо, тихо.
Есть много целей пред тобою,
Миллионы звезд над головою!
Тихо, тихо.

Между 1867 и 1886

ПРЕДСМЕРТНОЕ СЛОВО — ЭСТОНИИ

Божьей воле, умирая,
Поручаю отчий край!
О Эстония родная,
Ты милее мне, чем рай.
Вновь тебе готовят пути,
Вновь к тебе крадутся, чтоб,
Руки-ноги крепко спутав,
Положить живую в гроб.

Стой! Не падай на колени,
До конца борись с судьбой!
Наша сила в единеньи,
Правда нас ведет на бой.
Пусть любовь, надежда, вера
Служат знаменем тебе!
Братья! Сестры! Полной мерой
Отдавайте жизнь борьбе!

До меня пришлось свалиться
Многим сломленным борьбой.
Я лечу подбитой птицей
С тихой верою домой.
Для тебя плела печально
Я венок из слез души.
Мне в объятии прощальном,
Край родной, не откажи!

Мыслью в дали проникая,
Вижу славы я венец.
Ты, Эстония родная,
Станешь вольной наконец!
Бурнокрылый добрый ветер
Пронесется над тобой,
И узнают наши дети
Мир, и счастье, и покой!

1886

ФРИДРИХ КУЛЬБАРС

УСНИ, МОЕ ДИТЯ

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
Сон из-под дерева идет,
С улыбкой к зыбке зыбко льнет...
Спи, мое дитя...

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
Ветвь дуба ветер наклонил,
Ствол колебать не хватит сил...
Спи, мое дитя...

Спи, мое дитя, — ветка ягодная!
О, будь цветущим, точно май!
Как дуб — могучим! Баю-бай,
Спи, мое дитя...

1867

В ПУТЬ, ЖУРАВУШКИ...

В путь, журавушки, в дорогу,
Через дол и лес,
Через синеву морей,
Синеву небес.
Вас Египет жаркий ждет,
Южный край чудес.

А потом, с весною вместе,
Возвращайтесь к нам.

Пусть наполнит ваша песня
Поднебесный храм.
Пойте зелени дерев,
Молодым росткам!

Чтоб зима земле сказала
Поскорей «прости»,
Чтоб с лугов последний лед
Поспешил сойти, —
Захватите нам цветов
На своем пути!

1867

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ ПАСТУХОВ

Рог поет,
Рог трубит:
«Просыпайся тот, кто спит!»
То идут
Пастухи
Скот в лесу пасти.
Дышат свежестью леса,
На траве лежит роса,
Сквозь тростник,
Напрямик,
Держит путь родник.

Мотыльки
Так легки,
Вьются наперегонки.
Стадо тут,
Стадо там
Бродит по лужкам.
Нынче каждый жизни рад:
Скот и люди, стар и млад.
Шлют косцы,
Шлют жнецы
Песнь во все концы.

Всё вперед
И вперед

Солнце медленно плывет,
И плывут облака
Над лесами вдаль.
Зарумянится закат,
Пастушки пойдут назад.
Шутки, смех
Без помех
На устах у всех.

1867

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Снова ночь настала,
Принеся покой.
Солнце отдыхает,
Скрывшись за горой.

Догорают песни
В тишине полей,
Пробует свой голос
В роще соловей.

По лесам, долинам
Держит речка путь,
Чтоб в объятьях моря
Наконец уснуть.

Сон, в котором скрылись
Все заботы дня,
Крыльями покоя
Осени меня!

1867

НА ВОДЕ

Челн мой, спеши по течению вод!
Голос мой, песней стреми свой полет!
Волны уверенно катятся к берегу.
Челн мой, спеши по течению вод!

Вместе с волнами лечу я вперед,
К берегу, где мое сердце живет.
Тропкой лазурною, пенною, бурною,
Челн мой, сплещи по течению вод!

1867

**ПЕСНЯ ВАПЕМУЙНЕ
О ДЕВЕ ЭНДЕЛЬ-ОЗЕРА**

На Эндель-озеро скорбно
Глядел я в день весны,
Мой каннель грустно плакал,
Холмы вздыхали, грустны.

Вдруг девочку я увидел,
Она в траве спала,
Постелькой был мох зеленый,
Покровом — сизая мгла.

Моим, по веленью неба,
Младенец этот стал,
Покинут всеми на свете,
Так трогателен и мал.

Как роза, росла малютка,
Цвела вблизи меня,
И, песне каннеля вторя,
Пел голос юный, звеня.

Но был ее милый Эндель
Взят смертью в царство тьмы,
И Юта молча томилась,
А с нею — наши холмы.

С восходом, с закатом слезы
Лида она в тиши,
Пока не кинулась в волны
Унять страданье души.

Но в ясные ночи лета
Она встает со дна

И смотрит, светят ли звезды,
Горит ли в небе луна.

И милые сны о прошлом
Ей снятся в лоне вод,
Когда у нас стонет ветер
И вьюга в поле метет.

1868

ПЕСНЬ ЛИНДЫ

Чью песнь, что горести полна,
Несет балтийская волна?
То Линда скорбь свою поет,
Супруга милого зовет:

«О Калев мой, тебя уж нет,
Увял, как цвет, угас, как свет,
С тобою мы разлучены,
Но в этом нашей нет вины...»

Где были праздники твои,
Там слез моих бегут ручьи;
Там, где гуляли мы вдвоем,
Глубокий слезный водоем.

Что ж, пусть, не ведая беды,
Играет сын у той воды,
Орленок твой, мой голубок,
Наш самый маленький сынок!

О Калев, приходи опять
Тетерки дочь в подруги звать!
Ужель с темницей гробовой
Смирился ты, любимый мой?

Когда услышишь рога звук
И голос Ванемуйне, друг,
Скинь с сердца леденящий груз,
Освободись от смертных уз!

Вернись, взгляни в мои глаза,
Чтоб расцвела моя краса.
Останься с верною женой,
Да будет счастлив край родной!»

1868

ВАНЕМУЙНЕ

В золотое время наш народ
Пир правил в роще буйной;
Вот в руки каннель он берет,
Веселый Ванемуине.
Идет он в лес, идет играть,
В чащобах песни распевать...

Он ходит, песнями даря
Растенье, зверя, птицу...
Поют леса, поют моря, —
Всё в мире веселится!
Идет он в лес, идет играть,
В чащобах песни распевать...

И хор звучит всё веселей,
На головах — веночки,
Людей встречает мать полей,
А вместе с нею — дочери.
Идет он в лес, идет играть,
В чащобах песни распевать...

Пою на кочке у пруда
И на заре и к ночи —
Ведь голос каннеля всегда
В груди моей рокочет...
Идет он в лес, идет играть,
В чащобах песни распевать!

1869

СПИ, МОЙ ГОЛУБОК

(Колыбельная песня эстонской матери)

Спи спокойно, голубочек,
Спи, мой дорогой!
Звезды ночи, словно очи,
Светят над тобой.
Сон твой месяц с небосвода
Сторожит, сынок!
Спи до света, до восхода
Спи, мой голубок!

Будет время — бури грянут
Средь родных долин,
Сильный духом — дни настанут —
Вырастешь ты, сын!
Песня храбрых, что я пела
По ночам тебе,
С губ твоих слетая, смело
Зазвучит в борьбе!

В час, когда за край наш в битвы
Выйдешь, как солдат,
Ты услышь мои молитвы,
Что от бед хранят!
Ты лети тогда на скалы,
Как орел — высок!..
Спи, мой милый, спи, мой малый,
Спи, мой голубок!

1886

ЛИДИИ КОЙДУЛЕ

Койдула домой вернулась,
Позади шумит вода, —
Над морями, над лесами
Мчат крылатые года...
С высоты звезда упала,
И опять сгустилась мгла —
Слишком рано ныне осень
В сад зеленый забрела.

Койдула! Цветы напрасно
Ждут в полях твоей руки
И в бутоны с нетерпением
Собирают лепестки...
Лист березы опустился
У зеленого ствола,
Птицы певчие замолкли:
Спать родная отошла.
Та, что матери отчизне
Жизнь стократ отдать могла,
Вдруг на грудь ее склонилась,
В землю севера легла.
Пел ли кто над Эмайыги
Златогласней и нежней?
Ты зажгла в эстонском сердце
Столько радостных огней!
И костер свободной песни
Над Эстонией горит,
В этой песне, в этом вихре
Имя Койдулы звучит.
Песни чудные эстонцам
Глубоко проникли в грудь:
Всё идущее от сердца
Вновь находит к сердцу путь!
Ниспослать могли ль народу
Наши боги лучший дар,
Чем певец, несущий людям
Сердца пламенного жар?
На крестах могильных люди
Пишут мудрые слова...
В языке народа вечно
Песня Койдулы жива!

**КАРЛ РОБЕРТ
ЯКОБСОН-ЛИННУТАЯ**

ПОЙ, ПЕВУНЬЯ-ГОРИХВОСТКА

«Пой, певунья-горихвостка,
Разливай свой звонкий голос!»
— «А о чем же, бедной, петь мне,
Щебетать о чем на ветках?
Стаи коршунов кровавых
В лес дремучий прилетали,
Дом мой — гнездышко родное —
На ольхе поразметали,
На обед птенцов поели
И подругу растерзали!
Много леса загубили:
Для приметы, для убийства
Из деревьев священных Таары —
Из дубов — кресты срубили!
А еще, в великой скорби,
Петь о чем и куковать мне?»
— «Пой, певунья-горихвостка,
Разливай свой звонкий голос!
Чтоб леса заговорили,
Чтоб орешники хлестали,
Чтоб ольха с березой белой
Голосили о печали!
Чтоб дубы — деревья Таары —
Нам свидетелями были,
Чтобы даже тех, кто дремлет,
От мечтаний пробудили!
Чтоб прошел по дебрям леший,
Привиденья — по болоту,
Духи страшные — по роцет!»

29 октября 1869

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Эстония, в дни горя и печали
Одежды девичьи враги с тебя сорвали,
Попрали честь твою и увели в полон...
Но в мыслях и сердцах ты с нами испокон.

Тебя влачили долго на аркане...
О, как мы все — дай боже сил! — алкали
Освободить тебя от этих страшных пут!
Как тяжек твой семисотлетний путь!

Ты — омертвевший лес, где стужа лютовала.
История тебя в железа заковала,
В глухие меченосцев времена,
Но ты жива, в тебе живет весна.

Листвой задышит лес, надев одежды!
Неистребимы вера и надежды.
Настанет день — пробудишься ты вновь!
Дыханьем в грудь твою войдет сыновья кровь!

<1870>

ОНИ ВСТАЮТ!..

Мне, мальчику, поведал
Отец в тиши ночной,
Как жаждал он свободы
Эстонии родной,

Как дух ее отважный
Истерзан и распят...
Народ в недоле рабства
Везде цепями сжат.

И я воскликнул, плача, —
Столь тяжкой грусть была:
«О ветры Таары, взвейтесь,
Подняв свои крыла!»

Спит мой отец в могиле...
Я вырос, возмужал
И струны грусти прежней,
Бессильные, зажал.

И слышу, в рощах Таары
Мне голоса поют:
Не затихали ветры,
Они встают, встают!

<1870>

МОЯ ФИАЛКА

К тихим зарослям, к малине
Подобрался ручеек.
Над водой склонился синий
Ласковый лесной цветок.

Не пугайся! Я, фиалка,
На тебя не наступлю
И срывать не буду — жалко, —
Слишком я тебя люблю.

Попригожее местечко
Нынче я тебе найду:
Я хочу, чтоб у крылечка
Ты росла в моем саду.

И отсюда осторожно
Я тебя перенесу.
Будь покойна: там — надежно.
Дома — это не в лесу.

<1870>

МИХЕЛЬ ВЕСКЕ

РОДИНА

Ты знаешь край — лежит от Пейпси
Он вдоль балтийских берегов,
В излучке Финского залива,
Среди полянок и лесов.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, опять о ней,
Прекрасной родине моей!

Здесь леса свежие вершины
В озера тихие глядят,
Здесь под дождем поднялись всходы,
На солнце нивы шелестят.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, опять о ней,
Прекрасной родине моей!

Здесь племя Ээсти возмужало,
Борясь за вольных дней восход,
Здесь девушка полей эстонских
Для мужа милого цветет.
Страна, где детство начиналось,
Где колыбель отцов качалась.
Споем о ней, опять о ней,
Прекрасной родине моей!

Здесь все работают упорно,
Чтоб кончить с давней нищетой,

Здесь весь народ стремится к свету,
Мрак побеждая вековой.
Так поклянемся же сердечно
Быть мужественными навечно
И пожелаем светлых дней
Прекрасной родине своей!

1873

БАТРАК ПОЛЮБИЛ ДОЧЬ ХОЗЯИНА

О тебе, моей любимой,
Сладкий сон увидел вновь.
В час ночной благословенный
Я открыл мою любовь.

Ты глядела очень нежно
И в любви мне поклялась.
Для меня настало счастье —
Радость в сердце разлилась.

Но когда хотел в забвеньи
Я тебя поцеловать,
Вдруг глаза мои открылись —
Больше мне уже не спать.

И вздыхал тогда я в горе,
Сердце ныло до утра.
И от слез моя подушка
Вся была мокрым-мокра.

Ожидание, надежды —
Всё пустое, суета.
Мне любовь несет лишь муки.
Вечной будет нищета!

Ох, зачем, зачем, несчастный,
Я родился батраком?
Ох, зачем она богата, —
Не войдешь в хозяйский дом!

Вот была б она батрачкой,
Я бы, милую любя,
Без боязни хоть сегодня
Мог посватать за себя!

1873

Я ПАСТУШОНОК

Я пастушонок. С горки вниз
Смотрю на крыши дальних мыз,
На черепицы хуторов
И на верхушки куполов.
Я только пастушонок.

Еще зеленый вижу лес,
Он звоном птах наполнен весь;
И вижу поле, вижу луг,
И вижу пустоши вокруг.
Я только пастушонок.

Так хорошо мне наверху.
Тут с ветром спорить я могу!
Не заглушит он, как ни вей,
Веселой песенки моей.
Я только пастушонок.

Закроют тучи небеса,
Ударит гром, пойдет гроза —
Я крикну: «Молния и гром,
Не троньте мой родимый дом!»
Я только пастушонок.

Но в этом мире много зла,
Оно, как молнии стрела,
Грозит мне. И ему кричу:
«Оставь меня, я петь хочу!»
Я только пастушонок».

1873

ПОСВЯЩЕНИЕ

Хватит говора и шума!
Песнь суровую пою.
В ней о правде нашей дума.
Дружно, с мужеством угрюмым
Хор подхватит песнь мою.

Слушай, родина святая,
Нашу страстную мольбу.
Ты — любимая, родная,
Просит наша песнь простая:
Дай хранить твою судьбу!

Дай хранить нам дух народа,
Вечных сил его родник.
Дай хранить ростки свободы,
Наши земли, горы, воды
И эстонский наш язык.

Поклянемся небом вечным,
О Эстонии народ:
Родину любить сердечно,
И служить ей безупречно,
И вести ее вперед.

Голос наш, лучами солнца
Всё живое пробуди!
Пусть зарей летит в оконца,
Пусть у каждого эстонца
Отзовется он в груди.

<1874>

РОДИНА, ПРЕКРАСНА ТЫ!

Уходите выше в горы,
Где ветров извечный хор!
На долину вниз взгляните,
Где цветов и трав ковер.

Как ручей по лугу вьется,
Посмотрите с высоты...
Пусть наш голос раздается:
«Родина, прекрасна ты!»

Полюбуйтесь, как вершины
Лес возносит к облакам,
И прислушайтесь к березам,
К их лепечущим листкам!
Озеро сияньем льется,
В речку смотрятся кусты!
Пусть ваш голос раздается:
«Родина, прекрасна ты!»

Поглядите, как над полем
Поднялась стеною рожь,
И колосья обещают —
Будет урожай хорош!
И с плодами ветка гнется,
До земли клоня листы...
Пусть ваш голос раздается:
«Родина, прекрасна ты!»

Ну а там, где бродит стадо,
Щиплет травку под ольхой,
Пастухов послушать надо,
Прелесть песенки простой.
Где увидеть доведется
В небе столько красоты?
Пусть ваш голос раздается:
«Родина, прекрасна ты!»

<1874>

РАЗЛУКА С ОТЧИМ ХУТОРОМ

С отчим хутором прощаясь,
Удержать я слез не мог.
Билось сердце, разрываясь,
И на грудь мне камень лег.

Еду с братом за ворота
Через выгон полевой,
Через луг, где с поворота
Долго виден дом родной.

Брат сказал: «Не плачь!»

— «Не буду. . .»

Слезы катятся из глаз.
«Не спеши — ведь дом отсюда
Вижу я в последний раз.

Придержи-ка вороного,
Оглянуться дай назад.
Может, хутора родного
Не увижу больше, брат. . .»

Вы прощайте, лес и поле,
Где родимый дом стоит,
Наших нив, лугов раздолье, ---
Пусть вас бог благословит!

<1874>

НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ

Почему я озабочен
И душа скорбит о чем?
Я тоскую дни и ночи,
Что далек родимый дом.

За зимой холодной, злою
Настает весны черед.
После лета, после зноя
Осень хмурая придет.

У черемух украшает
Ветки листьями весна,
Все березы расцветают,
В шишках елочка видна.

А потом настанет осень,
Дни холодные придут:

Все деревья листья сбросят,
Шишки с елок упадут.

Я печален, я страдаю.
Дни разлуки нележки.
Красоте чужого края
Не прогнать моей тоски.

Здесь большой, богатый город,
Здесь широк полей простор,
Здесь гораздо выше горы,
Полноводней глубь озер.

Но могу сказать одно я:
Отчий домик, холм, ручей
И село мое родное —
Мне дороже и милей!

<1874>

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА И БРАТ

Так ярка звезда на небе,
Что закат пред нею — желт.
Молодым угас братишка,
Рано он от нас ушел.

Май зашелестел листьями,
И кустами, и травой,
А братишка занедужил
И со смертью начал бой.

Одинокий, горько плача,
У ручья я стадо пас,
И текли ручьями слезы
Из моих опухших глаз.

Умер брат, и я с печалью
Совладать не мог никак,
Плакал ельник, плакал выгон,
Сокрушался березняк.

Стадо грустно озиралось:
Что ж, пастух, ты не идешь?
Птаха скорбно щебетала,
Стихла наша молодежь.

Вновь весна наряд одела,
Зашумел листвою лес,
Весело пошли побеги,
Но братишка не воскрес.

О звезда, приветствуй брата
В той далекой стороне,
Передай, что он доньше
Мной любим и дорог мне,

Что красивый и веселый
Жив он в памяти моей,
Что его я буду помнить
До своих последних дней.

<1874>

ДЕВУШКЕ ПЕРЕД СПОМ

Слышишь, чуть трепещет липа
От объятий ветерка.
И хвостом чуть плещет рыба
На лазури озерка.
Но устанет и она.
Тишина.
Время сна.
Сладко, сладко спи, моя
Девушка любимая!

Спит, прохладой дышит вереск.
Тьма. Полночная пора.
Лишь вдали мигает прелесть
Одинокого костра.
Но погаснет и она.
Тишина.
Время сна.

Сладко, сладко спи, моя
Девушка любимая!

Птицы спят по всей округе
В кронах лип, в березняке.
Только трель одной пичуги
Слышится невдалеке.
Но умолкнет и она.
Тишина.
Время сна.
Сладко, сладко спи, моя
Девушка любимая!

С мельничного водослива
Быстро падает струя.
С берега за кустик ивы
Проникает след ручья.
Дремой песнь его полна.
Тишина.
Время сна.
Сладко, сладко спи, моя
Девушка любимая!

Догорает свет заката,
Блещут звезды наверху.
Засыпай, моя отрада,
Я твой сон постерегу.
Встану около окна.
Тишина.
Время сна.
Сладко, сладко спи, моя
Девушка любимая!

<1874>

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ ДЕВУШЕК

Как ласкает наши взгляды
Майская земля!
Выгоним, сестрицы, стадо
Поскорей в поля,

И в кустарники, сестрицы,
Рвать цветы пойдем!

У земли и неба новый
И веселый вид.
Вновь заговорить готовый,
Березняк звенит.
О весна! Ты снова песни
Пробуждаешь в нас.

<1874>

ПОТЕРЯННАЯ РУКАВИЦА

На санях я в день морозный
Проезжал через село..
Хватъ — ан нету рукавицы:
Где-то снегом замело.

Стал искать, забрел на хутор,
Вижу — девушка в окне.
«Не видала ль рукавицы,
Ты скажи, голубка, мне!»

Отвечает: «Не видала!
У соседей бы узнать!»
Не успел я оглянуться —
Возвращается опять.

«Нет, никто ее не видел!
Я тебе другую дам!»
Взял подарок да уехал,
Но... оставил сердце там.

Там теперь всегда застрянешь
Хоть на несколько минут:
То в колесах спиц нехватка,
То в сугроб уронишь кнут.

«Эх, отец, когда ж владельцем
Стану дома и двора?»

Весела она, как птица,
Замуж ей давно пора.

На лице весь день улыбка,
Взор приветливый всегда...
Будет тихая невестка
И хозяйка хоть куда!»

<1874>

ЛЮБОВНАЯ КЛЯТВА У РОДНИКА

Я уходил из дома.
Печальна и нежна,
В густой тени березы
Сказала мне она:
«Любовь моя светлее,
Чем родника струя.
Всегда в краю далеком
С тобою буду я...»

Мне под иной березой
Родник журчал иной,
И девушка иная
Привет дарила свой.
А всё ж береза эта
Мне милой не была,
И девушка чужая
Мне душу не зажгла.

И вот к родному дому
Я поспешил прийти.
Родник мой и березу
Опять хотел найти.
Но высохла береза,
Мутна под ней вода.
А девушка к другому
Ушла... и навсегда.

<1874>

НА МОГИЛЕ К. Р. ЯКОБСОНА

Берег Вяндры. Шепот крон.
Холм листвою осенен,
Скрыт песка сыпучим слоем,
Спит здесь мирно под землею
Тот, о ком мы все скорбим.

Безутешно странник плачет:
«Славный труд тобою начат,
Рано, рано век твой минул,
На кого ты нас покинул,
Подвиг свой не завершил!»

О супруге плача милым,
Над холмом его унылым
Горько слезы льет вдовица:
«Скоро ль к нам он возвратится,
Линду на руки возьмет?»

Плач детей вдовице вторит:
«Кто утешит наше горе?
Воротись скорей, любимый,
Стонет вся твоя семья!»

Шепот кленов шелестящих:
«Странник, ободрь скорбящих,
Дом родимый мой дострой ты,
Плач скорбящих успокой ты,
Труд Эстонии продли!»

Слышат шелеста призывы
И эстонский лес, и нивы:
«Дом родимый мой дострой ты,
Плач скорбящих успокой ты,
Труд Эстонии сверши!»

1882

СОЛОВЕЙ

Вновь зазеленел ольшаник,
Вновь березки в светлых шалах,
Яблоня опять цветет.
От черемухи округа
Забелела, и пичуга
Вновь в ольшанике поет.

Это соловей-соловко!
Песенкой своей он ловко
Завлекает зорю к нам,
Чтоб сходила, не туманясь,
Подарила чтоб румянец
Нежным девичьим щекам;

Чтобы небеса синели,
Чтобы парни не сидели,
А к невестам шли скорей;
Чтобы свадьбы загремели...
Для того исходит трелью
Пташка, серый соловей.

1886

ЛАСТОЧКА

Под моим окном, бывало,
Весело ты щебетала,
Гнездышко свое вила,
То на жердочку садилась,
То над пашнею кружилась,
Корм для птенчиков несла.

А теперь твой милый щебет
Не услышишь в нашем небе,
Улетела ты. Ну что ж...
В южной стороне теплее,
Люди там к тебе добрее,
Ты им ласковей поешь.

Пири-пяри, пяри-пири...
Мы тебя не позабыли,
Возвращайся поскорей.
От твоей счастливой песни
Зацветет родная Ээсти,
Люди станут веселей.

1886

ПОВЕДА ВЕСНЫ

Снег потемнел, и осели сугробы,
Снова на реках растрескался лед,
В пении ветра не слышится злобы,
Солнце сияет, и озимь растет.

Листья рябины раскрыться успели,
И распускаются ива с ольхой,
Повеселели грустившие ели,
Птахи щебечут в листве негустой.

Цепи неволи разбиты. На свете
Их не спаять никому никогда.
Бился народ наш в объятиях смерти
И не пугается больше кнута!

Рухнули цепи, и нет больше рабства.
Встань же, свобода, чиста и светла.
Пусть у народа, узнавшего братство,
Добрыми будут сердца и дела!

1887

К СОЛНЦУ

Видишь — над озером Пейпус сиянье,
Вихрем бушует огней полыханье.
Что это — крови клокочущей море
Или сияние звезд на просторе?
Нет, то не крови клокочущей море

И не сияние звезд на просторе:
Словно король в одеянии пурпурном,
Солнце встает на просторе лазурном.
Животворящею влагою бурной
Вновь светоносное море сияет,
Блещет пустынь ширина золотая,
Львы задремали в полуденном блеске,
Щука играет на озере в плеске,
Бор расцветает, всё дышит и спеет,
В небе сиянье колышется, реет.

Солнце, ты помнишь далекое время,
Край наш и эстов свободное племя,
Помнишь ты звоны мечей стародавних,
Грозные копыя в сражениях славных?
Лембиту смерть ты забыло едва ли?
В поле, где трупы бойцов остывали,
Видело смелых боев ты немало,
Чуждых пришельцев ладьи обжигало.
Солнце, ты помнишь сиянье рассвета?
Утро свободы тобою согрето.
Видишь ты — к свету эстонцы стремятся.
Правдой твоей пусть они озарятся,
Роят, кочуют, и пашут, и строят,
Трудятся дружно усердной семьею.
Если же смолкнет наречье эстонца,
Незачем больше светить тебе, солнце!

1887

О вильянди, о вильянди!

О Вильянди, о Вильянди,
Эстонский славный град.
Здесь похоронен не один
Отважный богатырь!

Тут пало много смельчаков,
Иплыли их тела
По Валуюе, по реке,
На озеро твое.

И рядом с каждым смельчаком
Убитый недруг плыл, —
Так вольность родины своей
Отстаивали здесь.

Теперь — в руинах древний град,
И озеро в тоске
Глядит на них и слезы льет
По красоте былой.

Вздыхает озеро в тоске:
«О, где краса твоя,
Твердыня Сакалы, оплот
Прадедовской земли?»

Тут, в Сакале, в ее земле
Немало спит бойцов.
Сложили головы они,
Чтоб вольность отстоять».

Но зря ты, озеро, в тоске
Льешь слезы о былом:
Ведь вольность в Сакалу пришла,
И край наш оживет.

Стоят эстонские мужи
На городском валу
И с болью вспоминают дни
Неволи крепостной.

Но скажут радостно они,
Грядущее прозрев:
— Проснувшийся эстонский край,
Ты снова расцветешь!

Между 1874 и 1890

СЛОВА ОТЦА

Мне сказал отец: «Свободна
Наша добрая страна,
И свободны наши люди,
На душе у них — весна».

Я спросил отца: «Свобода
Как пришла?» Ответил он:
«Так же, как звезда восходит
Поутру на небосклон.

Засияла нам свобода
Как заря! Ты посмотри:
Озарила нас свобода
Светом утренней зари.

И светить она, как солнце,
Вековечно будет нам,
Рабство, павшее повсюду,
Разгоняя, как туман».

— «Не отнимут ли свободу?» —
Так я у отца спросил.
Он ответил: «Нет! На это
Никому не хватит сил.

Как поток не обуздаешь,
Вышедший из берегов,
Так не обуздать свободы,
Вырвавшейся из оков.

Прикажи попробуй лесу,
Чтобы он весной завял,
Чтобы не давал побегов
И листов не распускал!

Прикажи попробуй солнцу:
— Больше утром не всходи, —
Никакие тучи солнца
Не удержат взаперти!»

Между 1874 и 1890

РАТНАЯ ПЕСНЯ

Развеваются знамена!
Сам господь из райских врат
Зрит на войско благосклонно.
Трепещи, проклятый враг!

Дан приказ. Подъяты пики.
Кавалерия спешит.
И земля в победном гике
Под копытами дрожит.

Мы бесстрашны в жажде мщенья:
Пусть уйдет, покуда цел,
Из Прибалтики священной
Враг, что к нам прийти посмел!

Будет много слез и горя,
Много крови... Но в бою
Отстоим родное море
И Эстонию свою.

Между 1874 и 1890

ЗАСТОЛЬНАЯ

Вкруг стола сойдемся, братья,
И отметим славный праздник.
Сдвинем кружки и стаканы,
За свободу — первый тост!

В детстве, на лугу играя,
Мы мечтали о свободе,
После та мечта зачахла —
Пусть она окрепнет вновь!

Даст нам силу, даст нам смелость,
Укрепит наш дух и волю,
Пусть она благословит нас
На великие дела!

Братья, кружки подымайте!
Пьем за счастье тех героев,
Чьими добрыми делами
Славен наш эстонский край!

И за матерей подыдем,
Братья, кружки и стаканы.

Пусть богатырей рожают!
Пьем за наших матерей!

Выпьем за красавиц наших,
И подкинем наши шапки,
И стаканы опрокинем:
Нашим девушкам хвала!

И опять наполним кружки,
Воздадим сполна отчизне,
Нашей Ээсти, что геройской
Кровью щедро полита!

А потом за племя эстов,
Что растит мужей могучих,
Мы последний тост поднимем:
За эстонцев, братья, пьем!

Между 1874 и 1890

СОЛДАТКА

На далекой на чужбине
Мой любимый муженек,
Оттого всегда вздыхаю,
Горько плачу и малютку
Оттого ращу одна.

В рекруты забрали мужа.
Грустный, в город собрался.
Снаряжала в путь-дорогу
И рыдала, собирая
Рукавицы и белье.

И теперь, когда по лесу
Я иду и лес шумит,
Слышу в ветре мужнин голос:
Ободряет он и шепчет
Мне слова своей любви.

А когда пойду по лугу,
То приму издалека
Постороннего — за мужа...
И во сне я мужа вижу,
Но обманывают сны.

Под вечер, когда соседи
Возвращаются домой,
Женщины идут с мужьями,
Даже грач летит к грачихе, —
Только я всегда одна.

Мой малыш, моя отрада,
Не видал еще отца.
— А когда он к нам вернется,
Принесет нам хлеб и сахар? —
Спрашивает мой малыш.

— Он вернется, — отвечаю.
— Я тогда, — мне шепчет мальчик, —
Принесу цветов и ягод.
Крепко папу обниму.

Так со мною всякий вечер
Говорит мое дитя.
О господь, пусть будет храбрым
Мой солдат! Храни мне мужа,
Вороти его домой!

Между 1874 и 1890

АДО РЕЙНВАЛЬД

ЧЕРНЫЙ КАФТАН

Кафтан отцовский внуку
Завещан. Потому
Тебе, отчизна, руку
Я в этом твердо жму.

В кафтане черном деды
Ходили. Ну так вот —
Пусть новшества победы
Не знать: я патриот!

Хочу в кафтане черном
Я смело выступать.
Пред выскочкой вздорным
Не стану трепетать!

<1871>

ВОПРОСЫ

Способны разве горы
От ветра мягче быть?
И разве могут воры
Добычу упустить?

И разве коршун с криком
Когтями жертву рвет?

И папы в рабстве диком
Не держат весь народ?

Богатый разве помнит,
Что смерть придет к нему,
И часть богатств огромных
Отдаст ли он кому?

Хоть нет на свете чести,
Хоть мир для правды мал,
Ты жить с ним должен вместе,
О чем бы он ни лгал.

<1872>

СЛЕЗЫ

Утром вешним я бродил,
Все тропинки исходил.
Где покоса полоса,
Будто слезы — не роса.

У слезы спросил одной:
«Почему ты здесь со мной?
Ты в предутреннюю тишь
Почему в траве блестяшь?»

И в ответ вдруг слышу я:
«Наша под травой земля.
Нас отец и мать давно
В землю бросили с зерном.

Ночь лишь ляжет на холмы,
Из земли выходим мы,
Говорим между собой
О крестьянской доле злой.

Солнце лишь начнет вставать,
В землю спрячемся опять.
Нас родила в муках ночь,
Нам смотреть на свет невмочь».

Так слеза сказала мне...
Я заплакал в тишине:
Этих слез ручей живой
Заблестел в траве росой.

<1875>

ЗОЛОТОЙ БЕРЕЖОК

Золотой бережок,
Когда бы корабль пристать к тебе мог!
В твою сторону, как взошла заря,
Направил я паруса корабля.
Отсюда из-за высокой волны
Родные берега не видны.

Золотой бережок,
Когда бы корабль пристать к тебе мог!
Чужое море на моем пути,
Родного берега мне не найти, —
Но там начинается жизнь моя,
Где кончается путь корабля.

Золотой бережок,
Когда бы корабль пристать к тебе мог!
Я вздыхаю птицей усталой,
Жизнь такую спокойной стала.
Бурям теперь я совсем не верю,
Наверно, не скоро увижу берег.

Золотой бережок,
Когда бы корабль пристать к тебе мог!
В сиянии солнца мне показалось,
Что море чужое сзади осталось.
Нет, к родному берегу, к людям
Путь по суровому морю труден.

<1875>

РЕЛИГИЯ И НАУКА

Там, где вера, не нужно знание,
Там, где знание, нужна ли вера?
Зачем мне вера, если я знаю?
Зачем тебе знание — ведь ты же веришь?
Коль хочешь веры, забудь про знание,
А хочешь знанья — забудь про веру.

<1877>

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Сладко слышать сердцу:
Свой народ возлюби!
Слаще слышать сердцу:
Друг, возлюби народы!
Это голос поры грядущей,
Где не будет злобы и войн.

<1877>

РОДНОЙ ЯЗЫК

Мне матери родной язык
Торжественно звучал,
Когда в избешке в первый раз
Его я услышал.

Она баюкала меня
На языке родном,
Всю жизнь на этом языке
Я говорил с отцом.

И мнится, если дрозд весной
Щебечет, солнцу рад,
Что по-эстонски все в лесу
Деревья говорят.

Когда уходят лета дни
И осень настает,
Мне словно матери язык
В последний раз поет.

Разлука в грудь мою тогда
Впивается стрелой,
И кажется, старушка мать
Здесь слезы льет со мной.

Я из могильной слышу тьмы
Слова ее в тот миг:
«Дитя мое, молю — храни,
Люби родной язык!»

В тумане памяти тогда
Наш дом я узнаю,
Ребенком к матери тянусь:
«Я слышу речь твою!»

<1892>

БУРСКАЯ ВОЙНА

В далекой Африке война,
За правду борется страна.
Там среди гор сегодня вновь
Свободных буров льется кровь.
Кто мирный их нарушил труд?
Кто им грозит расправой тут?

Здесь только золото виной,
Из-за него кровавый бой.
И хищники в огне, в дыму
Так жадно тянутся к нему.
Объята вся страна огнем,
И стоны слышатся кругом.

Плывут по морю корабли
Из вражеской, чужой земли.
Войну из Англии везут,
Где на словах свободу чтут,
Но злоба прячется в сердцах...
Везут войну на кораблях.

Весь край поднялся на борьбу...
Пусть знает враг свою судьбу,

Пусть поглядит во тьму могил,
Пусть будет свет ему не мил.
За алчность к золоту и зло
Возмездье к хищникам пришло.

Ветра войны ревут кругом:
Играет Англия с огнем.
Отважен маленький народ,
Где каждый на борьбу идет.
Чтоб победить любой ценой,
Выходит каждый в грозный бой.

Британия, страна цепей,
Ты силой не хвались своей,
Тебя крестьянин вольный бьет,
Ты не забудешь этот год,
Когда пришла ты на грабеж;
Но смелых волю не согнешь.

Сражайтесь, буры, чтобы жить!
Мир вам желает победить.
Пускай опасность на пути,
Но лучшей доли не найти.
Пусть смерть, но в братстве боевом,
В родном отечестве своем.

1899 или 1900

**ПРОШЛОЕ — НАСТОЯЩЕЕ —
БУДУЩЕЕ ЭСТОНСКОГО НАРОДА**

(Отрывки)

Здесь народ эстонский
Начал мирно жить
И в жару и в холод
Силу стал копить.

Здесь в трудах тяжелых
Устали не знал,
Лес валил столетний,
Корни корчевал.

Здесь пахал он поле,
Здесь снимал покос,
Крепкие постройки
Быстро он вознес.

Так и рос и креп он
Долгие года —
Целые столетья
Мирного труда.

Рос его достаток
На глазах у всех —
В светлый век старейшин,
Счастья и утех.

Древняя свобода,
Мирные года!
В край лечу счастливый
Я мечтой всегда.

Пашня, лес и море
Всех кормили нас,
И не знали рабства
Мы в тот светлый час...

Разве есть на свете
Счастье на века?
Разве не ломает
Бурей сосняка?

Разве боги вечно
Дарят нас добром?
Кто не верит в это,
Быть тому глупцом...

В дни свободы нашей,
В славный век былой,
Разгулялась буря
Над страной родной.

С бурей к нам на берег
Рыцари пришли

И свою нам веру,
Рабство принесли.

Вера, рабство, муки
Неразлучны ввек.
Целое столетье
Стонет человек.

Как исчадь ада,
Рыцари войны
Мучат и терзают
Грудь моей страны.

Города и села
Жгут они огнем.
Грудами развалин
Стало всё кругом.

Своего младенца
Скорбно держит мать.
Будет в рабской доле
Век он горевать!

Только кнут и слезы
Нам врагом даны.
Нет несчастней нашей
На земле страны!

Наш народ сражался
В громе бурных гроз
И стоял в невзгодах
Как морской утес.

Калева потомкам
Не стерпеть оков.
Бьются они дружно
С ордами врагов.

Как траву, срезают
Недругов ряды —
Только избавленья
Нет им от беды.

Новые отряды
Рыцарей плывут,
В кованых доспехах
Вновь на нас идут.

Бьется муж эстонский
За свои поля,
И красна от крови
Вся его земля.

Но народ слабеет
Под чужим ярмом,
Потерял свободу,
Стал навек рабом.

Гибнет край родимый,
Жизни он не рад.
Ворон и стервятник
Грудь его когтят.

Где твоя свобода?
Чем тебе помочь?
На страну надолго
Опустилась ночь.

Разъедают сердце
Годы тяжких бед.
Звездочки последней
Гаснет в небе свет.

Спи, народ свободный,
Долги дни тревог.
Над тобой, быть может,
Смиляется бог.

Ты проснешься ль снова,
Сбросишь дремы гнет?
Там, далеко, в небе,
Уж заря встает.

Всё ли в сне тяжелом
Быть родной земле

И тебе качаться,
Как рабу, в петле? ..

Многие столетья
Ты провел, скорбя.
Только чудом сердце
Бьется у тебя,

Сердце, где когда-то
Была жизнь ключом.
Разве, муж эстонский,
Ты забыл о том?

<1900>

ЗАБЫТЬ?

Неужто позабыть мне надо
Мучения моей страны?
О нет! Навек виденья ада
В душе моей сохранены.

Еще и нынче, поневоле,
Я вижу твой кровавый ад,
И крик тоски, и возглас боли
В упрямой памяти звучат.

Не примирят меня столетья
С толпой мучителей твоих,
Они тебя терзали плетью!
Хочу увидеть муки их.

Еще растут в тени ограды
Они, как сорная трава.
Так пусть их полют без пощады
Вот эти гневные слова!

<1901>

ОТЧИЙ КРАЙ

Отчий край... Здесь всё родное.
Тут я жил... Тут начал жить.
Где б я ни был — он со мною,
Не могу его забыть.

Тут по улице я бегал,
На опушке стадо пас...
Тут в лесу вечернем слушал
Пенье соловья не раз.

Тут пришлось мне Ванемуйне,
Бога песни, повстречать:
Он на каннеле играл мне
И меня учил играть.

Тут по выгону, в лощине,
Протекал, блестя, ручей...
Звезд глаза мне здесь мигали
В вышине, во тьме ночей.

Край родной... Здесь всё родное.
Тут я жил... Тут начал жить.
Где б я ни был — он со мною,
Не могу его забыть.

<1904>

НА ВЫРТС-ОЗЕРЕ

(Между Тамме и Тарвасту)

Столкнулся барин как-то раз
С крестьянином в недобрый час.
Мужик за возом еле шел.
Был снег глубок, а путь тяжел.
«Сверни, дурак, чего ты стал?» —
Сердито кучер заорал.
«Куда же я свернуть могу,
Когда застрял мой воз в снегу?»

И барин тоже поднял крик:
«С дороги прочь сойди, мужик!
Сверни, бездельник, да скорей,
Ответишь шкурой мне своей.
Велю столкнуть под лед, на дно:
Тебе там быть пора давно!»
Но только к возу он шагнул —
В снегу по пояс утонул.
И в злобе он кряхтел, кричал
И кучера на помощь звал.
Он пистолет велел подать,
Чтобы мужик не мог удрать,
Но снег был вязок и глубок,
И барин выбраться не смог.
Ругал, грозил он кулаком,
Стращал расправой с мужиком...
Но так в сугроб он плотно влез,
Что уж совсем в снегу исчез.
Под снегом лед прорублен был,
Крестьянин тут ершей ловил,
Потом их жарил, продавал
И в Тамме чарку выпивал.

Воз снова двинулся вперед,
А вьюга всё сильнее метет...
Крестьянин думал о беде:
Что барин? Он теперь в воде...
Взамен меня попал туда...
Ой, холодна же там вода!

<1904>

ШАПКУ ДОЛОЙ!

Наш Матс — он парень хоть куда.

Он знает все законы.

Он никому и никогда

Не станет бить поклоны.

Он как-то по имению шел,

В раздумья углубился.

Но барин повстречался с ним

И сразу обозлился:

«Ты что же, барина признать,
Паршивый скот, стыдишься?
Иль яйца в шапку положил,
Что снять ее боишься?»

Моргну — и высекут тебя,
Разденут и разложат.
А то — повесят на суку,
Коль порка не поможет».

Но Матс путем своим идет,
Угрозы не пугают.
Он только шапку на башку
Поглубже надвигает.

А не уймется барин — что ж...
Напишет Матс в газету.
Страшной угрозы, чем статья,
Для самодуров нету.

Не тронет шапки он рукой,
А дальше зашагает.
Иль, обернувшись, скажет вдруг:
«Мальчишек так пугают».

Вокруг свирепствует мороз
И за уши кусает.
А шапка — что ни говори —
От холода спасает...

А впрочем... Снять ее легко!
Она ведь невесома.
И Матс ее согласен снять —
В театре или дома.

<1906>

ГОРДЫНЯ

Попав гордыне в сети,
Свой разум ослепя,
Ты мнишь, что нет на свете
Людей умней тебя.

Но глупо красоваться
Перед самим собой:
Пристало задаваться
Никчемности одной.

Заметь, когда под осень
Хлебов стоит стена,
Что, чем длинней колосья,
Тем меньше в них зерна.

Всегда хвастлив бездельник,
Он пуст и неумен.
Горящий можжевельник
Напоминает он.

Трещит он, да недолго —
Сгорает вмиг дотла...
В поленьях — больше толку,
А главное — тепла.

Гордыня вызывает
Насмешки у людей:
Народ, он различает,
Где хлеб, а где пырей.

Между 1904 и 1922

ЮХАН КУНДЕР

ROYAL CANADIAN

НА ГОРЕ МУНАМЯГИ

Вниз когда гляжу у края тучи
На Эстонию свою,
Посылаю в мир напев могучий,
Звонким голосом пою:
«Как здесь жить хорошо!»

Золотой пшеницы волны плещут,
Серебро озер кругом;
Вдалеке леса листвою трепещут
И шумят, как дальний гром:
«Как здесь жить хорошо!»

С запада шумит седое море,
Вскинув пену к облакам,
И река течет в цветном уборе,
Вторя песенным словам:
«Как здесь жить хорошо!»

Девушки эстонские смеются
И поют среди цветов;
Женихов эстонских раздаются
Голоса в тени садов:
«Как здесь жить хорошо!»

Облака всплывают лебедями
Над холмами и землей,
Солнце, звезды, месяц над ручьями
Хоровод свершают свой:
«Как здесь жить хорошо!»

Жили великаны здесь вначале,
Странствуя и веселясь;
Песни их победные звучали,
Плавно речь мужей лилась:
«Как здесь жить хорошо!»

Если бы я мог владеть эфиром,
Пеньем птиц, стремленьем вод,
Я бы повелел, чтобы над миром
Звонкий клич звучал с высот:
«Как здесь жить хорошо!»

Если бы я мог на небе ясном
Яркой молнии оставить след,
Я б эстонский славил край прекрасный, —
Для меня другого в мире нет.
Как здесь жить хорошо!

<1876>

СТРАДАНИЕ

Возвратись обратно, челн,
Из-за дальних бурных волн, —
Мне так хочется опять
Друга милого обнять.

Или впрямь стряслась беда?..
Впрямь исчезли навсегда,
Похоронены волной,
Облик твой и голос твой?

Девочка, не плачь — молчи.
Утром выглянут лучи,
И вернется милый твой
Из Финляндии домой...

Вот и наступил рассвет,
Бури и в помине нет,
Но по глади вод морских
Не приплыл домой жених.

<1876>

НА ЭСТОНСКОЙ ГОРЕ

Повел меня раз в гору
Отец покойный мой
И высоко там поднял
Над самой крутизной.

«Сынок, взгляни в долину!
Вглядись в простор небес,
Где с облаком как будто
Ведет беседу лес.

Лугов зеленых волны
Ты видишь с высоты,
Ветвей вздымают крылья
Плодовые сады!»

Смотрел я, напрягая
До устали глаза,
Открылась с плеч отцовских
Родной земли краса!

И, дважды обернувшись,
Отец движеньем рук
Мне показал на север
И указал на юг:

«Сынок, со дня рожденья
Тебе и мне дана
Эстония родная —
Прекрасная страна!

И взрослым постарайся
Ее считать святой!
Не отыскать добрее,
Она как рай земной».

Считаю я заветом
Отцовские слова;
Навек к земле родимой
Во мне любовь жива!

Свою мне в грудь вложила
Отчизна красоту,
Дыханьем в кровь проникла
И подняла мечту.

Сравню с гранитом веру
Высокую твою,
А с крыльями надежду...
Эстонию пою!

<1883>

КОРОЛЬ КАЛЕВ

На Вируском побережье
Пленен был я странным сном.
Мое озарил он сердце,
Чтоб в памяти жить потом.

Блистали, как золото, волны.
И горы в закатном огне;
А тонкие руки русалок
Играли на светлой волне.

И нив золотые колосья
Кивали со всех сторон.
Там видел я дивное диво,
Где Калев был погребен.

Встал Калев, и радости слезы
Сверкнули в глазах короля;
Ему открывалась оттуда
Старинная Виру земля.

Смотрел на поля он оттуда,
Следил за быстрой волной;
И вскинул он сильные руки,
И голос возвысил свой.

Слал нивам благословенье
И морю в гребнях седых,

У солнца и чашам и травам
Просил он лучей живых.

Потом вернулся в могилу,
Чтобы спокойно уснуть:
Он знал — Эстонии милой
Напевами полнится грудь.

С тех пор всегда в моих думах
Благословенные сны;
Пою я о нем и грежу,
Но в том нет моей вины.

<1890>

ПЕЭТЕР ЯКОБСОН

ПЕСНЯ ТКАЧА

Я гребнем стучу, и нитку я правлю.
До ночи работу свою не оставлю.

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Так будет соткана эта ткань.

Иные пьют счастье полною мерой,
А я... Я занят холстиной серой.

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Вал основы! Ты тонким стал.

Челнок мой снует и летит, как птица,
И нить не устанет за ним носиться.

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Основы всё меньше, а ткань растет.

Нить некрученая, не порвись ты,
С нитью крученой во всем сравнись ты.

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Завтра я холст со станка сниму.

Если б мне золота дали много,
Всё ж я не бросил бы ткать... Ей-богу!

Тук. Тук.

Тук. Тук.

Только дороже бы стал мне холст.

<1881>

ТОСКА ПО ДОМУ

Далеко мой дом родимый,
Где поемные луга,
Где над тихою речушкой
Все в березках берега.

Там ольха к земле склонилась,
Весь в цветах тенистый сад...
Ах, туда я всей душою
Возвратиться был бы рад.

Льется жаворонка песня,
Мчится ласточка стрелой,
И над яркими цветами
Там жужжит пчелиный рой.

Там покосы зеленеют,
В травах лютики пестрят
И струит иван-да-марья
Свой веселый аромат.

Темный лес шумит листвою...
Скоро ль снова буду в нем?
И когда смогу увидеть
Я опять родимый дом?

<1884>

СМЕРТЬ ЭСТОНСКОГО СОЛДАТА В БОЛГАРИИ

Давно уж длятся ужас и геройство,
В сраженьи пали сотни ликом вниз,
Но доблестно идет на гибель войско.
Победа или смерть — таков девиз.

Дрожит земля, трясется воздух рваный,
И тучи дыма скрыли солнце, твердь;
Труба зовет, грохочут барабаны
И вдохновляют ратников на смерть.

Там в дубняке на мураве зеленой
В последней схватке борется солдат,
От сердца под рубахой пропыленной
Привет родным послать он был бы рад.

К нему товарищ верный подползает,
И, горестным предчувствием томим,
Он пот на лбу солдата вытирает,
На краткий миг склоняется над ним.

«Друг, хорошо, что на закате жизни
Вблизи тебя здесь оказался я.
Ты гибнешь по велению отчизны,
Ты принимаешь муки за царя».

Что ж раненый? Пожать он руку хочет,
Но падает бессильная рука,
Ни приподнять, ни сжать ее нет мочи,
И слабый шепот ловит слух дружка:

«Я умираю... Да придет победа,
Чтобы народ-собратье оков не знало;
Едва ли доживу я до рассвета,
Тогда исполни то, что обещал».

В Эстонии на севере далеко
Любовь моя осталась и родня.
Коль ты туда вернешься ненароком,
Передавай привет им от меня».

Договорив слова скупые эти,
Вздыхнул, как будто в чем-то виноват,
О чем-то пожалел на этом свете —
И умер с миром доблестный солдат.

И трижды горсть земли на грудь героя
Друг положил, сказав как бы в ответ:
«Спи вечным сном, иду я в пекло боя
И, может быть, пойду тебе вослед».

<1884>

УХОД ИЗ СЛИВИО

За Балканами я помню
Городок чудесный,
Он в садах зеленых тонет,
Мил мне он, безвестный.

Там я девушек пригожих
Видывал немало,
На крылечке вел беседу
Вечерком, бывало.

Черноокая болгарка
Сердце там прельстила
И, как ясный летний полдень,
Улыбалась мило.

Там не раз часок вечерний
Проводил отменно,
Всё, бывало, виноградом
Потчует Елена.

А когда сказал, что дальше
Уходить мне надо,
Принесла она цветок мне
Из родного сада.

Принесла привет прощальный
Мне с подарком этим:
«Петра, больше мы друг друга
Никогда не встретим».

Вот под грохот барабана
Выступила рота,
А она всё вслед глядела,
Не закрыв ворота.

ЯАН БЕРГМАН

ВЕРНЫЙ ЮЛО

Врагом городище охвачено,
Надежда на помощь утрачена.
«Ох, Лембиту! — молят все жители. —
Спешите к нам, спасите от губителей!..»

И Вальдеку смотрит, терзается —
На помощь отец не является.
Врагом и границей латвийскою
Сжат город пред гибелью близкою.

А к дому дорогами ратными
Шел Юло с вестями отрадными.
Спешил он от Лембиту вестником,
Но к вражьи попался наездникам.

«Зачем пилигрима смиренного
В темницу влечете, как пленного?»
— «Будь ты хоть у неба служителем —
Пред нашим предстань предводителем!»

Пред рыцарем без содрогания
Он страшного ждет наказания.
«Скажи нам, куда пробираешься,
Иль с жизнью своею распрощаешься!»

— «Грозите вы казнь мучительной, —
Гонец отвечает решительно. —

Скажу напрямик и без трепету —
Послал меня Лехола Лембиту.

Пусть Вальдеку обороняется —
Уж войско отца приближается.
Союзники с ним беззаветные,
Ведут они силы несметные.

Как гром, сила грозная движется —
Не сможешь ты ей воспротивиться.
Старайся убраться заранее ты,
Не то все пути будут заняты».

Но рыцарь с улыбкою гордою:
«Ты скажешь сегодня же городу —
С надеждою пусть распрощается
И Лембиту не дожидается.

Ты скажешь лишь то, что нам хочется.
Не то — сразу жизнь твоя кончится!
Теперь выполняй, что назначено, —
Как скажешь — так будет оплачено...»

И к городу незамедлительно
Отправился Юло стремительно.
«О горе!» — его лишь увидели,
Воскликнули жители Вильянди.

Но Юло им крикнул уверенно:
«Надежда еще не потеряна!
Сражайтесь! Уж близится Лембиту!
Уж враг наш исполнится трепету!

И прежде чем солнышко ясное
Даст в третий раз утро прекрасное,
Падут наши недруги страшные, —
Вперед, мои братья отважные!..»

Лишь слово последнее замерло —
И Юло отважный пал замертво.

Тевтоны с насмешкою подлюю
На шест его голову подняли.

Там Вальдеку молвил взволнованно:
«Эстонии честь отвоевана.
Ты умер для братьев спасения —
Прославят тебя поколения!»

<1881>

ТАЙНЫЙ ПРАЗДНИК ТААРЫ

Священная роща свежа и густа,
Шуршит и шумит, словно шепчут уста.
Ты видишь — поднялся в лесу ветерок.
Заржавленный в пламя бросают клинок.

Рабы, приносящие жертву, идут.
Тела иссушил им безжалостный труд.
От рыцарской плетки их плечи болят,
И руки повисли, и раны горят.

Но сердце свободно под гнетом цепей,
И разум не стал от несчастий слабей.
Ты видишь — козла и барана несет
На жертвенник Таары бесправный народ.

Седые жрецы говорят об одном —
О Калева роде, о веке былом,
О темных, мучительных, адских ночах,
О Тааре, о дедах, о мудрых речах.

И щеки рабов начинают алеть,
И руки у них начинают твердеть,
И песня в честь Уку взлетает в зенит,
И струнами радостно каннель звенит...

Но гаснет огонь. Замыкаются рты.
Шумят лишь деревья среди темноты,
Да шепчет на крыльях спустившийся сон
О радостной жизни счастливых времен.

Когда ветерок прошумит меж дубов,
Кончатся грезы ночные рабов.
«Вставайте! Вставайте! Уж день настает!» —
Кнутом угрожая, надсмотрщик орет.

<1901>

СЛЕЗА ВДОВЫ

Богач-купец однажды
Стал у весов своих.
Вдовы кольцо простое
Он взвешивал на них.

Вот всё, что муж в наследство
Оставил, бедной, ей.
К купцу ее пригнали
И плач и стон детей.

«Не много это весит.
Не золото, а хлам!
И больше половины
Я за него не дам!»

— «Да как же? Быть не может!
Ведь целый здесь кусок.
Вы взвесьте, ваша милость,
Еще один разок!»

Слеза вдовы скатилась
На перстень золотой.
Купец был недоволен:
«Что вешать? Труд пустой».

Но всё же взвесил снова,
Не сводит с гири глаз.
Колечко опустилось,
А гиря поднялась.

Пришлось платить по чести,
Расчеты ведь просты.
Слеза вдовы! Как много,
Как много вешишь ты!

<1901>

СИРОТКА

Ох, сиротливая,
Ох, несчастливая,
Денушь куда?

Кто же возьмет меня?
Кто же поймет меня?
Всюду беда.

Ох я, бездомная,
Жизнь моя темная,
Жду — не дождусь.

Суд не защита мне, —
Горем убитая,
Всех я боюсь.

Плохо без батюшки,
Плохо без матушки,
Нету пути.

Друга хорошего,
Парня пригожего
Где мне найти?

<1901>

СТАРЫЙ КАПНЕЛЬ

Песни и сказанья
Наш народ сложил,
В них поведав свету
Обо всем, чем жил.

Но не каждый песни
В памяти хранит:
Там — слова забыты,
Тут — мотив забыт...

И умел не всякий
Эти песни петь,
А без песен горе
Тяжелей терпеть.

Говорил сердито
Не один мудрец:
«Позабыты песни,
Нет у их — конец...»

Долго стих народный
Мог в забвеньи быть.
Клад, в земле зарытый,
Нелегко открыть.

Но один искатель
Всё ж его открыл.
Был он местный родом,
В Кайоле он жил.

И сказал он людям:
«Клад нельзя бросать.
Сообща нам нужно
Золото спасать».

Был тот голос слышен
Далеко окрест,
Всей земле эстонской,
Людям разных мест.

И решили люди
Золото спасать,
И пошли по свету
Песни собирать.

Каждый малый хутор
Песню им дарил.

Каждый хутор сердцу
Что-то говорил.

Шли по свету люди
Много-много дней
И собрали песни
Родины своей.

И, сложив те зерна,
Что собрал народ,
Книгу «Старый каннель»
Создал мастер тот.

Чтоб хранил надежно
Прочный тот амбар
Достоянье предков —
Внукам славный дар.

Тот, кто дух эстонский
Захотел понять,
Должен эту книгу
В совершенстве знать.

Кто захочет словом
Волновать народ,
В книге «Старый каннель»
Многое найдет.

Надо эту книгу
Понимать уметь,
Чтоб эстонской песне
Славой прогреметь.

Между 1901 и 1916

ПРИВЕТСТВИЕ ЛАСТОЧЕК

Надоел нам теплый воздух,
Южный край, где нет зимы.
О родных эстонских гнездах
В Африке грустили мы.

Пусть в песках, как великаны,
Пирамиды высоки,
Лишь эстонские поляны
Нам приятны и близки.

Сердце тянет нас в дорогу,
Всё зовет: быстрее! быстрее...
Позади осталось много
Стран различных и морей.

Вот и хутор — все тут рады
Щебету весенних стай...
Здравствуй, лес, поляна, поле,
Здравствуй, наш родимый край.

Между 1901 и 1916

ДОВОЙ

— Ты в церкви вести себя скромно должна,
А ты рассмеялась там трижды, жена.
С чего приключилась такая беда?
Ведь ты не смеешься нигде никогда.

— С чего я смеялась — ты хочешь узнать?
Ну что ж, я могла бы тебе рассказать,
Но раньше скажи, как вошла я в твой дом.
Всю правду тебе расскажу я потом.

— Как мы поженились? Чего ж тут скрывать?
Но кончим сперва об одном толковать:
Смеялась ты в церкви, а это грешно, —
Поведай, с чего тебе стало смешно.

— Лишь только священник воззвал к небесам,
Как черт заявился доподлинный в храм, —
Пробрался к окну он и стал среди всех,
И тут-то впервой разобрал меня смех.

Увидел нечистый, как дремлет приход,
Схватился от смеха за тощий живот

И, зубы оскалив, давай хохотать...
И я вместе с ним рассмеялась опять.

Какой-то пергамент он после достал...
Его расстелил и записывать стал
Всех тех, кто не слушает службу и спит,
А то за окошко подолгу глядит.

В момент исписал он пергамент сполна,
А всё оставались еще имена.
Тут кожу решил удлинить он чуть-чуть
И — хватать ее в зубы, и начал тянуть.

Тянул, и порвал ее вдруг пополам,
И об стену теменем трахнулся сам,
Да так, что посыпались искры из глаз,
И в третий тогда рассмеялась я раз.

Ты правды добиться хотел — получай,
И, как обещал, на вопрос отвечай:
Припомни, прошу, муженек дорогой,
Как я оказалась твоею женой.

— Тебя я впервые увидел, мой свет,
На кухне... Обоим нам было семь лет...
С тех пор мы росли неразлучно с тобой,
А после ты стала моею женой.

— А помнишь, в тот день, как пришла я, ваш дом
Был заперт? Каким же пришла я путем?
Припомни, что ночью творилось в дому
И наглухо заперт он был почему!

— Я, помню, метался в постели больной, —
За что-то терзал меня наш домовой.
И, чтоб от меня отвязалась беда,
Все дыры в стене мы забили тогда.

Одну только дырочку брат пропустил.
Он после ту дырочку клином забил,
Чтоб нечисть навек отвязалась от нас...
Я дырочку эту открою сейчас.

— Сквозь эти ворота я к вам и вошла,
Сквозь них и уйду я — мне воля мила —
Что делать? Ты сам показал этот путь!
Прощай же! И женушку не обессудь! —

Сказала и, вылетев из дому прочь,
Покинула мужа, и сына, и дочь.
Был муж благодарен жене и на том,
Что хоть не украла дочурку с сынком.

Между 1901 и 1916

**АДО ГРЕНЦШТЕЙН-
ПИРИКВИ**

НА ЧУЖБИНЕ

Одиноко

Я скитаюсь на чужбине.
Надо мною небо сине,
И гладка моя дорога,
Только родина далеко.

Так далеко

Завело меня изгнание!
Сердце жгут воспоминанья.
Край родной, где всё иначе,
Лишь припомню — и заплачу.

Горько плача,

Я скитаюсь на чужбине.
На чужбине, как в пустыне.
Песню слышишь, но иную,
И не встретишь речь родную.

Речь родную

Я храню, как нить жемчужин.
Мне чужой язык не нужен —
Нет игры в нем, силы страстной.
Он чужой и безучастный.

Безучастный

Я скитаюсь на чужбине,
Всё здесь чуждо мне поныне.
Рощи, реки — мимо, мимо!
Счастье лишь в краю родимом.

Край родимый!
Как бы я хотел вернуться!
Что за песни там поются!
Там цветы в лугах зеленых
Расцветают для влюбленных.

<1878>

ЛАПОТЬ, ПУЗЫРЬ И СОЛОМНИКА

Гордый лапоть мимо сёл
В Вильянди из Тарту шел.
А за ним, за вожаком,
Соломинка с пузырем.

Вот дошли они до речки,
Через речку — ни дощечки.
Приуныл лихой отряд:
Не вернуться ли назад?

Тут сказал бедовый лапоть:
«Будет вам, ребята, плакать —
Нас пузырь перевезет.
Чем пузырь не пароход?

Ну, соломинка — мне ясно —
Будет мачтой первоклассной.
И конечно, стану я
Капитаном корабля».

Но пузырь сказал сердито:
«Я не таз и не корыто.
Я же круглый, как арбуз,
И в воде перевернусь.

Но не унывайте, братцы,
Мы сумеем перебраться!
Выход есть — и выход прост:
Чем соломинка не мост?»

Вот и мостик тонкий-тонкий
Перекинут над речонкой.

Лапоть — храбрый пешеход —
По соломинке идет.

Нос задрал, остановился.
Трах — и мост переломился.
Лапоть — бух в водоворот.
Тонет мост и пешеход.

А пузырь кричит: «Потеха!» —
Раздувается от смеха.
И, раздувшись, наш глупец
С треском лопнул наконец.

<1888>

ЭПИГРАММЫ И АФОРИЗМЫ

* * *

Смотри, не предавайся спячке —
Беда потом не даст потачки.

* * *

Россия
Большая,
Ты смолоду грозна, как океан.
Я знаю:
Мужая,
Ты станешь первой из великих стран.

* * *

То твое богатство было,
Что тебя, брат, погубило.

* * *

Крепость мышц и кулаков —
Вот богатство бедняков.

* * *

Для счастья первое условие
Беречь свой капитал — здоровье.

* * *

Спозаранок — в поле, за полночь —
в кровать.
Так достаток в доме начал прибывать.

* * *

Лягушку посадили в кресло,
Лягушка — скок! — и в грязь полезла.

* * *

Где содержаньем взять не можешь,
Там формой делу не поможешь.

* * *

В каждый стих моих созданий
Въедается мой враг,
Ибо свежими плодами
Питается червяк.

* * *

Там, где мысль скончалась тихо,
Начинается шумиха.

* * *

Его слова: «люблю народ».
Их понимай наоборот.

* * *

Кто темным делает народ,
Тот сам и кровь его сосет.

* * *

Полны пшеницей закрома —
И людям не страшна зима.

Копите знания про запас —
Они вас выручат не раз.

* * *

Учись у жизни у самой —
У ней на всё ответ прямой.

* * *

Длинноты, мямленье и прочее
Я просто слушать не хочу.
Скажи мне то же, но короче,
Я тотчас это заучу.

* * *

В рифмах толк он понимает,
Всё же стих его хромает.
Рифмы у него в почете,
Только смысла не найдете.

* * *

Если твой ручей
Стал слегка мутней,
Не подумай, милый Яан,
Что мутится океан.

* * *

Всюду — в гостиных, в залах дворца —
Пляска вокруг золотого тельца.
Мчатся, кривляются рожи и маски,
Честный и то одурет от пляски.
Пляшут — и пьют — и жуют без конца...
Истинно, рай золотого тельца!

* * *

Стоит им разинуть глотки,
Сразу — в крик: ругают взятки.

У самих же хватка волчья,
Принимают взятки молча.

* * *

Врет балаганный зазывала,
Но мне от этого вранья
Теплей ни разу не бывало.
Речам шутов не верю я.
А тот, кто верить им готов,
Сам кандидат в ряды шутов.

* * *

Хороша пшеница в поле!
Что посеешь, то пожнешь.
Что усвоишь твердо в школе,
С тем и жизнь свою пройдешь.

* * *

Друг мой, это невозможно —
Ты себя похоронил.
Жизнь зовет, гудит тревожно.
Будь таким, как прежде был!

* * *

Этот мирный можжевельник
Сорняков страшней в сто крат.
Где он пустит корни в землю,
Там прощай любимый сад.

* * *

Всё толкуя вкось и вкривь,
Говоришь, что ты правдив.
Всё напутав, переврав,
Лжец, по-своему ты прав:
Там, где всё — неправда сплошь,
Там и правда — тоже ложь.

Между 1877 и 1899

ГУСТАВ ВУЛЬФ-ЫЙС

СОЛОВЬЮ

Куда в чудесный этот вечер
Летишь ты, соловей?
Уж не в именье ли, где розы
Алеют меж ветвей?
Или в тени лесной березы
Ты будешь петь в ночи,
Когда луна взойдет на небо
И зазвенят лучи?

Нет, не могу я петь в именьи,
Зловещ господский сад,
На всех цветах его росинки
Кровавые блестят.
Не прозвучат мои напевы
И в сумраке лесном.
Сегодня пахарю простому
Спою я под окном.

Когда сойдет блаженство ночи,
Тогда ему спою,
Чтоб засыпал, забыв заботы
И внемля соловью.
И добрый сон ему приснится,
И будет ночь легка,
И долго трели будут литься
В каморку бедняка.

Когда ж на небе, разгораясь,
Заблещет луч зари,
Спою: «Проснись, вставай скорее,
В оконце посмотри!
С востока брызжет свет свободы
На рощи и поля,
Красою новой пламенеет
Эстонская земля!»

<1894>

ЯКОБ ТАММ

НА ПОЛЕ В ЗАСУХУ

Хлебороб глядит с тоской
На небо в обиде —
В небе тучки ни одной
Хлебороб не видит.

Не сорвать земле оков,
Не освободиться,
Нет у силы у хлебов
К солнцу устремиться.

Думает мужик: «Беда!
Как же жить я буду?
Зной продлится — ждать тогда
Помощи откуда?»

Отдал долг, и всё в долгу,
Денег нет в помине,
Ох, согнет меня в дугу
Мой помещик ныне!

Помощи от поля ждал,
Не помогут люди,
Победит меня нужда,
Коль дождя не будет!..»

Он опять глядит с тоской
На небо в обиде —
В небе тучки ни одной
Хлебороб не видит.

19 мая 1882

ОТВЕТ РОДНИКА

Мимо сумрачных развалин
Грустно прохожу
И в глаза времен ушедших
Молча я гляжу.

Вот передо мною камни
Крепостного рва,
Родничок сквозь них пробился,
Видимый едва.

Показалось мне — он плачет,
Мечется, скорбя...
— Родничок, скажи мне, что же
Мучает тебя?

Весь объят безмерной болью,
Ручеек сверкал,
Я в его журчащей песне
Вот что услышал:

«Видишь, вот последний камень
Никнет тяжело:
Значит, рабства векового
Не забыто зло».

7 июня 1882

ПИВУ СНИТСЯ

Сели рыцари в кружок,
Стали пировать,
Жирной пищей кто как мог
Брюхо набивать.

Пиво ходит по ковшам,
Льется по столу,
Подбирается к ногам
Лужей на полу.

Слился с музыкаю храп —
 Это пиво спит.
А во сне понурый раб
 На поле стоит.

На лице его худом
 Голода следы.
Хоть бы вспомнил кто о нем,
 Дал глоток воды.

18 июня 1882

БЕРЕЗА

Я березу в мызе
Помню, не забыл,
Кто-то беспощадно
Сучья обрубил.

Помню я березу,
Жалость к ней храня...
Разные догадки
Мучают меня.

«Ты по милым сучьям
Не горюй, не плачь!
Ты скажи, береза,
Кто же твой палач?»

Будто страшной болью
Вдруг поражена,
Вижу, как склонилась,
Бедная, она.

И затем на мызу
Взгляд бросает злой,
И на волость смотрит
С болью и тоской.

И потом вершиной
Сильно затрясла —

Понял я: береза
Мне ответ дала.

Тот ответ нетрудно
Мне уразуметь,
И пошел я, грустный,
Волость посмотреть.

27 июля 1882

КОРЧМА

Эту ветхую избушку
Ветер набок повалил:
Удержать ее на месте
У подпорок мало сил.

Упадая, на соседку —
На корчму — взглянула зло,
Будто та была виною,
Что избе не повезло.

8 августа 1882

ЗА ПРЯЖЕЙ

Сяду с пряжей у оконца,
Буду прясть я за двоих.
Прыгай, вейся, веретенце,
В ловких пальчиках моих!

В дверь тихонько мать заглянет,
Слыша шум веретена,
И хвалить не перестанет
Дочь-помощницу она.

Дать кудель такой не жалко.
А когда отец придет —
Купит дочери он прялку,
Пусть побольше нарядет!

10 сентября 1883

ВОЛНА

Зачем бросается волна
На берег, пениста, шумна?
Пускай широк простор морской —
Он не сулит волне покой.
Свободе моря свой предел
Поставить берег захотел —
И вот бросается туда,
На скалы, ярая вода.

Но, упавая, вновь светла
Становится: она смогла
Не просто рухнуть на пути,
Но эти камни потрясти.

1 января 1883

В ДЕЛАХ

Ну-ка, в сторону подушку,
Нынче, кукла, столько дел!
Слышишь из лесу кукушку?
И скворец уже запел.

Натяну тебе я платье,
Зашнурую башмачок.
Не начну с тобой играть я,
Сядем мы вязать чулок.

Баловаться не позволю —
Хныкать нечего в рукав.
Мама нас накормит вволю,
За вязаньем увидав.

14 сентября 1883

В КОЛЫБЕЛИ

Баю-баю, мой малыш,
Сладко спи, родной!
Буду я, пока ты спишь,
Твой беречь покой.

Буду песенкой своей
Горе отгонять,
От печалей и скорбей
Зорко охранять.

Злого времени рука
Сон похитит твой.
А сейчас усни пока,
Баю-бай, родной!

16 сентября 1892

НА СТРАЖЕ

Лишь папоротник зацветет —
И в тишине ночной
Рог затрубит, и меч всплывет
Из глубины речной.

И воины, за строем строй,
Являются сюда,
На поле, где горячий бой
Шел в давние года.

Рядами воины встают
Под стягом боевым,
И все нетерпеливо ждут,
Что вождь прикажет им.

Вот вихрем всадник под конец
К ним сквозь туман летит.
«Скажи, что видел ты, гонец? —
Начальник говорит. —

Готов ли двинуться народ
По нашему пути,
Чтоб сбросить вековечный гнет
И счастье обрести?»

— «О Лёмбиту! — сказал гонец. —
Еще затишье там!»
И ропот из конца в конец
Проходит по рядам.

Начальника объемлет грусть,
И восклицает он:
«Еще не пробил час. Так пусть
Их крепкий длится сон!»

Доносит ветер трубный звук,
Вождя умолкла речь,
И войско исчезает вдруг,
И уплывает меч.

Звезды еще мерцает лик
И сном охвачен дол.
Но папоротник уж поник —
Цветенья час прошел.

9 февраля 1884

РАЗВАЛИНЫ

На холме песчаном
Около села
Грустная береза
Много лет росла.

И ее вершина
Далеко видна,
Через выгон в поле
Высится она.

Бьет родник студень
Под березой той,
Бьет из-под земли он
Тихою струей.

А на лысой горке
Рядом с родником
Дремлет разоренный
Опустевший дом.

.

Рядом с сельским лугом,
Где ручей журчал,

Деревенский домик
Век свой вековал.

Ну, кому на свете
(Так легко понять!)
Домик деревенский
Может помешать?

Далеко поместье —
Богатейший кров,
Далека деревня —
Крыши бедняков.

.

В домике-избушке
Жил батрак простой,
Был он очень счастлив
Со своей женой.

Он с утра до ночи
Проливал свой пот
На теперь заросший
Старый огород.

.

Бондарем отменным
Он везде прослыл,
Звание такое
Честно заслужил.

Шли за годом годы,
День за днем летел,
Юность проводил он,
Густо поседел.

Думал он, что вечно
Будет жизнь такой,
Не гадал, что близок
Час беды лихой.

У судьбы не знаешь,
Где добро, где зло,
Ты не ждешь несчастья,
А оно пришло.

.

Старый барин умер.
Был он добр всегда,
Он над бедняками
Не творил суда.

.

Новые порядки
Новый барин ввел,
И уклад не прежний,
А другой пошел.

Жизнь дворов крестьянских
С каждым днем трудней —
Стал оброк тяжелый
Вдвое тяжелей.

Новые при «новом»
Правила пошли,
Батраков он гонит
Со своей земли.

Был указ суровый:
В барской полосе
Батраков лачуги
Уничтожить все.

И в лачугах вызвал
Тот указ крутой
Горестные слезы
И надрывный вой.

Но кого тревожат
Слезы бедняка?

Чья ему поможет
Добрая рука?

Слухам этим бондарь
Верит не вполне:
«Разве можно верить
Глупой болтовне?»

Попусту болтают,
Всё вранье, поди!..»
Только сердце бьется
Трепетно в груди.

Сколько же бедняге
Пережить пришлось
В час, когда избушку
Обрекли на снос!

Слезно умолял он
Пощадить его...
Никакой пощады
Нет ни от кого!

А жена стояла
Тихо, чуть жива,
На устах застыли
Мертвые слова.

Потеряв сознание,
Горем сражена,
У своей лачуги
Падает жена...

С той поры немало
Лет уже прошло,
Много бурь жестоких
Время пронесло.

Над березой ветер
Завывает так,
Будто умоляет
Барина батрак.

И журчит источник
Около села —
Плачет о хозяйке,
Что с ума сошла.

1884

КАМЕНЬ КРЕПОСТНОГО

Близко от именья,
Крепко в землю врыт,
Камень у канавы
С давних пор лежит.

Если странник близко
К камню подойдет,
Место для сиденья
Он на нем найдет.

«Камнем крепостного»
Мы его зовем, —
Вот что нынче люди
Говорят о нем.

Из именья Хельме
Брел здесь беглый раб.
От побоев страшных
Он совсем ослаб.

В том именьи кубьяс
Был что лютый зверь.
И беглец несчастный
Еле брел теперь.

Весь в ужасных ранах,
Стал уж он синеть,
И желал он страстно
Тут же умереть.

Но когда прошел он
Полевой тропой,

Вдруг увидел камень
Прямо пред собой.

На него присел он,
Пот отер с лица
И, вздыхая тяжко,
Тихо ждет конца.

Еле слышно шепчет:
«Кубьяс злой, гляди:
Вот такой же камень
У тебя в груди!»

Тут свершилось чудо, —
Дивно самому:
Не подушку ль кто-то
Подложил ему?

И сказал несчастный,
Засыпая здесь:
«Нет, на свете всё же
Милосердьё есть!»

Тверд как камень сердцем
Управитель злой,
Но зато стал мягким
Камень подо мной!»

И склонился низко
Головою он...
О, как был отраден
Этот сладкий сон!

А под вечер стража,
Что сюда пришла,
Труп раба холодный
С камня подняла.

И на камень в страхе
Каждый поглядел:
Выемка осталась
Там, где раб сидел!

3 июня 1886

РЫЖУХА

Чернуха как-то на лугу
Удар дала рогами в бок Рыжухе, —
Возможно, что была она не в духе,
Возможно, тешилась, — сказать вам не могу:
Чернуха ведь была сильней
И потому слабейшую бодала.
Рыжухе очень больно стало,
Злость и обида закипели в ней...
Такой удар потребовал отмщенья,
Но как осуществить свое решенье:
С тем, кто сильней, не вступишь в бой!
В другую сторону Рыжуха зло взглянула
И, видя слабую Пеструху пред собой,
Рогами в бок ее что было сил боднула...

Могу добавить: не одни скоты
Так действуют среди родного стада;
И меж людей пример увидишь ты,
Где сильному иного бить услада.
А битый слабый в ярости своей
Того находит, кто еще слабей...

25 июня 1886

СВИНЬЯ

Свинья прошлась вокруг корыта:
Лежала в нем отборная еда.
Что делать? До отказа брюхо сыто, —
Съесть больше невозможно — вот беда!
Ну, просто тяжесть ощущаешь в теле:
Предел природою положен в каждом деле...
Свинья к корыту всё же подошла,
Попробовала есть, но не смогла:
Хоть лопни — ни кусочка не влезает,
Ну, даже если б булка здесь была!
Свинью сомнение терзает:
«Но почему же есть не в силах больше я?»

Еда дурна — причину я открыла!»
И, выпятив с презреньем рыло,
Корыто опрокинула свинья.

На свете так бывает иногда!
Ждут пользы от тебя — тебя все хвалят дружно.

Едва прошла в тебе нужда —
Ну, значит, и хвалить тебя не нужно,
И только порицания слышны:
Ты не имеешь никакой цены!

2 октября 1886

СТЕБЕЛЕК

Позабыт на лугу опустелом
На осеннем ветру стебелек.
То ли думает тихую думу,
То ли дремлет он, одинок.

Снится ветер ему весенний,
Зеленеющий снится куст,
Снится, будто бы снова пчелы
Пьют нектар у него из уст.

Эти радости отлетели,
Но про них вспоминает он,
И улыбка воспоминанья
Озаряет осенний сон.

Март 1889

ДЕШЕВЫЕ БАТРАКИ

(Эстонская народная сказка)

Скупость с жадностью от века
Развращали человека.

Я. Бергман

«Нет, никогда не станешь тут богатым,
Хоть хутор мой как будто и хорош.
В хозяйстве что ни день растут затраты,
А урожай не каждый год возьмешь.

Себе да малым детям нужно сколько,
Да батракам еще платить изволь-ка!..

Ах, батраки! Нет совести в народе!
Им мало, что даешь и есть и пить, —
И денег просят, подлое отродье,
А палкой их одной не вразумить.
Три раза в день привыкли наедаться.
Чего же тут убыткам удивляться?

Вот мне б на хуторскую работенку
Достать себе работников таких,
Чтоб каждый ел не более котенка,
А делал всё бесплатно за троих.
Трех батраков таких да трех батрачек —
И стал бы я в три года всех богаче».

Так под нос бормоча однажды летом
Шел хуторянин Тыну вечерком.
Но почему он говорил об этом?
Уж не был ли он вправду бедняком?
Нет, он добра скопил уже немало,
И нищета его не прижимала.

На хуторе своем ему б вовеки
Богатства не прожить со всей семьей.
Но жадность разыгралась в человеке,
А говорить привык он сам с собой,
Не думая, что слышат эти речи.
И тут его схватили вдруг за плечи.

Он видит человека пред собою,
Как день осенний мрачного с лица,
Со старческою согнутой спиною.
В его глазах искрилась хитреца.
Другой бы тут хорошего не чаял,
Но Тыну перед ним как воск растаял.

Наш Тыну ждет... А незнакомец начал:
«Ну что ж, я твой подслушал разговор.
Мне по плечу подобная задача,
Пошлю к тебе работников на двор

По твоему желанью. Ладно, что ли?
А будешь ли ты всем тогда доволен?

Трех батраков и трех батрачек сразу
Ты нынче ж на три года можешь взять.
Они работать будут без отказа,
Да так, что никому их не догнать.
А пищи им совсем немного надо,
И денежной не требуют награды.

Но батраков породы необычной
Даю я на условиях таких:
Как только срок минует трехгодичный,
Ты должен отпустить немедля их.
Задержишь хоть одной минутой боле —
Сам попадешь тогда ко мне в неволю!»

И Тыну поспешил ответить живо:
«Скорей же эту сделку заключим!»
Но ветер налетел на них порывом —
И тут добряк растаял, словно дым.
«Нет, это мне приснилось! — чуть не плача,
Подумал Тыну. — Вот так неудача!»

Но сразу все сомнения отпали,
Когда домой пришел он на заре:
Три батрака и три батрачки ждали
Хозяина на хуторском дворе.
Он накормил их, нары им поставил,
А утром на работу всех отправил.

А время шло... И минуло три года.
Стал Тыну настоящим богачом.
Таких хлебов не видел Тыну сроду.
У Тыну денег много под замком,
Не разместишь в сараях всю скотину.
Но сумрачно настроен нынче Тыну.

Совсем лишился к вечеру покоя,
Не ест, не пьет за ужином с семьей,
И, подпирая голову рукою,
Работников он с поля ждет домой.

Кончается сегодня их неволя —
Вот чем наш хуторянин недоволен.

Где только не блуждают мысли Тыну:
По нивам и лугам, в лесной глуши,
На мызе, где, подобно господину,
Подсчитывать привык он барыши,
По комнатам разубранным витают, —
А всё ж его тревога донимает.

Он думает: «Что б это означало —
Задерживать нельзя мне больше их?
А упусти людей из-под начала —
Другой их перехватит в тот же миг.
Ну, будь что будет! Нечего бояться!
Пускай живут, коль захотят остаться!»

Вот показались батраки на стежке.
Вот ужин им хозяйка подала.
И каждый, съев похлебки по три ложки,
Уже выходит сыт из-за стола.
Спать на чердак пошли они ложиться.
Но Тыну им велит остановиться.

«Послушайте, что я скажу по дружбе, —
Так вкрадчиво он молвит батракам. —
Конец пришел сегодня вашей службе.
А чем у Тыну плохо было вам?
Зачем же уходить теперь отсюда,
Коль жили все три года вы не худо?»

Не лучше ль, не раздумывая много,
Остаться на один хотя бы год?
Ну что вам может принести дорога,
Помимо беспокойства и хлопот?
Шататься всюду — хуже не бывает.
Вот что вам старый Тыну предлагает!»

Но батраки не говорят ни слова —
Так это в самом деле иль не так.
Спеша на отдых от труда дневного,
Все шестеро уходят на чердак.

И Тыну про себя подумал: «То-то!
Конечно, завтра закипит работа!»

Наутро он, поднявшись с петухами —
Таков уж был обычай у него, —
Ходил по кухне быстрыми шагами:
Не видно батраков ни одного!
«Пойду наверх и выгоню всех сразу,
Батрак встряхнется только по приказу!..»

Домашних беспокойство охватило:
Чего-то долго нет их старика, —
Уж солнышко давно всю светило,
А он не возвращался с чердака.
Они полезли, прятаясь друг за друга, —
И кровь у всех застыла от испуга.

Куда ж девались батраки? На нарах,
Теперь уже холодных и пустых,
Валялись шесть рубашек чьих-то старых
И по полену круглому на них.
И, довершая общую картину,
Лежал в углу на сене мертвый Тыну.

Август 1889

ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА ЗМЕЙ

(Сказка)

Спать бы Каарелю не надо!
Быть, наверное, беде:
Видит он — исчезло стадо,
Не видать его нигде.

До обеда ждать немного,
Выются оводы вокруг...
В сердце прячется тревога,
Хоть недолго спал пастух.

Полчаса он спал, не боле, —
Вот печальная судьба!
Может, стадо топчет в поле
Недозревшие хлеба?

Не пройдя и шагу даже,
Каарель дико завопил,
Ельник крик его тотчас же
Громким эхом повторил.

Чем напуган, угадай-ка!
Парень крикнул неспроста —
Ходит с розгами хозяйка
От куста и до куста.

Каарель парень не безмозглый,
Знает — не боюсь греха,
Засвистят свирепо розги
Над спиною пастуха.

Пусть плутает где-то стадо —
Пастуха не сломлен дух:
Боль перенесет, как надо,
По-привычному, пастух.

Дух не вышибут из тела,
К порке, что ж, не привыкать!
(Только парню не хотелось
Так безвинно погибать!..)

Нет! Не розга устрашила,
Не хозяйкино лицо, —
Каареля вдруг окружило
Змей коварное кольцо.

В этом скопище ужасном,
Всех свирепей и страшней,
Поднимает гребень красный
Повелительница змей.

Отступает перед нею
Грозных змей круговорот.
Красным гребнем пламенея,
Королева их ползет.

Незнакома змеям жалость,
Королевы страшен вид —

Подняла безмолвно жало
И на Каареля глядит.

Со змеей ужасной рядом
Паренек лишился сил,
Под ее свирепым взглядом
Холод в сердце ощутил.

Приговоренный как будто,
Каарель смотрит сам не свой —
Жизни ровно полминуты
Предоставлено змеей.

Вдруг со свистом и шипеньем
Опускается змея...
Паренек в недоуменьи:
«Неужели спасся я?»

Разомкнулась змей цепочка,
Стежка узкая видна...
Это — жизнь? Или отсрочка
Каарелю змеей дана?

Ни секунды не зевает
Расторопный паренек,
Он на стежку выбегает,
Мчится к дому со всех ног.

Испугавшись, словно кобры,
Он хозяйку увидал...
Скот давным-давно уж собран —
Он от оводов бежал.

Парня розгами хозяйка
Угостила пощедрей...
Сколько розог — сосчитай-ка!
Бедный Каарель молвил ей:

«Оводов всех неустанно
Отгонять не в силах я...
Вот змея была гуманна,
А хозяйка, та — змея!»

25 июля 1891

ПРОКЛЯТИЕ

«Скажите мне, барин, сын не солгал,
Иль честно отцу признался?
Я думаю: деньги у барина взял,
Но сильно в пути издержался.
Сказал он, что барин капризничать стал,
Что барин канаву плохую признал,
С работником не рассчитался».

Так сааремский говорит батрак,
Седой и плохо одетый,
Пред барином он изъясняется так,
И вот ожидает ответа.
Отказа в ответе у барина нет,
И вот прозвучал беспощадный ответ
В приемной у кабинета:

«Я точен. Ты слову поверь моему,
Приказу барскому внемли, —
Ко мне дурака ты прислал почему?
Чтоб только испортил мне землю?
Зачем же мне попусту деньги швырять?
Сыночка могу я арестовать,
И ты пришел не затем ли?»

— «Мне каждое слово ваше — указ!
Я сроду не был строптивым.
Коль деньги сына по закону у вас,
Пускай принесут барыши вам.
Но если обман обнаружится тут,
Пусть денежки эти вас загрызут!..
От вас не желаю наживы!»

За днями приходит новый денек,
Не остановить их теченья...
Что с барином? Может быть, он занемог?
Несчастный лежит без движенья.
Припрятал батрацкие денежки он,
И вшей на него напoлз легион
Без всякого разрешенья.

Не может баня их победить —
Бессильна пред силой такою,
И доктор не может его излечить,
Хоть платят и вдвое и втрое...
Проходит неделя, другая идет,
Кидает больного из холода в пот,
Не ведает барин покоя.

Будь прокляты деньги, что он замотал!
Сует батраку целый день их,
Но гордость крестьянскую барин узнал —
Батрак отказался от денег.
На третьей неделе наш барин затих,
Уже он не числится в списке живых,
А числится в привиденьях.

И в час тот, когда он под пенье псалмов
В сырую могилу спускался,
В корчме прицерковной у двух батраков
Такой разговор состоялся:
«На барина вскоре нашла благодать —
Хотел он все деньги бедным раздать,
Но духа уже не хватило!»

1 сентября 1891

ВЕСЕННИЕ ГОЛОСА

Цветами полон нынче луг.
Как вешним утром всё вокруг
Ликует на просторе!
И я стою среди цветов,
А сотни дивных голосов
Звучат в едином хоре.

Всё, что в кипеньи и в цвету,
Мне в душу входит на лету,
Там всё звенит и блещет.
Жизнь бьет во мне во все края.
Раскрыться хочет грудь моя,
Где сердце так трепещет.

И вот настал дня песни срок,
И слов ликующих поток
На волю запросился.
Нет, здесь молчать я не могу!
И с голосами на лугу
Мой звонкий голос слился.

26 января 1893

БЛАГОДЕЯНИЕ РАЗБОЙНИКА

Тихо движется лаукаский Мадис.
От его коня не жди разбега, —
Мерин у него совсем убогий,
И кудахчет курицей телега.

Хутор Лаука — мал и очень беден.
Хлеб хороший редко там родится.
Пастбище и луг — одно болото.
Как с таких угодий прокормиться?

Хлеба мало — значит, денег мало.
А в именье ждут за хутор плату.
Вот сегодня тоже рассчитаться
Собрался наш Мадис-арендатор.

Мерин чуть плетется по дороге.
Листья на деревьях облетели.
Пожелтела травка на полянах,
Только сосны зелены да ели.

Расшумелся ветер в голых сучьях.
Небеса осенние угрюмы.
Запахнул кафтан прозябший Мадис —
Не дают ему покоя думы.

Спину гнуть пришлось перед роднею,
Чтоб деньгами старика ссудила.
Денежки арендные — в кармане,
Только на душе опять уныло.

Заплати осеннюю аренду, —
Но ведь долга не покроет это.
А весной — новый срок уплаты.
Никакого впереди просвета!

Конь плетется, и вздыхает Мадис...
«Стой!» — вдруг рядом окрик раздается.
Из лесу выходит незнакомец
И рукою за узду берется.

Мерий стал. А Мадис наш подумал:
«У такого — счета коротеньки!»
«Здравствуйте!» — он говорит, сняв шапку.
А в ответ: «Выкладывай-ка деньги!»

Мадис просит: «Милый незнакомец!
Деньги в долг у родственников взяты.
Я везу их барину в именье —
Наступил сегодня срок уплаты.

Отпусти меня, беднягу, с богом.
Где я денег раздобуду снова?
А коль в срок не уплачу аренды —
Не видать мне хутора родного.

У меня жена и дети дома.
Некуда деваться мне с семьею,
Если распродам я все пожитки
И долги арендные покрою!»

— «Ничего! — ответил незнакомец,
Страшные глаза в ухмылке щуря. —
Я приму за барина аренду —
Я, лесной разбойник Румму Юри.

Дам тебе я к барину записку,
Ты ее снеси к нему в палаты.
От него расписку принеси мне,
Что с тебя не требует он платы».

Вынул Мадис денежки со вздохом
И отдал, как лист дрожа от страха.

Получив квитанцию от Юри,
Спрятал ее Мадис под рубаху.

И поехал дальше арендатор,
От обид и горя чуть не плача.
Пусть с ним барин делает что хочет —
Мадис поступить не мог иначе.

Вот перед хозяином предстал он,
Позабыты лошадь и телега.
Барин взял из рук его записку,
Прочитал и стал белее снега.

«Румму Юри отнял мои деньги, —
Плачет Мадис, — здесь он где-то близко.
Сам прийти в именье обещался,
Если я не принесу расписку!»

— «Отнеси немедленно расписку! —
Барин процедил ему сквозь зубы. —
Пусть сюда напрасно не приходит,
Не хочу я видеть душегуба!»

И расписку изготовил барин.
Мадис принял бережно бумагу,
На прощанье низко поклонился
И пошел к телеге быстрым шагом.

Отлегло от сердца у бедняги,
Чуть ли не поет, в телеге сидя.
Всё равно ему, кто принял деньги, —
Но его разбойник не обидел.

Мадиса в лесу ждал Румму Юри.
Разговор на этот раз был кратким.
«Вот расписка», — говорит наш Мадис.
— «Ну-ка покажи мне, всё ль в порядке?»

Румму Юри прочитал записку.
«Сделано, как приказал я, с толком.
Ты платил весеннюю аренду,
А теперь рассчитывайся с долгом».

Румму Юри возвратил записку,
Деньги отдал все без разговора
И сказал: «Теперь ты можешь ехать.
Честный вор берет ведь лишь у вора!»

— «Бог тебя храни! — сказал крестьянин. —
Это мне, наверно, всё приснилось».
— «Ладно, ладно, — усмехнулся Юри. —
Барина благодари за милость!»

И исчез тут Румму Юри в чаще
Так же быстро, как и появился.
Мадис с благодарностью во взоре
Всё глядел на лес, куда он скрылся.

А потом вздохнул и так подумал:
«Жалко мне беднягу, право слово.
Смилуйся над ним, всевышний боже,
Жизнь ведь у разбойника сурова!»

Ветерок вечерний тронул сосны.
Их вершины солнце озарило.
Едет Мадис с радостной душою —
В нем опять проснулась жизни сила.

16 июля 1893

БЛОХА И ЧЕЛОВЕК

Богатырь сидит в оковах,
В страшном горе безутешен,
Силой вражьей побежден.
Он сидит в тюремной башне
Под опекой кровопийцы,
Под командой у блохи.

Быстроногая прыгунья,
Лакомка до свежей крови,
Госпожа блоха свирепо
Налетела на него,
Чтобы кровью богатырской
Насладиться, упиваясь!

Год пила, другой и третий,
Но едва семь лет минуло,
Нить неволи порвалась:
Богатырь обрел свободу,
От цепей освободившись,
Отогнал блоху подальше
Он не очень деликатно.

Стал внимательно лечиться,
Стали раны рубцеваться,
Нанесенные блохою,
Что его горячей кровью
Ненасытно упивалась.

Видит блошка — лечат раны:
Значит, пища исчезает!
И пошла она ругаться:
«Что за мерзость допускают,
Госпожу не уважают,
Где ж различье классов, где?
Где же, где сословий святость?»

Пусть себе оставит тело
И корыстно одевает, —
Кто мне может запретить
Кровь его пить дружелюбно?
Оцарапает без спроса!

Кто не хочет униженья,
Тот пусть встречи избегает,
Не знакомится вовек
С этим хамом беспримерным —
С бывшим пастбищем моим!»

Богатырь освободился.
От блохи услышав ругань,
Он ей, пальцем погрозив,
Так промолвил напоследок:

«Госпожа блоха-уродка!
Наше старое знакомство

Не желаю продолжать!
Не нужны мне наши встречи,
Я от них худею очень,
Я теряю много крови,
Но не вижу наслажденья!»

17 октября 1893

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ

Мать с дочкой рядом
Рожь убирают —
Хлеб горит...
Злобные взгляды
Кубьяс бросает,
Палкой тяжелой грозит.

«Слушай, девчонка!
Стернь остается
Высока.
Выдь-ка в сторонку, —
Видно, придется
Палкой погладить бока!»

— «Дочь не виновна! —
Тяжко вздыхая,
Плачет мать. —
След-то неровный
Я оставляю,
Стала уж я уставать!»

Кубьяс ретивый
Встал перед нею
И орет:
«Обе — ленивы.
Значит — обеим
Вам от меня попадет!»

25 марта 1894

ПАМЯТИ ДОКТОРА ФР. КРЁЙЦВАЛЬДА

С тех пор, когда на свет он появился,
Прошло сто лет, сто долгих-долгих лет.
Еще под крепостным ярмом томился
Его народ, узнавший столько бед.
Но и тогда, в те сумрачные годы,
Себя всего добру он посвятил,
Нес просвещение своему народу,
Который много лет во мраке жил.

Он видел крепостных рабов мученья,
Он видел, как закабален народ.
Но верил он, что день освобожденья
Наступит неизбежно в свой черед.
Зари свободы яркое сиянье
Уже провидел он во тьме ночной.
И верил он, что скоро к свету знанья
Потянется народ его родной.

Он чувствовал в душе своей стремленье
Поддерживать народ в его труде.
Он слышал, как от рабства к пробуждёнью
Ум просвещенный звал людей везде.
Борцов и просветителей немало
Наш край родимый знал и в те года,
Но сил в самом народе не хватало,
Чтобы покончить с прошлым навсегда.

Людей сломили долгие невзгоды,
И рабский страх в душе у всех царил.
Народ еще и сам своей свободы
Как следует в те дни не ощутил.
Кричали маловеры, что от века
Ходить в ярме толпа обречена.
Лишь юному душою человеку
Была судьба народная ясна.

Свой подвиг совершая благородный,
Край исходил он вдоль и поперек.
Он золото поэзии народной
Для поколений будущих сберег.

Ему свой каннель отдал Ванемуйне,
Чтоб у эстонцев песни родились, —
И зазвенели под рукою струны,
И в звучные стихи слова слились.

Мечты отцов и дедов оживали
В его душе — он так был предан им.
Они в народе силы укрепляли,
Надломленные рабством вековым.
И вот, когда, созревшие в сознании,
Все части он соединил в одном,
Родился труд великого звучанья,
И пламенно он возвестил о нем.

Клеветников отверг он рассужденья
О том, что добрых чувств народ лишен.
Дух Калева, к свободе устремленья
Старался возродить в народе он.
И в тех, кто был приниженым от века,
Кто кроме бед не видел ничего,
Настойчиво будил он человека
С высоким назначением его.

Путь в будущее, к высям небывалым,
Куда нас Калев снова поведет,
Он осветил великим идеалом,
И всюду пробуждаться стал народ.
Самих себя уж не стыдились люди.
Свет просвещенья озарил их дни.
Они теперь дышали полной грудью,
И выходили на борьбу они.

А годы шли, и старость наступила.
Но был он духом молод и силен.
За всё, что в жизни сделано им было,
Отцом народной песни назван он.
Когда навек свои смежил он вежды,
Уже страна родимая цвела.
Народ был полон силы и надежды,
Его идеи претворял в дела.

Развеян мрак ночной его трудами,
Они нам показали путь из тьмы.

И силу и уверенность с годами
В них жаждущие черпали умы.
Его труды нам дороги поныне,
Их назначенье — путь нам освещать.
Поэзия и труд для нас твердыни,
Пока родная будет речь звучать.

Пусть воют маловеры и невежды,
Что песня — это только звук пустой, —
Мы восклицаем, полные надежды:
«Отец, мы не забудем подвиг твой!
Твой взор, твое предвиденье открыло
Путь в будущее, ясный нам сейчас.
В твоих словах мы обретаем силы,
Твой дух могучий укрепляет нас».

1903

К ЧЕРТЯМ!

Поэма-сказка

1

«Ну уж нет, — сказать спасибо
Господам нельзя, сынок!
В барской лавке разве рыба?
А ведь брать-то надо впрок.

У господ возьмешь салаку —
Нету вкусу, нету смаку!
Вот у Якоба не та.
Сразу видно — где взята.

Покупал он не в поместье —
Он, тайком от наших бар,
Ездил в город... Вот и съезди
За салакой на базар.

Уж салака! Ты отведай,
Я гостинец принесла...»
(Так на хуторе беседа
Шла меж делом про дела.)

Развязала мать кошелку:
«Вот, возьми, попробуй сам».
— «Хороша, но втихомолку
На базар не съездить нам».

— «Но припасы на исходе!
Съездишь, не велик конец,
Потолкался бы в народе,
Как покойный твой отец!

На базар хоть масло, что ли,
Отвези, — не дальний путь.
Привези салаки, соли
И еще чего-нибудь».

— «Нет, вот если б разрешение
Барин дал мне...» — «Ну так что ж —
Попроси, сходи в именье».
— «Сходишь — ног не унесешь».

Чтоб салаку покупали
У господ — таков приказ.
А плоха ли, хороша ли, —
Не касается, мол, вас».

— «Полно, Виллем. Дело выйдет,
Ездил Яакоб, съездишь ты.
Если барин не увидит, —
Значит, мы пред ним чисты».

Дядя твой, по-молодому,
В ночь поедет, утром — там,
А другую ночью — дома...
Кто придраться сможет к нам?

Наш батрак — на барском поле,
Только спать придет сюда...»
— «Это что! По доброй воле
Микк не выдаст никогда».

Будет есть-то с нами вместе
И с наветом не пойдет.

Малость купим и в поместье,
Чтоб не прогневить господ».

— «Ну, сынок, теперь о деле
О другом сказать пора!
Я с хозяйством еле-еле
Управляюсь — уж стара.

И была я не случайно
На соседском хуторке.
Ну и мастерица Айно,
Всё ей, видно, по руке.

Уж и пряха, и ткачиха,
И портниха — всё при ней! . . .»
Отвернулся Виллем тихо,
Закраснелся до ушей.

Не любовь ли в сердце тайно
Разгорается огнем?
И не думает ли Айно
Лишь о Виллеме своем?

«Ладно, мать. Тут нету спору,
Тут, конечно, ты права.
Я за Айно съезжу скоро,
Справим свадьбу до жнитва.

Я готов хоть в одночасье,
Нету никаких помех!
Если барин даст согласие,
Заживу я лучше всех».

— «Так проси у господина
Разрешенье, не боясь,
Да к невесте заедино
Съезди — Айно заждалась.

Что ж молчать, ее тревожа?
Барин наш — молодожен,
У него жена пригожа,
На других не глянет он».

Понял сын, что мать сказала,
С болью глянул ей в глаза,
Он и сам себе, бывало,
Говорил — прошла гроза,

Право первой брачной ночи
Отменили навсегда,
Ну а всё-таки охочи
До чужого господя!

2

Якоб вышел за ворота
Проводить бурмистра.
Вот нежданная забота —
Не рассудишь быстро!

Гость шагает, брови хмуря,
Не скрывая злости.
Тявкает дворняжка Мури,
Провожая гостя.

Солнце скрылось за откосы
В дымке светло-синей.
На траве светились росы,
Плыл туман в низине.

Соловьиный голос чистый
И звенит и тает.
«Полно, Яан, да не сердись ты, —
Якоб убеждает, —

Год назад на хутор Салу
Я просватал дочку.
Но красавиц ведь немало
Есть неподалёчку...»

— «Брось ты эти разговоры,
Помолчи покуда.
Ты еще завоешь скоро,
Как придется худо.

Шел сюда я, не гадая,
С чем пойду обратно.
Виллем лучше? Ну, тогда я
Не гожусь, понятно.

Виллем лучше? Нет, в почете
У господ не Виллем!
Вспомнишь о своем просчете,
Как башку намылим!..»

Яан пошел лесною тропкой,
А старик в тревоге
Вслед бурмистру смотрит робко,
Стоя на дороге:

«Яан способен на злодейство,
Он уж зубы точит,
И не зря мое семейство
Яана знать не хочет.

Дочь, жена, да и парнишка
Ненавидят Яана.
Но бурмистр в поместье — шишка,
Радоваться рано».

В дом вошел старик, а дома
Сумрачно и тихо.
«Ну, — сказал, — дождался грома,
Навидался лиха.

Если бог нам не поможет
И не явит чуда, —
Нас в могилу Яан уложит,
Хоть беги отсюда».

Дочка в слезы: «Тут народу
Он сгубил немало.
Мне что за него, что в воду,
Лучше б я пропала!..»

Палкой в воздухе вращая,
Шел бурмистр в именье.
Бормотал он: «Не прощаю
Неповиновенья!

Виллема сведу в могилу,
Сдохнет, сын собачий!
Я женюсь на Айно силой,
Коль нельзя иначе.

Кто-никто, а нас не трогай,
Не сбивай с расчета...»
Яан идет лесной дорогой,
Слышит: едет кто-то.

«Нагоняет, — Яан подумал, —
С хуторов, похоже,
Не один теперь пойду, мол,
Веселее всё же».

Всадник хлещет лошаденку.
Обогнал, проклятый.
«Эй, — бурмистр ему вдогонку, —
Стой! — кричит. — Куда ты?»

А езлок, назад не глядя,
Не ответил даже.
«Уж не Виллемов ли дядя?
Это он куда же?

Мне б его схватить за ворот,
Поучить нагайкой!
Это он, наверно, в город
Собрался утайкой.

Улизнул без разрешенья,
Вот и гонит шибко.
Всё разведую в именьи!
Ну, попалась рыбка!

Виллем скрыть хотел — да где там! —
Дядину поездку.
Доложу сейчас об этом,
Виллему в отместку!»

3

Барин взад-вперед по кабинету
Ходит в настроении дурном.
Дело к полдню, а бурмистра нету,
И не видно, чтобы за окном
Во дворе кого-нибудь пороли...
А уж это, кажется, хитро ли!

Господин помещик самолично
Порку наблюдал среди двора.
В этом созерцании обычно
Час-другой он проводил с утра.
Наглядится — и поест в охотку,
А не то кусок не лезет в глотку.

Что сильна привычка — все согласны.
Человек — своей привычки раб.
Все ее причуды и соблазны
Знает он и перед ними слаб.
Кто не воздает ей должной дани,
Изнывает от глухих страданий.

Из крестьян тянул помещик жилы.
(Жалуйся, пожалуй, на судьбу!)
Неугоден — хлещут что есть силы,
Привязав к позорному столбу.
Но и тут свой чин и свой обычай,
Соблюдение своих приличий.

И для порки тоже есть законы,
Как для всех занятий и потех.
Барину всего приятней стоны,
Если порют за какой-то грех.
Лишь тогда и радуется, как надо,
Утоленной ярости услада.

Барин гневно поглядел в окошко,
На бурмистра до смерти сердит:
«Где он, черт возьми!» Еще немножко —
И от злости барин завизжит.
Он краснеет, словно от натуги.
Барыня следит за ним в испуге.

Но бурмистр уже стучится в двери,
В кабинет вступает, оробев.
Барин ходит, злее злого зверя,
Взад-вперед, перемогая гнев.
Ян смущен — он впрямь явился поздно.
«Что еще там?» — барин гаркнул грозно.

— «Виноват я, барин милосердный, —
Некого пороть...» — «Эй, шутки прочь!»
— «Не шучу. Работают усердно.
Разве вот что... Виллем нынче в ночь
Дядю на базар верхом отправил...
Он, быть может, не нарушил правил?»

«Может быть, вы сами разрешили?»
— «Разрешил? Вранье! Конечно, нет!»
Ян сияет: «Так не привести ли
Виллема, чтобы держал ответ?»
— «Ну еще бы! Стой! Да я потеху
Замышляю... То-то будет смеху!»

Нет, не сразу Виллем будет порот!..
Двух лошадок серых держит он...
На одной уехал дядя в город...
Так ли?» — «Так». — «Ну, значит, есть резон
Пошалить! Пусть черт наварит пива, —
Нынче я повеселюсь на диво!»

И задам же Виллему я жару!
Передай, чтобы своих коней
Запрягал и тотчас подал пару, —
Прокатиться я хочу на ней.
Пусть живей подаст в моей карете,
А не то — не миновать, мол, плети.

Я как будто ничего не знаю,
Да и ты про дядю ни гу-гу!»
Счастлив Яан: «Проделочка ночная
Выйдет боком моему врагу!»
Виллема искать идет он в поле,
Чтоб ему сказать о барской воле.

Барин взад-вперед прошелся bravo,
Пальцами прищелкнул, засвистел.
«Предстоит отменная забава!»
Тут он вспомнил, что еще не ел,
А жена к столу давно просила...
Барин шумно ест и шутит мило.

4

Виллем пашет. Вдруг он рядом,
По земле скользнувши взглядом,
Видит птенчиков в гнезде
У себя на борозде.

Сыплет жаворонок трели,
А птенцы чуть уцелели.
Виллем веточку воткнул
У гнезда и прочь шагнул.

Глянул вдаль и видит Яана.
Кровопийца окаянный
Прямоком идет сюда.
Виллем думает: беда!

«Ну, Серко! хоть дело худо,
Будь что будет! А куда
Что терзаться да вздыхать,
Надо пашню допахать».

Виллем знает: о пощаде
Нечего просить, коль дядю
Яан увидел по пути.
Тут от порки не уйти!

«Бог на помощь, — Яан с приветом
Подошел, — а нынче летом
До чего земля суха,
Не берет, поди, соха».

— «С божьей помощью осилим, —
Отвечает Яану Виллем, —
Но, конечно, тяжело.
Дождик медлит, как назло».

— «Вот что, брось работу эту
И в господскую карету
Запрягай своих коней.
Барин ждет, ступай живей.

Прокатиться хочет барин...»
— «Но ведь мой Серко запарен,
В поле он с утра со мной.
Я поеду на одной».

— «Ну, как знаешь. Мне-то что же,
Но не вышло бы дороже, —
Сам себя уж виновать,
Коль плетей не миновать».

Яан в восторге от подвоха.
Видит Виллем: дело плохо,
Но постой! И тут же он
Чуть не крикнул: я спасен!

«Что ж, на паре так на паре, —
Говорит он, как в угаре, —
Не приснится лихачу,
Как в карете подкачу».

Распрягает он конягу
И — домой, но в дом ни шагу,
А несется без дорог
На знакомый хуторок.

Тишиной необычайной
 Полон день безгрозный.
 Над холстом склонилась Айно,
 Опершись на кросна.

Мать-старуха варит просо,
 Возится у печки,
 А старик серпы да косы
 Точит на крылечке.

Вся семья в тоске угрюмой —
 Что-то нынче ждет их!
 Удручающая дума
 Держит, как в тенетах.

В сердце Айно ужас черный,
 Извелась бедняжка.
 Хоть челнок скользит проворно,
 Сердце бьется тяжко.

Яан вчера пугал их мезью,
 Злость его бескрайна.
 Недруг он всему поместью,
 Виллему и Айно.

Айно сдерживает слезы:
 Трудно быть рабою!
 Хоть стерпел отец угрозы,
 Стерпит ли побои?

Может быть, прикажет дочке
 Обвенчаться с Яаном
 И на долгие годочки
 Свяжет с нежеланным!..

Вдруг за дверью голос милый,
 И, ушам не веря,
 Айно со скамьи вскочила,
 Подбежала к двери.

Нет, не зря ее сердечко
Ноет и тоскует:
Это Виллем! У крылечка
Он с отцом толкует.

Не беда ль случилась часом?
Что ж не входят в сени?
У ворот Серко привязан,
Весь в поту и в пене.

То ли дожили до свадьбы,
То ль грозит разлука?
Что их ждет, скорей узнать бы, —
Счастье или мука?

Вот отец берет уздечку
И бежит в ночное.
Виллем всходит на крылечко:
«Айно! Ты со мною!

Ян с коварностью всегдашней
Замышляет что-то.
Вдруг спросил меня на пашне:
«Ладится ль работа?»

Говорит, глазами шаря,
Сам чуть не хохочет, —
Барин на твоей, мол, паре
Прокатиться хочет.

Надо ж быть беде-досаде —
Нет коней на месте!
На другом на сером дядя
В городе, в отъезде.

Может статься, я подумал,
Ваш-то Серый дома,
И ответил: прокачу, мол,
Дело мне знакомо.

За конем пошел отец твой,
Выполню приказ я
И на свадьбу наконец-то
Получу согласие.

Но не запоздать, однако б,
Иль заслужишь кару...
Вон коня ведет мне Якоб,
Серому под пару».

Из сеней кричит старушка:
«Уж не мог помешкать!
Молочка нашлась бы кружка,
Хлебца-то поешь хоть!»

— «Нет, какие угощенья!
Должен в срок поспеть я.
За просрочку-то в имени
Угощают плетью!»

Хоть умри, как говорится,
А уж будь на месте...
Что же я не вижу Притса?»
— «Да ведь он в поместье,

У господ с утра батрачит, —
Якоб отозвался, —
С ним Гнедко, а Серый, значит,
Ладно, что остался».

— «Дай-то бог, — вздохнула Айно, —
Всё в руке господней,
Но боюсь, что не случайно
Ян мутит сегодня.

Парный конь твой на базаре,
И ведь, как нарочно,
Требуют, чтобы на паре
Ты явился срочно».

— «Вот и я в большом сомненьи,
Сам с собой в разладе:
На базар без разрешенья
Я отправил дядю».

Якоб вымолвил в тревоге:
«А бурмистр, похоже,
С дядей встретился в дороге,
Сохрани нас боже!»

— «Вроде так. Но мой ли, твой ли
Серый — не поймет он,
Хоть и шнырит в каждом стойле,
Хоть и глаз наметан.

Ну, пора! Я обещался
Быть без промедленья».
Виллем наспех распрощался
И погнал в именье...

Отвяжись, беда лихая,
Козни да угрозы...
Айно в дом вошла, вздыхая,
Утирая слезы.

6

На чужом коне обратно
Мчится Виллем, как в чаду,
Ну а свой Серко, понятно,
Скачет рядом в поводу.

Солнце дымкою закрыто.
Самый полдень, самый жар.
Впереди желтеет жито
И чернеет свежий пар.

Ну и душно, ну и жарко,
Даже дышится с трудом.
Белизной сквозь зелень парка
Промелькнул господский дом.

О любимой всю дорогу
Виллем думает, но вот
Овладел им понемногу
Смутный страх и сердце жжет:

Лишь вчера к его невесте
Яан посватался, да зря!
И теперь он жаждет мести,
Лютой злобою горя.

«Пусть уж барин нас рассудит,
Что загадывать-то впредь!
Пусть уж будет всё, что будет,
Только надо не робеть».

За оградою именья,
Где распаханы поля,
Льется жаворонка пенье,
Ободряя, веселя.

«Лири-лири» — свищет звонко...
Вспомнил Виллем о гнезде,
Что недавно лишь сторонкой
Обошел на борозде.

«Может быть, господь сегодня
Склонит барина к добру,
Коль по милости господней
Спас я пташек поутру!»

Вот господские конюшни.
У ворот встречает Яан.
«Будешь наперед послушной!
Где шатался ты, смутьян!

Ну а кони? Кони чьи же?»
— «Кони? Да известно чьи.
Приглядишь, поди поближе,
Это ж серые мои!»

И добавил Виллем бойко:
«Я исполнил твой приказ, —

Вот, как видишь, серых двойка,
Запрягайте в добрый час».

Конюх выкатил карету.
Вместе с Виллемом запряг.
Сбруя пышная надета
На запаренных коняг.

Яан сердито крутит палкой:
Конь-то чей же? Ох народ!..
И в растерянности жалкой
Он заходит в огород.

Там на барщине сегодня
Виллемов работник Микк,
С глазу на глаз он свободней,
Всё расскажет напрямик,

А не то бурмистру крышка...
«Эй, где был ты ввечеру?»
— «Здесь. От вас мое добришко
Только нынче заберу».

— «Знаешь Виллемову пару?»
— «Знаю, надо полагать».
— «Так поди сюда, к амбару,
И скажи, но, чур, не лгать!»

Тут уж точен будь особо.
Видишь барский экипаж?
Ну а кони? Ваши оба?
Иль один из них не ваш?»

Смотрит Микк из-под ладони,
Будто дело не горит.
«Вроде это наши кони», —
Размышляя, говорит.

— «А не с хутора ли Ору
Крайний конь?» — «Всё может быть.
Подойти бы нам к забору
Да у Виллема спросить».

Якоб Тамм

Юхан Лийв

— «От тебя добьешься толку!
Ты мне брось крутить вола.
Марш в малинник на прополку!»
Микк подумал: «Ну, дела!»

Яан уходит в гнев яром,
Но опять в его руках
Палка крутится недаром,
И притом во весь размах.

Притс из усадьбы Ору,
Что дрова в тот день возил,
Он нашел и, к разговору,
Будто нехотя спросил:

«Ваших-то коней легко ли
Признаешь ты? Хоть Серко?»
— «Сам его кормлю и холю,
Мне его признать легко».

— «Твоему я верю глазу.
Если в двойке серых ты
Своего признаешь сразу —
Знать не будешь нищеты».

Притс во двор вошел: «Постой-ка, —
Виллем здесь!..» — «Да вот коней
Дать велели. Видишь — двойка
Из усадьбы из моей».

Яан взбесился: «Ты нарочно
Здесь мутишь! А ну, не лезы!
Притс, изволь ответить точно:
Ваш-то конь — который здесь?»

Притс подумал: «Ну и жутко!
Так иль этак виноват».
Вот еще прошла минутка —
Притс молчит, и все молчат.

Видит Притс: бледнеет Виллем.
Делать нечего. В ответ

Он с мучительным усиьем
Говорит: «Здесь наших нет.

Наших нет в упряжке парной,
Говорю наверняка».
Виллем глянул благодарно
На чужого батрака.

Ян мертвеет, как в кошмаре.
Пот струится по лицу,
Виллем подкатил на паре
Прямо к барскому крыльцу.

Доложили господину,
Что карета подана.
«Вызвать Яана-дурачину!» —
Барин крикнул из окна.

Ян явился на проборку.
Страх глядеть, как барин зол.
«Ты ж хотел устроить порку?
Ты ж виновного нашел?

Нет на свете лживей твари!»
— «Барин, не пойму, ей-ей:
Виллем выехал на паре
И сказал, что на своей».

— «Значит, виноватых нету,
И меня ты ввел в обман?
Да тебе за шутку эту
Не собрать костей, болван!

Здесь тебе, подлец, не место,
Вон отсюда!..» Чуть живой,
Ян толчется у подъезда
С непокрытой головой.

Барин вышел, слуг отбросил,
Взобрался в карету сам.
Виллем спрашивает с козел:
«Вам куда?» — «Пошел к чертям!»

Спрашивает барыня лакея:
 «Далеко ль поехал господин?»
 Тот молчит, теряясь и бледнея,
 А у прочих слуг ответ один:
 «Барин прокатиться днем погожим
 Пожелал, а где он — знать не можем».

Странная уклончивость ответа
 Оскорбила барыню, и ей
 Стало страшно... что же значит это?
 Муж не едет и не шлет вестей.
 Подавляя смутную тревогу,
 Барыня глядела на дорогу.

За окном черны деревьев своды,
 На траву туман зыбучий пал...
 «Ну а прежде, в молодые годы,
 Барин ваш надолго ль уезжал?» —
 Спрашивает барыня в досаде.
 — «Это уж по надобности глядя».

Наконец колеса застучали,
 Пронеслась карета по двору.
 Барыня, забыв свои печали,
 Ждет супруга... только не к добру
 Кони пролетели с шумом, с громом,
 Не остановившись перед домом.

Спрашивает барыня в тревоге:
 «Что случилось? Кто там у крыльца?»
 Оглянулась — Виллем на пороге
 Рукавом стирает пот с лица.
 «Жив ли барин?» — барыня вскричала.
 — «Госпожа, попить бы мне сначала!»

Полный жбан воды он выпил разом,
 Перевел дыханье и сказал:
 «Мы не смеем возражать приказам...
 Вышло всё, как барин приказал...»

Он поехал в ад, к нечистой силе,
И его назад не отпустили».

— «Ты с ума сошел! Ты пьян, должно быть!..»

— «Госпожа, свидетельство при мне:
Раскаленную смолу и копоть
Черт смешал, и на моей спине
Расписался он... уж вы поверьте —
Мне расписки той не смыть до смерти».

— «Где бурмистр? Пускай тебя плетями
Отдерут за наглое вранье!»

— «Он не лжет, вы поглядите сами», —
Зашепталась дворянка вокруг нее.
Виллем в этот миг снимал рубаху,
И служанки обмерли со страху.

Госпожа приблизилась, взглянула,
Строки раскаленные прочла.
Еле-еле добралась до стула,
Села, а сама как снег бела.
«Да, он прав. Но расскажи, несчастный,
Чем отмечен был твой путь ужасный?»

— «Господин едва лишь сел в карету,
Лишь успел сказать: пошел к чертям! —
Лошади рванули, сладу нету.
Не упомяну, что встречалось нам,
Но ни разу ни одна лошадка
Не споткнулась на дороге гладкой.

С двух сторон деревья мчались мимо.
Вдруг среди леса вижу пред собой
Окруженный черной тучей дыма
Черный замок с черною трубой.
Лошади шарахнулись в испуге,
Но толпой нас окружили слуги.

Барина по имени назвали,
Из кареты выйти помогли.
Видно, барин ждать не ждал печали,
Он спокойно шел, куда вели.

Вдруг его взвалил себе на плечи
Кто-то — с головой нечеловечьей.

Я сробел пред гнусным безобразьем.
Дурень дурнем я глядел им вслед.
Ждал, что барин мой соскочит наземь
И отхлещет наглеца, но нет —
Барина внесли в подъезд парадный...
Я подумал: что-то здесь неладно!

У крыльца кишмя кишела челядь,
По двору сновала взад-вперед.
Глянешь — плюнешь. Подлинная нелюдь,
А послушать — оторопь берет.
Ну точь-в-точь — правленьё волостное!
И не наш ли барин старшиною?

Кто во двор зайдет — пиши пропало:
Слуги окружают пришлеца,
На загорбок вскинут как попало
И вприскочку тащат до крыльца.
Старший поименно окликает
Вновь прибывших, и за дверь толкает.

«Прибыл к нам бурмистр имения Кольди! —
Загалдели, как навеселе. —
А уж мы-то думали: доколь-де
Будет прохлаждаться на земле!
Он струхнул, когда прогнали взашей,
Влез в петлю и стал добычей нашей!»

Челядь зашумела у подъезда.
Стражник сбросил ношу у дверей.
А другой хохочет: «Честь и место!
Здесь бурмистра ждут, тащи скорей!
Многих насмерть запорол он сдуру,
А теперь с него сдерите шкуру!»

Тут они, затеяв потасовку,
Налетели все на одного.
Волокли бурмистра за веревку,
Что свисала с шеи у него.

В замо́к всей толпой ворвались лихо...
Подивился я, как стало тихо.

Значит, мы и впрямь попали в пекло!
Значит, барин и бурмистр в аду...
Страх меня пробрал, рубаха взмокла,
Как подумал: а чего я жду?
Досиделся тут до ночи звездной...
Лучше улизнуть, пока не поздно.

Но за барином зайти бы надо.
Я взбежал по лестнице крутой.
«Ты куда? — кричит привратник ада. —
Ты не наш! Кого тебе? Постой!»
— «Барина, мол, жду здесь целый день я,
Время возвращаться нам в именье».

— «Ну уж, барина забудь отныне,
Барину кататься недосуг.
Тут бурмистр о вашем господине
Порадеет вместо прежних слуг.
Погляди, коль хочешь: здесь — геенна.
Барин ваш устроился отменно».

Этот бес позвал другого беса
И сказал: «Вот кучер, что привез
Барина сюда и в чаще леса
Ждет его, как будто в козлы врос.
Пусть посмотрит он, как в преисподней
Этот барин барствует сегодня!»

— «Что ж, пойдем, — сказал второй бесище, —
Покажу, где господа у нас.
Здесь твой барин барствует почище
Тех, с кого он шкуру драл не раз».
Оробев, за ним пошел я следом
В смрадный сумрак, что живым неведом.

Тайный ход спускался в подземелье,
В каменный подвал, в крошечный ад.
Голова кружилась, как с похмелья.

Вижу — на крюках котлы висят,
В каждом — человек, а под котлами
Извивалось и чадило пламя.

Возле каждого котла особо
Колченогий черный кочегар
С кочергой стоит и смотрит в оба,
То и дело подгребают жар.
Чуть кто закричит, истерзан болью,
Кочегар его посыплет солью.

В тех котлах смола ключом кипела,
В каждом грешник плакал, чуть живой.
У иных слезала кожа с тела.
Всюду брань, проклятья, злобный вой.
Из конца в конец гоняют черти...
Не забыть мне этого до смерти!

Вроде бы слепни, а вроде осы
Над котлами тучею вились,
Из живого мяса кровососы
Пили кровь и уносились ввысь,
И обратно низвергались градом,
Не гнушаясь копотью и смрадом.

Из котла чуть выглянет казнимый,
Чуть ослабнет пламя под котлом, —
Гнус летучий не промчится мимо,
Из-под сводов повалит валом
И на жертву и на кочегара,
Жжет и жалит горячее вара.

«Вот, — сказал мне черт, — не твой ли
барин? —

И копытом указал котел. —
Не волнуйся, он почти что сварен.
Ваш бурмистр под ним огонь развел,
Жару подбавлял, и всё в порядке!..»
Я глядел, дрожа как в лихорадке.

Господин с бурмистром стали схожи.
(Я не сказки сказываю вам!)

Ты бурмистром у меня в имени
Будешь, Виллем... Все твои слова
Подтвердились так необычайно...
В добрый час женись теперь на Айно.

Пусть в поместье дышится свободней.
Справедлив и ласков будь с людьми.
Тот позорный столб сожги сегодня
И дела сегодня же прими.
Буду ждать, что скоро предо мною
Ты предстанешь с молодой женою».

Между 25 июня и 7 августа 1904

ЯКОБ ЛИЙВ

1850

СКВОРЕЦ

Озаренный пламенной свободой,
Радостно и звонко пел скворец.
Солнечною жаркой позолотой
Отливали перья на заре.

И летела песнь его далеко...
Коршун востепенулся на скале —
Слышит пенье, видит желтым оком
Золотые отсветы во мгле.

Солнце не взошло еще, блистая,
Песнь еще не спета до конца...
Закружилась в небе злая стая,
Опускаясь над гнездом певца.

Мечется скворец: беда какая!
Коршуны летят со всех сторон.
Бьется птица, кровью истекая,
Из гортани рвется хриплый стон.

С высоты орел — гроза округи —
Слышит стоны, видит коршунье
И спешит на выручку. В испуге
Разлетелось черное рванье.

Радуеться маленькая птица:
«Мой спаситель! Мой высокий друг!..»
Но орел топорщится, гордится
И шипит, надувшись, как индюк:

«Ты от ран погибнешь без
сомнения,
Так скорее отблагодари
Друга за чудесное спасенье —
И в утробе у меня умри».

1887

ДОРОГИЕ МЕСТА

О ручеек и листьев лепетанье!
Я не забуду вашей красоты...
Из рощи мать носила мне цветы,
И пил босой мальчишка их дыханье.

Там с удочкой сидел я, весь вниманье,
О стаде позабыв до темноты...
Там первые пришли любви мечты,
Там я изведаль горечь расставанья.

Как будто нежным веяньем оттуда
Дух матери благословенье шлет,
И утихают тяжкие печали...

Там сердце, как бы тайной силой чуда,
Опять былую юность обретет,
Чтоб песни детства в сердце зазвучали.

<1888>

ФЛЮГЕР

Поставили хапуги
Над нашим домом флюгер:
Чуть ветерок начнет —
Вертушка повернется.

А флюгер всем божится,
Что целый свет кружится
Вокруг его персоны,
На диво непреклонной,

Что в пору колебаний
Лишь он не знал шатаний
Ни влево и ни вправо,
Поскольку мыслил здраво.

<1894>

В СОСЕДНЕЙ ДЕРЕВНЕ

В той деревне рядом с нашей —
Лес высоких белых труб,
Там дома — нет с виду краше,
И сады шумят вокруг.

Без трубы высокой белой,
От богатых в стороне,
Домик с крышею замшелой
Там других дороже мне.

День пройдет — смотрю всегда я,
Как там спорит с темнотою
Огонек его, мерцаая
Словно слиток золотой.

И как будто охраняет
Этот домик добрый дух:
Пес — и тот приятней лает,
И складней поет петух.

Там, я знаю, дорогая,
Так прилежна и тиха,
В доме лампу зажигает,
Кормит пса и петуха.

<1900>

МИР

Давно надежды светом
Сияет людям мир,
Однако в мире этом
Он лишь заочно мил.

За мир вступились даже
Бойцы небесных сил, —
Чтоб смолкли распри наши,
День светлый наступил.

Но нет идее мира
Пристанища нигде.
Ее нам ночь затмила
В страданиях и вражде.

Краснеют волны моря
От крови там вдали.
И реки крови в споре
С нагорий потекли.

Там жажда мира боле
Неведома сердцам...
Слышны лишь крики боли,
И слышен голос там:

«Ужель вражды тревога
Тебя влечет, народ,
Тебя, кто образ бога
В душе своей несет?»

Зачем ты злу, гордыне
Так служишь, род людской,
Что с давних лет доныне
Всё льется кровь рекой?

Сном будешь, как бывало,
Мечту о мире звать,
Иль сможешь на орала
Мечи перековать?..»

1904

МУЖЕСТВЕННЫЕ

Есть люди — словно скалы в бурном море:
Свободными людьми ты их зови,
Нет робости в сердцах их и во взоре,
Нет подлости в горячей их крови.

Руль они держат при любой погоде,
Храня в душе стремление к свободе.

Они угроз и брани не боятся
И не свернут с тяжелого пути,
В бою любом они готовы драться,
Чтоб мог народ свободу обрести:
Надеть себе хомут, ярмо неволи,
Не позволяют люди гордой доли.

И в час, когда приходит вдохновенье,
Их голоса — как грозный гул ветров,
Призывное не умолкает пенье,
Летя к земле от самых облаков,
И спящих будит в яростном полете,
Зовет к борьбе, к дерзанию, к работе.

И горько знать, что в тягостной неволе
Покуда не звучат их голоса,
Что сын раба не рвется к лучшей доле,
Усталый на борьбу не поднялся.
Когда же наконец из поднебесья
Отчизны слух пробудит воли песня!..

<1906>

СОСНА И МОЖЖЕВЕЛЬНИК

«Нынче люди честь и стыд забыли,
Вежливость, почтенье — в стороне...
Нынче уступают грубой силе... —
Можжевельник бормотал сосне. —

Разве прежде я не почитался
Гордостью Эстонии лесной?
У дворца я пышно разрастался
И за монастырскою стеной.

Да, у знати были мы в почете,
Вы же — неотесанный народ —
В захолустье на песке растете.
Поглядишь на вас — и страх берет...

Подлые! Свою погибель чую...
Нет, еще живуч я. Не сдаюсь:
Я болящих ягодой врачую
И усопшим на пути стелюсь».

— «Замолчи, трусливый слабый карлик! —
Молвила высокая сосна. —
Сам подумай, кто ты есть? Кустарник.
Ты не лес, а видимость одна.

Трусам зайцам нравишься ты, жалкий,
Но не можешь вырасти и стать
Корабельной мачтой, крепкой балкой, —
Лишь больным и хилым ты под стать.

И строитель будущего зданья
На тебя с презреньем бросит взгляд.
Можжевельник, гиблое создание,
Не вернешь ты прошлого назад!»

<1906>

ПРИБРЕЖНЫЙ ВИД

Люблю закаты на морском просторе!
Диск солнца будто клонится ко сну,
Еще он медлит, полузатонув,
Под ветерком чуть зыблясь, дремлет море.

С заката кто-то мечет горсти зерен —
И зажигает золотом волну!
Мелькает лодка в золотом плену,
И сонный парус ветерку покорен.

Огромны тени от прибрежных скал.
И сами скалы — крепостные стены,
Богатыри в кольчугах белой пены!

Вдруг стаи чаек, воздух расплескав,
Испуганно взметнулись с резким криком.
Морской орел парит в просторе диком.

<1906>

КОГДА?

Когда ж спадут оковы духа,
Замки тюрьмы, где мысль томится?
Слова и думы ропщут глухо,
Глаза — как пленники в темнице!

От этих мыслей боль тупая,
Коль в слез потоке думы тонут,
Коль кровь сердец бурлит, вскипая,
Сердца от чувств в недуге стонут...

И очень редко мысли смелой
Удел на воле очутиться:
В петле ждет гибель, что ни делай,
Над нею сброд святош глумится.

Надеждою во мраке ночи
Живут закованные люди.
Суд близок. Он — сердца пророчат —
Всех мертвых и живых разбудит.

<1906>

ПРЕСМЫКАЮЩИЕСЯ

Сколько раз свою он спину
Изогнет, ползучий гад,
С кочки в зыбкую трясины
Отправляясь наугад!

Ловко тело изгибая,
Он горазд вперед ползти.
Гадов выучка такая
У иных людей в чести.

Тут смеяться не пристало,
Гибкость — важная черта:
Пользы, выгоды немало
Им от гибкого хребта.

Нет в пути преград для гада —
Гаду ползать по нутру.
И мгновенно, если надо,
Он скрывается в нору!

1906

В ДОМАШНЕЙ ШКОЛЕ

Жизни помню я начало,
Как меня за прялкой мать
Терпеливо обучала
По складам стихи читать.

«Птичка божия не знает...
Заучи, сыночек мой.
В жизни всякое бывает.
Может быть, пойдешь с сумой...»

Почему у ней при этом
Слезы капали из глаз?
Видно, был ей в жизни ведом
Не один тяжелый час...

1906

СТЕКЛОВИДНЫМИ ГЛАЗАМИ...

Стекловидными глазами
Видят родину они
И красивыми словами
Славят нынешние дни, —
Славят, фимиам куря;
Только время тратят зря.

Воску влили в оба уха —
Не слышны ни крик, ни стон,
И к отчизны воплю глухо
Ухо этаких персон,

К плачу родины давно
Сделалось глухим оно...

И стенаниям и лести
Должен я равно внимать.
Нет причины плакать вместе,
Нет причины ликовать.
Всё же восклицаю смело:
«Силы набирайся, мать!»

1906

ЗИМА

Кротко, словно бы устало,
Тихо снег скользил с высот.
Луг печальный покрывал он,
Жалкий в инее осот.

Но души моей колючки
И кровавые цветы
Не укрыл он — снег из тучки,
Розог он не скрыл пруты.

Боль от них невыносима,
Слезы льются из очей.
И скорбит в сугробах ива,
Хлестких веток нет на ней.

1906

КАРЛ ЭДУАРД СЕЁТ

WALTON STANLEY

ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Там, где кончается простор
Полей и луговин,
Помещичий чернеет бор,
Подняв зубцы вершин.

На горке, в глубине лесной,
Стоит разбитый дом
И, кажется, во тьме ночной
Нам шепчет о былом.

А в ночь Купалы каждый год
Тут слышен тихий шаг,
Как будто сизнова идет
На барщину батрак.

Зари полоска в полусне
Сверкает серебром,
И всё в глубокой тишине
Покоится кругом.

Но вот по воле тайных сил,
Прервав свой вечный сон,
Выходят тени из могил,
Идут со всех сторон.

Берутся тысячи за труд,
Проворно при луне
С камнями, с ведрами снуют
В полночной тишине.

Надсмотрщик ходит взад-вперед,
И плетка на ремне.
Он грубым голосом орет
В полночной тишине.

Так в полумгле часов ночных
Работают спеша,
И часто горьким плачем их
Терзается душа.

А в замке пир. Вино рекой
Струится и кипит.
Как видно, тоже в час ночной
Род рыцарей не спит.

Тут скачет мертвых хоровод —
Все рады танцевать,
А тех, что утомились, ждет
Роскошная кровать.

И долго рыцарь ест и пьет,
И долго пир шумит,
А батраки, полны забот,
Ворочают гранит.

Когда же запоем петух,
То меж нагих руин
В смятении за духом дух
Исчезнет в миг один.

1886

ИГОЛКА

Девушка, чей взор лучистый
И улыбчивый такой,
К сюртуку цветок душистый
Прикрепила мне иголкой.

Думал я о той иголке —
Так, обычная игла...

А иголка жалом колким,
Видно, дѣ сердца дошла.

Уж давно увял цветочек —
Не осталось ничего,
Но доньше кровь всё точит
Рана сердца моего.

1886

ИГРА В ШАХМАТЫ

Приходил сосед наш Юку
В гости к нам с сестрой опять,
А сестра его умеет
Славно в шахматы играть.

Хороша сестра у Юку:
И пригожа и мила.
Но меня игра с сестрою
До добра не довела.

Что играть опасно с нею,
Я почувствовал потом:
Только день прошел, а сердце
Так и вспыхнуло огнем.

1889

БОСОНОГИЙ МАЛЬЧИК

Босоногий мальчик
Вышел на мороз.
Снег лежит повсюду —
Холодно до слез.

Босиком по снегу
Бродит — ничего!
Знает, что родитель
Бедный у него.

Знает, очень долго
Так ему ходить —
У отца нет денег
Сапоги купить.

Бегают мальчишка —
Рад в снегу играть.
И сапог не просит —
Где ему их взять?

Знает, что родитель
Их купить не мог:
Быть бы только с хлебом —
Тут не до сапог!

1889

КРАЖА

Догоните, задержите!..
Да навряд... Быстра!
Девка рысью гонит мимо
Нашего двора.

Не заметили в телеге
Свертка иль узла?
Не мое ль она, воровка,
Сердце увезла?

Догоните, воротите...
Братцы, как мне быть?
Как теперь у той девчонки
Сердце получить?

1890

ЖАВОРОНКУ

Жаворонок, друг полей и пашен,
Ты повсюду пахаря найдешь.
Над моим двором высоко в небе
Песенку приветливо поешь.

О, как мне приятны эти звуки:
Молодым ты любишь песни петь,
Но нужнее твой веселый голос
Тем, чьи силы начали слабеть.

У меня отец седой и старый,
Знал он горе и тяжелый труд.
Может быть, твои живые песни
Утешенье в грудь ему волюют.

Жаворонок, друг полей и пашен,
До свиданья, доброго пути:
Устремись за горы и дубравы
И к родной деревне прилети.

Прозвени там над широким полем,
Где отец шагает за сохой.
Пусть в твоей сердечной летней песне
Прозвучит привет сыновний мой.

Жаворонок, друг полей и пашен,
Песней помоги ему в труде,
Призови небес благословенье
В черном поле каждой борозде.

1890

ВЗДОХИ БЕДНОГО МИККА

Трудно Микку нашему живется.
Охает, вздыхает день-деньской.
Помогает оханье бороться
С жизнью утомительной такой.

Слава богу, он мастак на вздохи.
Ох-хо-хо, умаяли дела...
А дела и в самом деле плохи,
Жизнь его и вправду тяжела.

С девяти барахтаться в постели
И уже не спать в такую рань.
Боже мой, проснулся... Неужели
Не усну? Хоть ты умри, а встань...

Очень поздно вечером ложится:
Часикам к шести — скорей в постель.
Но опять усталому не спится,
Сон его — за тридевять земель.

Как же не устать ему, бедняге?
Вздохи, стоны — весь его досуг.
За него другие работяги
Трудятся не покладая рук.

То-то Микку тяжело и живется.
Охает, вздыхает день-деньской.
Оханье одно и удается —
Он на это мастер неплохой.

1892

НАННА ТЕЙСТРЕ

Нанна Тейстре — славный мальчик:
Всех пленил он, синеокий,
Расцветает, будто роза,
У мамыши под опекой.

Он такой ядреный, словно
В молоке его купали,
На селе у нас прекрасней
Сыщешь мальчика едва ли.

«Это чудо — не ребенок! —
Так в семье решили дружно. —
И ходить такому в школу
Просто вредно и не нужно».

В чистой кухоньке хозяйской
Для единственного сына
Мама тушит, мама жарит,
Сына пичкает свиной.

Кормит ножками свиными
И свинными языками,
Чтоб владеть он научился
Сразу всеми языками.

И сынок ее послушный
Хорошо преуспеваает:
Нам не съесть в неделю столько,
Сколько за день он съедает.

Мать весь день не сводит с Нанны
Очарованного взгляда:
Мальчик может перехрюкать
Целое свиное стадо.

Он постиг науку свинства,
Тут ни в чем не уступая
Тем «профессорам», что рылом
Роют землю у сарая.

1895

МНОГО

У хозяев много пастбищ
И скота не перечесть.
У меня же много деток, —
Все, конечно, просят есть.

У банкира много денег,
У купца толста мошна.
Небо звездами богато, —
У меня звезда одна.

Много у меня мучений,
Неудачных, трудных дней,
Много горя и заботы —
Все храню в душе своей.

Мне достались по наследству
Только горе и тоска.
Постоянные заботы —
Это участь бедняка.

1895

ОНИ СКАЗАЛИ...

«Исчезнешь ты, — они сказали, —
Как спящая волна.
Напрасны все твои печали,
И цель твоя мутна».

Они сказали: «Ты ничтожна,
И пропадет твой след.
Упорства нет, и знание ложно,
Самосознания нет».

И говорили много-много
Язвительных словес.
Но мудрость их была убога —
Народ твой не исчез.

Еще свобода, правда, вера
В Эстонии живут.
И люди лучшего примера
Любви высокой ждут.

Что толку! Старым разговорам
Уже не долог час.
Пусть каркает унылый ворон —
Он не пугает нас!

1901

НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

В окна солнышко глядится —
Рамы, матушка, открой!
Там черемуха стучится,
Хочет в гости к нам с тобой.

Ты послушай, как бормочет,
Как шумит ее листва,
Будто бы напомнить хочет,
Что уже пришла весна.

В небе, торопя друг друга,
Проплывают облака,
Шла весна за ними с юга
И пришла к нам на луга.

Мы радушно май встречаем:
Честь и ласка жениху!
Матушка, позволь мне с маем
Обвенчаться на лугу!

Нынче в поле так чудесно,
Так прекрасно, как в саду!
Может, с маем я, невеста,
Счастье наконец найду?

Май бежит с водою талой
На проснувшийся лужок.
Он — привет душе усталой,
Он — румянец бледных щек.

Свет любви ладонью застишь...
Взгляды нежностью зажглись,
Распахнулась клетка настужь,
Можно с песней взвиться ввысь.

1902

НАПРАСНАЯ ПОПЫТКА

Как репейник, целко-целко
Прилепился я к отчизне —
Без нее мне нету жизни,
Узы нас связали крепко.

Ну а если узы наши
Перерезать враг захочет
И попробует однажды
Оторвать меня от почвы,

Оборвет он только листья...
А покуда целы корни,
Буду и расти и жить я,
Как растет репей упорный.

<1903>

ВОСПОМИНАНИЯ

Я опять как будто вижу
Годы детства, годы те,
Что надежды зародили
И мечты о красоте.

Это песни и сказанья
О чудесном, о былом,
Это бабушка седая
С тихим, нежным говорком,

Это луч в цветах весенних,
Это праздник у крестьян,
Это счастье издалека
Мне мелькает сквозь туман.

Жизнь моя идет к закату,
Торопясь, летят года,
Но мечты и песни детства
Не исчезнут никогда.

Всё как будто слышу голос,
Что поет тихонько мне...
И мотив далекой песни
Я твержу в счастливом сне.

<1903>

РОДНИК

Под сенью березы нашей
Журчит родничок всегда,
И, словно хрусталь чистейший,
Прозрачна его вода.

Как только уснет природа,
Выходит в дозор луна,
И рощу в ночном тумане
Разглядывает она.

При свете луны источник
Сверкает живым огнем,
То золотом отливая,
То жемчугом, то серебром.

1903

НАША ЛЕЕНИКЕНЕ ПЛЯШЕТ

Наша Лееникене пляшет —
Пляшет ночь и день.
Ей вертеться и кружиться
Никогда не лень.

Где в окрестностях пирушку
Или бал дают, —
Только двери отворяют,
А она уж тут.

Что ж, пляши, старайся крепче
Каблуками бить.
Проганцуешь туфли — можно
Новые купить.

У отца, видать, доходы
Очень хороши.
Есть и деньги, есть и время —
За троих пляши.

А для тех, что небогаты, —
Дома много дел.
Лишь вязанье и пряденье —
Вечный их удел.

1903

ВИНОВАТЫЙ

«Барин, барин! Какое дело-то!
Тёлка выпила озеро целое!
Не осталось у нас карасей!»
— «Всыпать розог деревне всей!»

<1910>

ЦВЕТ ЛИЦА

Созрела рожь, шумит пшеница,
И жернов мелет без конца...
Но не найти, взглянув на лица,
Нигде румяного лица.

Ты слышишь матери стенанье,
Ты слышишь плач больных ребят...
Из тьмы к небесному сиянью
Слова предсмертные летят.

Но нам не блещет свет оттуда,
И бледность лиц видна едва...
Пусть на земле свершится чудо,
Пусть бедным мелют жернова!

1910

СПИ, МОЙ МИЛЫЙ

Спи, мой милый! Слышишь, Дрема
Ходит-бродит возле дома
И своей клюкой стучит,
Ищет, кто еще не спит?

Солнца нет уже над крышей,
Улизнули в норку мыши,
Да и мы уже в постели
Все попрятаться успели.

1915

ПАМЯТИ ОТЦА

Окончив в поле сев, отец пришел домой.
Пришел и тут же слег.
Какую грусть таил в душе своей больной,
Он высказать не смог.

В последний раз родные видел он поля,
Последний прожил день.
Взяла его в свои объятия земля,
Коснулась смерти тень.

Но, умирая, он печальных слез не лил,
Не каялся ни в чем:
Себе прощение у бога заслужил
Он праведным трудом.

В кладбищенской тиши под каменной плитой
Лежит смиренно он.
Крестьянин, возвращаясь с пахоты домой,
Кладет ему поклон.

Когда и мне с постели встать не хватит сил,
Прошу лишь об одном —
Чтоб кто-нибудь тогда меня похоронил
С отцом моим вдвоем.

1916

СОН

Бродит, бродит, бродит сон.
Что-то шепчет, шепчет он.
Пес сердитый во дворе
Лает, злится в конуре:
«Гав-гав-гав! Эй, детвора,
Марш в постели, спать пора!»

Бродит, бродит, бродит сон.
Шепчет, шепчет, шепчет он:
«Кружит коршун в небесах,
Дремлют куры на шестах,
Не шали, раз лег в кровать:
Нужно смирно в ней лежать...»

Бродит, бродит, бродит сон.
Шепчет, шепчет, шепчет он:
«Капли дождика блестят,
Это их зажег закат.
Вон бычок спешит домой,
Спи, листок дубовый мой...»

Бродит, бродит, бродит сон.
Шепчет, шепчет, шепчет он:
«На дворе уже темно,
Все соседи спят давно,
Только ты один не спишь —
Засыпай скорей, малыш!»

1916

ЧЕРНИЛЬНАЯ НАПАСТЬ

Явился инструктор мудрый,
Мой сад обошел кругом.
Я так-таки и не понял,
Что было мудрого в нем.

Нет, не был он садоводом.
По саду шел не спеша.

Чернилами сад забрызгал,
Чернильная душа.

И пролили лук и капуста
Потоки чернильных слез,
И капли чернил навернулись
На бутоны рдеющих роз.

Когда иссякнут чернила —
Предвижу его торжество, —
В чернильницу он нацедит
Кровь сердца моего.

1937

МАЛЫЕ И БОЛЬШИЕ ДЕТИ

Дочка матери что-то лопочет,
У нее на коленях топочет, —
На душе материнской светло.

Дочка выросла — пляшет, хохочет,
Сердце матери ножками топчет, —
Почему это так тяжело?

1937

САМОЕ ДОРОГОЕ

Не забудьте, люди, песни
Той, что нам когда-то пели
Наши матери-эстонки,
Наклонясь у колыбели.

Не забудьте славной песни!
Трудовую песню эту
Наши деды запевали,
Выйдя в поле до рассвета.

Не забудьте песню счастья,
Ту, что девушки весною,
Закружась в веселой пляске,
Распевали под ветлою.

1938

Слов автора

ЮХАН ЛИЇВ

НЕ КРАСОТОЙ

Не красотой — не синими глазами,
Не белой шеей, не движеньем рук,
Не цветом щек, не алыми губами
Меня ты покорила, милый друг.

Меня б могли оставить равнодушным
Все эти проявления красоты,
И легкий шаг, что кажется воздушным,
И безупречные твои черты.

Но мудрость нрава, но невинность взгляда,
Но детская доверчивость лица —
Вот в чем моя волшебная отрада
И что меня чарует без конца.

Пленен я чистотою простодушной —
Ее дыханье жаркою волной
Мне захлестнуло сердце, и послушно
Забилось сердце для тебя одной.

Твоя душа во взгляде отражалась
И покоряла детскостью своей...
Ты целить в сердце вовсе не старалась,
Зато в него попала тем верней.

1887

О ВРАГАХ

Мудрец великий учит: воздавайте
Добром за вред, который вам творят.
Но я скажу: гадюк уничтожайте —
Несовместимы доброта и яд!

Не победить вовеки принужденья,
Коль не пойти ему наперекор.
Насилью, что не знает снисхожденья,
Одно насилье может дать отпор.

<1887>

ЛЕСНОЙ ШЕЛЕСТ

Глухой и душевный шелест
Я слышу с тех самых пор,
Как он широкие крылья
Над люлькой моей простер.

Запал этот шелест в душу,
Навеки запал туда,
И я вместе с ним печалюсь,
Не радуюсь никогда.

1887

СНЕЖИНКА

Снега звездочка —
Тише, тише! —
По стеклу скользит
Тихо, тихо...

Вьется, падая,
Тихо, тихо,
Словно думает:
«Тише, тише!»

Не волнуйся, грудь, —
Тише, тише!
К нам идет покой —
Тихо, тихо...

<1891>

ОТ СПОРОВ ДО НОВЫХ СПОРОВ

От споров до новых споров
Тянулись их дружбы дни.
Без брани, обид, раздоров
Прожить не могли они.

А после пришла разлука,
Чтоб спорщиков расселить...
О боже, какая мука,
Что некого больше злить!

<1891>

ЛЮБОВЬ ПРИШЛА...

Ветер примчался — любовь пришла,
Ветер промчался — любовь прошла,
Всё прошло — и любовь, и боль...
Хотелось покоя тебе?
Изволь!

Но любовь оставляет шрамы в сердцах:
Любовь прошла, а сердце — в рубцах.
Ветер же наших сердец не калечит,
Нет, не калечит, хотя и не лечит.

<1891>

НА ИВАНОВУ ПОЧЬ

Какая ночь! Не ночь — мечта!
Не шелохнется ни листа...
Сверкай же серебром, роса,
А вы, девичьи голоса,
Звените без умолку!

Десять лет спустя:

Кой бес на луг меня понес?
Промокнешь по росе, как пес!
Да комары чертовски злят,
Да девки голосят не в лад...
Охота ж выть без толку!

1891

РАНО

Рано ушел я из дома родного...
Песни забытые детства былого,
Я вас давно не пою.

Ветры меня, как тростинку, согнули,
И заглушили жестокие бури
Детскую песню мою.

Бури с родными меня разлучили,
Слабые песни мои заглушили,
И потерял я покой.

И не свершилось так много, так много!
И протянулась по жизни дорога,
Переплетаясь с тоской.

<1894>

ГРУСТНА ТВОЯ РОДИНА...

Грустна твоя родина, да и ты
Уже изнемог от ноши.
Уже в голубую страну мечты
Тебе не попасть, но, может,

Звезда твоя в небе тогда блеснет,
Как сам ты сойдешь в могилу.
Постигнет все думы твои народ,
Постигнет душой их силу.

Они оживут, чтоб творить и звать,
И вдаль пролагать дороги,
Чтоб радостью и красотою стать
В дому поколений многих.

1894

Я МНОГО ЦВЕТОВ СОБРАЛ БЫ...

Я много цветов собрал бы,
Я пояс бы сплел — пускай
В одно бы связал тот пояс
Тебя, мой эстонский край!

Я взял бы лазурь у неба,
Лучи бы у солнца взял —
Лучами, лазурью, солнцем
В одно бы тебя связал.

Я взял бы любовь и верность,
Я честность бы взял — пускай
Они бы в одно связали
Тебя, мой любимый край.

Я кровные узы взял бы
И братство сердец — пускай
Они бы в одно связали
Тебя, мой несчастный край!

1895

ПО ВОДЕ

Плывет кораблик
По воде,
Плывет он
От волны к волне.

То виден,
То в волну нырнет.

Как лебедь белая
Плывет.

Плывет
В далекие моря
Душа моя,
Любовь моя.

Плывет
В далекие края
Душа моя,
Любовь моя.

Плывет кораблик
По воде,
И всё смотрю я,
Где он, где.

Но что вода?
Молчит она,
Молчит вода,
Молчит волна.

Волна уходит
За волной,
Уходит
К зорьке золотой.

Июнь 1896

ТЫ ВОШЛА

Ты вошла, и светло и ясно
Стало в комнате — ты вошла,
Словно солнце само с тобою
Лучезарное рассвело.

Ты вошла, и светло и ясно
Стало в комнате — ты вошла,
Словно музыка в дом мой вторглась,
Каждый шаг твой лучился, пел.

Ты вошла, и светло и ясно
Стало в комнате — ты вошла.
Улыбнулась — и солнцем, солнцем
Мир наполнился, весь мой мир!

Июнь 1896

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕСНЯ

Милой Л. Г.

Моя последняя песня
О листьях и о цветах,
О желтых осенних листьях
И о весенних венках.¹

Моя последняя песня
Об осени и весне,
О синем небе осеннем,
О весенней голубизне.

Моя последняя песня
О красоте твоей,
О холодных рассветах,
О шелесте тополей.

Моя последняя песня!
Сердце мое с тобой...
Цветенье и увяданье —
Вечный закон земной.

Моя последняя песня,
Просишься ты в полет...
Но я умираю, и песня
Вместе со мной умрет.

Сентябрь 1896

¹ Стихи эти были сожжены в тяжелый час.

ОБЛАКА ПЛЫВУТ

Облака плывут, и ветер
Гнет печальную ольху.
Листья падают с березы
И, шурша, кружат по мху.

Облака всё набегают,
Всё плотнее в небе мгла.
Ветер воет, ветви машут —
Это осень в лес вошла.

Всё быстрее, быстрее мчатся
Пасмурные облака,
Всё быстрее за ними думы
Мчат к тебе издалека.

Облака и знать не знают,
Сколько плыть им — день ли, два!
Облака плывут, а вслед им
По земле летит листва...

Сентябрь 1896

ДРУЗЬЯ

Вот бугор знакомый,
А на нем — сосна.
Всё на том же месте
Ждет меня она.

Годы изменили
Многое вокруг,
Но сосна — всё та же,
Но сосна — мне друг.

Машет мне ветвями:
«Здравствуй! Сколько лет!
Ты успел, наверно,
Обойти весь свет?»

— «Правда, исходил я
Тысячу дорог
И, однако, счастья
Отыскать не смог».

— «Да и я, хоть много
Простояла лет,
Никакого счастья
Не видала, нет».

Так мы повстречались,
Сосенка и я,
Старые знакомцы,
Добрые друзья.

Осень 1896

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

УТРО

Травинки все
В сырой росе...
Идут хозяйева в поля,
И шелком стелется земля.
Ждет сеятеля борозда,
Бредут на пастбища стада,
И колокольчики — динь-дон,
В лесу и то слышать их звон.
Динь-дон — звонят наперебой,
А над прохладною рекой
Столбом стоит туман густой.
Напев пастушьего рожка
Доносится издалика,
И мне, куда я ни пойду,
Всё утро слышится: ду-ду!
Вдали виднеется река
И вьется лента большака.
Большак бежит промеж холмов,
Бежит промеж лесных стволов,
Как улица промеж домов.

Подвода с мельницы ползет,
Возница трубочку сосет.
У мельницы, на бугорке,
Стоит сам мельник, весь в муке.

В густом саду еще немного света,
Как будто спряталась ночная тьма
В тени кустов... Но молодое лето
Прекрасно тут, как молодость сама.
Везде роса, везде ее сверканье —
На влажных листьях и в заросшем рву.
Ночь, уходя, целует на прощанье
Расшитую алмазами траву.

Навозный запах слышен с огорода,
И веют ароматы цветника.
Всё взрыхлено, везде следы ухода,
Везде прошла хозяйская рука.
Сорняк повсюду вырван без остатка,
И дружно стрелки выпустил чеснок,
И тыква овладела целой грядкой,
И репа с брюквой поспевают в срок.
Хозяйка поработала что надо,
И труд ее с лихвой вознагражден.
Всё краше, всё сочнее ее награда,
И клумба высится, как царский трон.

Хозяйка ткет и напевает что-то
Под мерный стук послушного станка.
Была зимою начата работа,
И вот теперь к концу она близка.
Узор отличный — нет ни в чем просчета,
И фон удачно выбран для цветка.

А сын хозяйки вспахивает землю,
И пахоты чернеющий квадрат
О трудолюбьи парня говорит...

ПОЛДЕНЬ

Залито солнцем всё кругом,
И роза вспыхнула огнем,
И наклонился хлебный злак,
Как будто от жары обмяк.
Но не беда, что горячи
Полуденные те лучи.
Ведь жизнь даруется земле
И всей природе в их тепле.

ПОПОЛУДНИ

Прозрачен воздух, даль ясна,
А лес темнеет, как стена,
И солнце над холмом горит,
Вершины леса золотит.

ВЕЧЕР

Труд солнца за день был велик —
Всю землю превратить в цветник,
Но солнце скрылось за волной,
И разом гимн умолк дневной,
И всё притихло на земле,
Как бы в молитвенной хвале.

1896

ЛЕТНИЙ ВЕТЕР

«Сердце твое исцелю я!» — ветер июльский сказал мне.
Стал он выстукивать нежно, стал тормошить меня,
слушать,

Недуг выискивать скрытый.

Тайную боль обнаружив, все узелки распустил он,
Поцеловал меня в губы, в лоб и в глаза, и, погладив,
Снова связал мое сердце бархатными руками.

Так врачевал он больного и ласково гладил, покуда
Не разогнал без остатка

В сердце — заботу

И горечь — в душе.

1896

ОСЕНЬЮ В РОДНЫХ МЕСТАХ

Тут солнце золотистое
Сияет над горой,
Тут дерево ветвистое
И домик мой родной.

Тут с хуторами бедными
Я сызмала знаком,
И с облаками белыми,
И с вольным ветерком,

С березою плакучею,
С картошкой и с овсом,
С калиткою скрипучею
И с этим старым псом.

Тут небеса над нивами
Прозрачны, как хрусталь,
Тут тропка над обрывами
Манит куда-то вдаль.

Пастушья песня ладная
Сквозь лес летит, звеня,
И юность безвозвратная
Приветствует меня.

Тут в ветре ласка слышится
И веянье тепла,
Тут так привольно дышится
И дума так светла.

Тут дома я, а дома я
Богат, хоть беден дом:
Тут всё вокруг знакомое
И сам я всем знаком.

1896

ОСЕННЕЕ СОЛНЦЕ

На ветвях березы —
Солнечный закат,
Кажется, что листья
Пламенем горят.

Путь уже не долог,
Путь уж не далек.
Славен тихий отдых
Средь лесных дорог.

За зеленым логом
Посреди полей
Косогор в сияньи
Солнечных лучей.

Столько там сиянья,
Блеска и огня,
Словно ждет невеста
На горе меня.

1896

НЕВЦАМ

Всё во мне отравлено,
Всё во мне придавлено...
Уж не тем ли сызнова
Угнетенье вызвано,

Что красотой высокой
Земля озарена,
Что мукою жестокой
Людская жизнь полна,

Что в волнах белогривых
Так много красоты
И в звездах молчаливых
Так много красоты,

Что вера молодая
У юношей в сердцах,

Что преданность слепая
У любящих в глазах,

Что столько силы воли
Дано душе людской,
Что столько скрытой боли
В любой судьбе, в любой,

Что и любви и мукам
На свете нет конца
И что о них ни звука
Нет в песнях у певца?

1896

ЗАБОТА

Всё темнее,
Всё чернее
Надо мной немая высь.
Над земною
Тишиною
Звезды яркие зажглись.
И мигает,
И мерцает
Преодо мною
Ночничок.

Всё уснуло,
Лишь забота
Всё сидит со мной вдвоем.
Не сморит ее дремота,
Смерть и то ей
Нипочем.

Смотрит мне в глаза —
Что вижу?
Смотрит в уши мне —
Что слышу?
На руки —
Куда кладу?

На ноги —
Куда иду?
О, перед заботой зоркой
Весь, как есть ты,
На виду!

Лишь постель себе
Постелешь,
Как туда забота — прыг!
Лишь сомкнешь глаза,
Как видишь
Вновь ее недобрый лик!

Утром,
Лишь собрался встать ты,
Как уже встает она.
Любо ей,
Что неразлучны
Будете вы
Дотемна!

1896

ОДИНОКАЯ ТРОПКА

Бежит одинокая тропка
Меж зарослей лесных.
Вокруг — березы и сосны,
И осень целует их.

Бежит безмолвная тропка
Под сводом сквозного шатра.
Повсюду желтые листья,
Что ветер сорвал вчера.

Повсюду — листва золотая,
Куда ни поглядишь...
На смену вчерашней буре
Пришла золотая тишь.

Стоит золотая береза
Под ярко-зеленой сосной,

Вокруг — золотое безмолвье,
Вокруг — золотой покой.

И золотое безмолвье,
Шаги в лесу услышав,
На миг одинокую тропку
Придерживает за рукав.

Придерживает неслышно
И что-то шепчет тропе,
И ощущает путник
Взгляд вечности на себе.

1896

МОЙ СТИХ

Мой стих, ты подбитый голубь,
Которого настиг
В полете когтистый коршун...
Ты кровоточишь, мой стих.

Мой стих, ты похож на птицу,
На раненого орла,
Которого вдруг настигла
Охотничья стрела.

Былой твой полет могучий
Я вижу как наяву.
Ты мчался вольным ветром
Сквозь солнце и синеву.

Оглядывался ты зорко
В небесной вышине,
Спускался и отдыхал ты
На самой высокой сосне.

Теперь ты один, ты в чаще,
Истерзан, изранен в кровь,
И жалобно смотришь в небо,
Где реет твоя любовь.

1896

Как мрачен ты, как задумчив,
 Как пасмурен стал ты, лес!
 Осенние серые тучи
 Глядят на тебя с небес.

Как сон, над тобою лето
 Промчалось — простыл и след.
 Кукушка откуковала.
 Недавнего счастья нет.

Какою была нарядной
 И пышной твоя листва,
 И с нею вдали сливалась
 Небесная синева.

Пронизывало сиянье
 Густые шатры твои,
 И бабочки тут порхали,
 И пели тут соловьи.

Часами смотрел ты в небо,
 В бездонный его провал,
 Верхушки могучих елей
 К лазури его вздымал.

А к вечеру цепенел ты
 Во власти высоких дум,
 И был в этот час чуть слышен
 Твой ласковый ровный шум.

Теперь же таким угрюмым
 И пасмурным стал ты, лес!
 Осенние серые тучи
 Глядят на тебя с небес.

1896

ВОЛНЫ

Волны бесятся, бушуют,
Пляшут на спине залива,
Кувыркаются отважно,
Тычутся, как медвежата,
В скалы, в каменную стену,
И, рыча, взбивают пену.
И, на эту пену глядя,
Говорят они друг другу:
«Вот и вся награда наша
За неистовые бури».

1896

ВОСКРЕСНОЕ УТРО

Наступает утро,
Тишина вокруг.
Под осенним солнцем
Зеленеет луг.

На холмистых склонах
Шелестят хлеба.
Созревает жатва,
Ждет она серпа.

Рождены колосья
Солнцем и трудом.
Будет полной чашей
Хлебороба дом.

Этим мирным утром
Тихо и светло...
Солнце шлет надежды,
Радость и тепло...

1897

ЛИСТЬЯ ПАДАЛИ

Волны — за грядой гряда,
Листья падали туда...
Всё казалось серым-серым,
Как свинец и пепел, серым:
Листья, небо и вода.

Но и в сердце иногда
Всё бывает серым-серым,
Как свинец и пепел, серым,
Как осенняя вода.

А чего еще в несчастье
Можно лучшего желать,
Чем осеннее ненастье?
Осень — осени под стать.

1897

ОСЕННИЙ ЦВЕТОК

Мчится бурая
Осень хмурая
Над равнинами
Через выгоны,

Через рощицы
Переносится,
И с ветвей дождем
Капли падают.

Тучу серую
Ветер выгонит.
В небо синее
Солнце выглянет,

И засветятся
В травах скошенных
Капли чудные,
Изумрудные.

Град постукивал,
Дождь накрапывал,
Тучи выплыли
И растаяли.

За оградю
Дома старого,
Где навалены
Листья желтые,

Из-под мха глядит
Цветик маленький,
Цветик беленький,
Новорожденный.

Смотрит жалобно
Он на солнышко —
А роса на нем
Чище жемчуга.

Осень бодрая.
Цветик маленький.
Нежность поздняя
Солнца дальнего.

Солнца бледный луч
Греть — не грел его,
Из просвета туч
Лишь поглаживал,

Как ребеночка,
Детку-сироту,
Черствой матерью
Позабытого...

После града,
Листву побившего,
После дождика,
Всё умывшего,

Тихим вечером
Скорбной осени

Распустился он,
Цветик беленький.

Знал ли братьев он?
Тут их тысячи
На лугу цвело
В пору вешнюю.

По весне они,
В пору лучшую,
Покрывали луг
Тканью пестрою.

Всё тепло любви
Солнца-матери
Было отдано
Этим первенцам.

Ветер ночью их
Убаюкивал,
А будила их
Песнь соловушки.

Солнце старое
И усталое
На цветок глядит,
Словно мачеха.

Дочь приемную,
Нелюбимую
Выдавали так
Без приданого,

В сером рубище
Чуть прикрытую...
А под рубищем
Тело чистое!

1897

ПРОЩАЙ

«Прощай!» —
Воскликнули облака,
И возглас их подхватили луга.
«Прощай!» —
Откликнулась птичья стая,
В края заморские улета.
И вздрогнул дуб, роняя листья...
Что ж, старина! Прощай и ты...
И прошел по лесу шелест печальный,
Похожий на шепот прощальный...
Примите, ветры, последний привет
От дуба, которому тысяча лет.
Тысяча бурь надо мною промчалась,
Тысячу раз весна возвращалась,
Тысячу раз молодец я душой,
Следя, как играет весенний прибой.
А теперь голова у меня седая,
И весны не увижу уже никогда я!
Облака, прощайте! Земля, прощай!
Ветер, лети в полуденный край,
От старого дуба поклон передай!

1897

КОРЫСТЬ

По дубовому настилу
Да сквозь медные ворота.

«Калевипоэг»

1

Я сижу дома с заботами,
А корысть гуляет по улице:
Корысть рычит из конуры,
Корысть заглядывает во дворы,
Корысть таскается по судам,
Корысть наведывается в храм,
Корысть сидит за школьной партою,
Корысть обедает с чадами,
Корысть ходит по деревьям,

Корысть ходит по волостям,
Корысть ходит по городам,
Корысть — она и здесь и там.

К телу вроде бы близка рубашечка,
А корысть уже под рубашечкой.
Сделай хоть что не так —
И она от тебя ни на шаг:
В глаза да в рот к тебе засматривает,
К самому сердцу подбирается.
Ты потише, сердце, стук-стук-стук,
Напугается еще сердечный друг,
Да в суд с перепугу и бросится,
В церковь сломя голову кинется.
Сядет важно за судейский стол
И посмотрит, с чем ты к ней пришел, —
Не урвать ли у тебя последний грош?
Ведь ее — корысть — не проведешь.

2

Это кто там влопыхах пробирается,
Над постелью моей наклоняется,
Начинает меня убаюкивать?

— Это я — корысть.
Это я — твоя верная подружка —
Поглядеть на тебя захотела...
Не тревожься, мы — старые знакомые.
Ни на миг я тебя не покидаю,
И дела твои идут неплохо:
Коровы у тебя — тучные,
А свиньи у тебя — жирные,
И все достались чуть не даром —
Ведь обсчитывать работников ты ловок!
Не тревожься, милый, не волнуйся,
Я тебя не покину — не тревожься,
Никогда, ни за что не покину!
Не смотри ты на меня так косо —
Я всегда была тебе любезна!
Или совестливым хочешь показаться?

Эта роль тебе не подходит:
Сколько ни артачься, ни ломайся,
Я всегда тебя уломаю!
Без меня не знать тебе удачи:
Ведь не пастор ты
И не святоша,
Чтобы голову склонять смиренно.
Так пойми же:
Надо жить умело!

Между 1897 и 1899

КРОКОДИЛЫ

Гласят египетские мифы,
Идущие из рода в род,
Что было время — крокодилы
Держали в страхе весь народ.

И крокодилам покорялись,
Молились им и поклонялись,
И мучила людей тоска
От векового поста.

Но разве угасить постами
К свободе пламенную страсть?
И люди наконец восстали
И свергли этих гадов власть.

И было в гомоне восстанья
Так весело смеяться им
Над свергнутыми божествами,
Над страхом свергнутым своим!

1899

Я ЛУЧШЕГО НЕ ЖДУ

Метель обшарила поля,
Мутны и небо и земля.
Мне по душе померкший свет,
И лучшего не надо, нет.

Мне темнота глядит в лицо,
Как дедов жизнь, как жизнь отцов...
Такой она была века —
Ни проблеска, ни огонька.

Так было долгие века —
Ни проблеска, ни огонька...
Мне это, право, по душе,
Я лучшего не жду уже.

1900

ОТЦЫ И ДЕТИ

В высоких калошах, гордые,
Идут сыновья вдоль пашни.
Монеты в мошне потертые
И хмель в башке вчерашний.

Отцы их в мужицких постолах
Расхаживали годами.
Весь век в сыромятных постолах —
И в поле, и в божьем храме.

Ведь надо же было трудную
Дорогу преодолеть им,
Чтоб выкупить землю скудную,
Чтоб в город поехать детям,

Чтоб их сыновья простецкие
Немецкий бы изучили,
А также — цветы немецкие,
И деньги в пивных спустили.

1900

СЛЫШИШЬ, СЛЫШИШЬ?

Взмокла шуба ватная
На осине,
Снег вздыхает, падая,
Талый, синий.

Гул весны откуда-то —
Слышишь, слышишь? —
С каждым днем доносится
Ближе, ближе.

1900

Я ДОБРОДУШЕН, ТЕРПЕЛИВ...

Я добродушен, терпелив
И скромн — сходен с тенью.
Я добродушен, терпелив,
Но есть предел терпенью.

Не требуй же, любовь моя,
Чтоб стал я чьей-то тенью:
Коль тенью быть, так лучше я
Своей останусь тенью!

1900

ИЗ-ЗА ХЛЕБА

Две собаки играли со мною.
Я одну по головке поглаживал,
Хлебной коркой другую приваживал,
И открытие сделал дурное.

С той играл я — эта ворчала.
Этой хлеба дал — та зарычала
И подругу, сорвавшись с места,
Искусала из чувства протеста.

Что подумают люди (о небо!)
Относительно вашего круга,
Если вы так свирепо друг друга
Ненавидите из-за хлеба?

1900

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Из красоты — последнюю красу,
Из правды — окончательную правду
И, значит, — ложь последнюю из лжи
Сам извлеки. И значит, из добра —
Последнее возможное добро,
Из женственности — нежность в высшем
смысле,
Из боли — крайность боли извлеки
С последнею попыткою терпенья!
То, что создашь ты на таком огне,
Возвысит всех с тобою наравне.

1900

* * *

Доля мужика
Нелегка.
Голод и долги,
Спину гни.
Черные мозоли
На руках,
Всю-то жизнь мы бродим
В батраках.
На краюху хлеба
Заработать где бы...
Голод и долги,
Хворь и страх...
Бродим, пока сила
Есть в руках.

1901

ПОЛЯНА

Скучно. Глина. Поле голо.
В тучах неба муть.
Я иду к опушке леса,
Где к полянке путь.

Бархат сосен вечно зелен,
Одиночье грез...
Сосен зелень яркоцветна,
Желтозлать берез.

Яркоцветна зелень сосен,
Желтозлать берез.
И поляна — вся в объятых
Предосенних грез.

<1903>

БУДУЩЕЕ

Что вижу я в далеком море?
Корабль? Предутренний туман?
Играет в ослепленном взоре
Душою сотканный обман?

Нет, верю я своей надежде:
Ее корабль ко мне плывет!
Хоть я обманывался прежде,
Теперь я верю — он придет!

За серым пологом ненастья
Мне всё виднее виден он.
Но принесет ли мне он счастье?
Его искал ли я среди волн?

Что там? Мечты моей свершенье
На радость нашим берегам?
Иль только горести, мученья?
Иль смерть сойти готова к нам?

<1904>

ВЧЕРА Я ВИДЕЛ ЭСТОНИЮ

(На железной дороге)

Вчера я видел Эстонию!
Видел котомки на спинах людей,
Лачуги без окон и без дверей,

И нищету каменистых полей, —
Вчера я видел Эстонию!

Вчера я видел Эстонию!
Домишки из гнили и из трухи,
Кривой можжевельник, болотные мхи
И заросли невеселой ольхи, —
Вчера я видел Эстонию!

Вчера я видел Эстонию!
Безлюдные тропы в лесной глуши,
Унынье и сумрак в мертвой тиши,
Глубокую спячку людской души, —
Вчера я видел Эстонию!

10 января 1904

ЛЕТИТ ОНА В ДОМ СВОЙ — УЛЕЙ

С цветка на цветок, упорная,
Летит она в дом свой — улей.
Пусть туча нависла черная —
Летит она в дом свой — улей.
В пути погибают тысячи,
Но и долетают тысячи.
Забота слышна в их гуле,
Летят они в дом свой — улей.

Так под вечер дня печального
Стремится душа к отчизне.
Из края из чужедального
Стремится душа к отчизне.
Пусть вихри кружат метельные,
Пусть пули поют смертельные, —
Взмывает душа, как птица,
К отчизне она стремится!

<1905>

ПРИБЛИЖЕНИЕ ВЕСНЫ

У весенних клейких почек
Прорезаются глаза,
И звучат в лесу и в поле
Еле слышно голоса.

Жаворонок в небе виснет,
Гомон ширится лесной,
И выходят духи жизни
На весенний праздник свой.

Тихо-тихо, звонко-звонко
Запоют, заговорят,
Тихо спустятся с пригорка,
Где рокочет водопад.

Травы в поле зеленеют,
Ветви соком налиты...
Ветром с озера повеет —
Распускаются цветы.

И во имя новой жизни
В солнечной голубизне
Всё ликует в светлом гимне
Наступающей весне.

<1905>

МЛАДО-ЭСТОНЦАМ

Меня вы не хвалите,
Не чтите — никогда!
Вот недоразуменье
Случилось! Вот беда.

Они страшны, мои песни,
Как сердце мое, как вся
Судьба моя. Не хвалите,
Не чтите меня! Нельзя.

Почтите мужей науки,
Возросших на свету,
Почтите их работы
За ясность и простоту.

А ежели нет подобных,
То вот вам простой совет:
Придумайте их на славу!
Меня же не чтите, нет!

<1905>

ПУТНИК

Снег. Из города иду я.
Нет работы никакой.
Снег. Шагаю через силу.
До чего ж я голоден!

Нет ни огонька во мраке —
Время позднее...
Стой, вдали одно окошко
Засветилось всё-таки!

Дверь мне ласково открыли.
В доме вижу — девушка
Хлеб из печки вынимает,
Теплый хлеб — подумайте!

Теплый дом и дивный запах,
И меня, голодного,
Спрашивают: «Не желаешь
Хлебушка горячего?»

Хлеб из печки, вкусный-вкусный,
Взял я в руки не дыша,
Добрую краюху хлеба
Добрая дала душа.

«А куда ты и откуда?
Неженат или женат?»

— «Я скитаюсь, где случится,
Я, хозяйка, неженат».

— «Мать с отцом твои далеко?
Много у тебя родных?»

— «В том-то, милая, и горе:
Нету никого в живых...»

— «Цып-цып-цып! Гляди, цыплята
Выбрались на огонек...
Вот они, мои ребята,
Самый крупный — петушок».

<1905>

МАТЕРИ

Матушка моя родная,
Дорогая матушка!
Навестив твою могилу,
Сам я стал могилою.

Ты учила, чтоб всегда я
За тобою следом шел.
Не пошел я за тобою,
А за девушкой пошел.

Ох, за кем ходил я следом,
Самому мне не понять.
За самим собой, родная,
Можно было бы сказать.

Вслед за девушкой одною
Всё ходил я, милая.
Целовал бы ее ноги,
Сердце растоптавшие.

Вслед за песней, вслед за ветром
Всё ходил я, как во сне.
После, после, дорогая,
Родина приснилась мне.

Диво, до чего прекрасной
Родина во сне была,
А проснулся, пригляделся —
Жизнь мне стала не мила.

Изболелось мое сердце,
Изболелось до того,
Что ему уж не поможешь —
Нет лекарства для него.

Был я в доме младшим сыном —
Не досталось мне земли,
И по бедности на школу
Дать мне денег не смогли.

С детства я ходил за стадом,
Вслед за ветром полевым,
Вслед за ветром, вслед за песней,
Вслед за говором лесным.

Был наш хутор беден-беден,
Был наш дом убог и мал.
Много я слышал насмешек,
Мало книжек я читал.

Не учил я в школе счета,
Тайны чисел не постиг.
И со всеми без расчета
Говорил я напрямик.

Не кривил душой я — ты ведь
Не кривила никогда.
Не умел я пресмыкаться —
Ты всегда была горда.

Я мечтал, мечтал запоем,
Как любой другой пастух.
Пастухи — народ досужий,
Круглый день у них досуг.

Мы обкашивали кочки,
Чтоб сенца к зиме скопить...

Мы бы продали свой хутор,
Да ведь некому купить.

Помню я отцовский хутор,
Тот, что не достался нам,
Тот, что милостивый барин
Хитростью прибрал к рукам.

За него в лесу дремучем
Нам полоску отвели,
Да согнал нас барин снова,
Пожалел и той земли!

Плакала ты, дорогая, —
Мол, куда с детьми пойду.
Видел я твою кручину,
Видел я твою беду.

Но не мог я долго-долго
Увидать страны родной.
Что за радость любоваться
Нищему самим собой?

О возвышенном, о звездах
Промечтал я столько лет...
Только об отчизне милой
Я еще не думал, нет.

Но, как мать мою мужичкой
Кто-то обозвал, во мне,
В сердце у меня, проснулось
Чувство кровное к стране!

Поздно-поздно из тумана
Выбрался я на простор.
Поздно-поздно я увидел
Запустенье и разор.

Из столетия в столетье
Через нашу родину
Перекатывались волны,
Унося всё лучшее.

Родина моя, как сам я,
Так и ты бедным-бедна.
Разве что бедой и горем
Вдоволь ты оделена.

<1908>

ЛИЦО

Морщинки
У рта землистого,
Спокойствие
Взгляда чистого.

Простое лицо,
Правдивое,
Печальное,
Молчаливое.

Правдивое
И землистое,
Открытое
И лучистое.

То матушка,
Мать любимая,
Единственная,
Родимая!

<1908>

РОДИЧИ

Родичи свадьбы играют,
Родичи замуж выходят,
Замуж выходят и женятся,
Справляют поминки и крестины,
А я про то и не ведаю...

Нету кумовьев у бедного,
Свояков нет у несчастного,
У гонимого — родни.

У золота родичи знатные,
У серебра свояки степенные,
У меди и то родня радушная,
У денег друзей тьма-тьмушая,
У бумажника полным-полно приятелей.

Бедного и видеть-то не видят:
Если на порог его пустят,
Так в угол ткнут и забудут.
Тарелку подадут ему помельче,
Вилку подадут пощербатей,
На телегу взять и не подумают,
На сани и звать-то не станут.

За стол садится бедный больно рано,
За стол садится бедный больно часто —
Встал и сел, будто зимнее солнце.
Работы у бедного чуточку,
Оттого-то он такой и толстый!

1908

* * *

Кто там бродит по лужайке,
Кто там на дворе смеется,
У поленницы вздыхает
И в окно мое стучится?
Ты, весна, явилась? Здравствуй!

А она идет хозяйкой
И глядит, как в синих лужах
Облака плывут и тают,
Слушает ручьев журчанье
И веселый звон сосулк —
Падают они с карнизов...

Октябрь 1908

ЭЛЛИН И ПЕРС

Перс повстречался с эллином в пустыне.
Тот был отвергнут родиной постылой.

«Несчастный! Ты согражданами изгнан,
Так войско шаха приведи в отчизну!»

— «Помочь врагам? Принять от них награду?
Продать за слиток золота Элладу?»

Нет, чужестранец! Путь мой чист и целен.
Я жил как эллин и умру как эллин».

Октябрь 1908

ДЕТИ ВАНЕМУЙНЕ

Песни-песни, дети Ванемуйне,
Бедные, усталые слова,
О искусство родины, ты в путях
По стране бредешь едва-едва.

Над тобой смеются иноземцы,
Над тобой смеются холуи...
Родина, в моем скорбящем сердце
Песни безысходные твои.

Вам по жизни выдался суровый,
Невеселый и нелегкий путь.
Словно вы на родине сиротки,
Не дает вам бедность отдохнуть.

Пусть надменный тешится над вами —
Вы идете, надо вам идти!
А земля усыпана шипами,
Путь тернист, и горе впереди...

Ноябрь 1908

НИЩИЙ

Всех тех, кто благородный вкус
К добру не потерял,
Благотворительный союз
Созвал сегодня в зал.

Туда проник один бедняк...
Сейчас едва-едва
Унес он ноги от собак,
А тут — ну и слова:

«Все братья нам в людской семье»,
И «добрые дела»,
И «че-ло-ве-ко-лю-би-е»,
И «господу хвала»!

С усмешкой он уходит прочь,
Чтоб странствовать опять...
Мороз да голод день и ночь
Велят ему шагать.

Дома он видит, но туда
Не пустят на ночлег:
Никто не сжалятся, когда
Так жалок человек.

«Не знаем сами, — говорят, —
Как выкрутиться тут...»
Твердят: «Ведь есть же надпись, брат,
Что здесь не подают!»

Ворчат: «И без тебя забот
Хватает у купца!»
Кричат: «И так который год,
Как я кормлю отца!»

Тот брату задолжал за дом
И землю тысяч пять,
Другому все должны кругом,
Но как с них, подлых, взять.

И каждый жалобами сыт,
На оба уха туг,
И только в сторону глядит,
Чтоб не смягчиться вдруг.

Не то что в дом, а на порог
Не пустят нипочем...
И вот бедняк почти без ног
Идет своим путем.

И вот лачугу, а не дом
Он видит, где живет
Вконец измученный трудом,
Отверженный народ.

«Добро и совесть? Что ж, о них
Мы слыхивали, друг...
Да только о вещах таких
Нам думать недосуг...»

Вот — черный хлеб, а вот — вода!
Коль нашею едой
Не брезгаешь, садись сюда —
Поделится с тобой».

1908

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Мать над люлькой пела колыбельную...
Пела что-то жалобное, грустное,
Пела маленькому что-то грустное.

Неужели пела что-то грустное?
Вот какая глупая! Ведь грустное
Вредно слушать малому ребеночку!

Мать над люлькой пела колыбельную,
Пела что-то жалобное, грустное,
Душу изливала в колыбельной:

О людской судьбе, о белом свете,
О любви и о великой муке
Пела маленькому несмышленишу.

1908

О ТЫ, ГОНИМОЕ И ЗАБЫТОЕ...

О ты, гонимое и забытое,
О ты, ядовитой желчью облитое,
О ты, ослиным копытом битое
Эстонское искусство!

Зачем ослу эстонский язык?
Он и так во всем разбирается.
Он, критик великий, разинет пасть
И веско произнесет: и-а-а-а!
Зачем ослу во что-то вникать,
Когда, мол, вник он в эстонский дух?
Он знай критикует копытом!

1908 (?)

ЛЕГЧЕ РАЗРУШИТЬ СКАЛЫ

Легче скалу разрушить
И в непогоду выстоять,
Легче горы раздвинуть,
Чем совесть иметь нечистую.

И что ты ни делай в жизни —
Тело спасай или душу, —
Земля к тебе равнодушна,
Солнце к тебе равнодушно.

Только грызущая совесть
Не дает ни сна ни покоя.
Живешь ты в вечном смятении,
А она — как тень за тобою.

<1909>

ПОТОЛОК В НАШЕМ ДОМЕ ЧЕРЕН

Потолок в нашем доме черен,
Он задымлен давно.
Там сажа и паутина,
Сверчков, тараканов полно.

Рассказывать он не станет
Про то, что видал, никому,
И только безмолвные тени
Порой пробегут по нему.

Так много он видел горя,
Так много слез и тревог,
Такие раздоры и муки, —
Прости и помилуй, бог!

Черны потолки в нашем доме,
И время наше черно:
Томясь в кандалах железных,
Безмолвно страдает оно.

<1909>

ВОЛНЫ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Ты спишь, мужичок, всё спишь ты,
Всё спишь ты крепким сном,
А мы в твой забытый берег
Всё бьем, и бьем, и бьем.

Ты спишь, мужичок, всё спишь ты,
Всё спишь на краю скалы.
Всё глубже в руки и в ноги
Врезаются кандалы.

Ты спишь, мужичок, всё спишь ты,
Всё спишь ты крепким сном,
А мы в твой забытый берег
Всё бьем, и бьем, и бьем.

<1909>

БОЛЬНОЙ

Лед на сердце мне положен,
Я — в горячке, я — больной,
В сердце — жар, в мозгу — тревога,
Дума о стране родной.

Мне помочь хотят родные
И кладут на сердце лед,
Но горячки, но тревоги
Лед холодный не уймет.

Если бы могли ледышки
Это пламя потушить,
Исцелить от этой боли,
Так не стоило бы жить.

<1909>

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Моя дорогая Эстония,
Родина, в цепи закованная,
Ты любовь моя тайная,
Заветная, да незаконная.

Злые крикливые недруги
Правят нашей судьбой,
Следят, чтоб свиданий не было
Даже в мыслях с тобой.

<1909>

КТО ХОЧЕТ ПРАВИТЬСЯ...

Кто хочет правиться, тот всегда,
Подумав «нет», отвечает «да».
Наденут оковы? Что ж, не беда!
Ведь это же сущая ерунда!

Желанья других для него закон:
Пускай он горестью сокрушен,

Но чуть послышится денет звон,
Как, слезы скрыв, улыбнется он.

Кто верен себе, своему уму,
Тот смерти назло и назло всему
Не тщится нравиться никому,
Другие спешат угодить ему.

Недаром душа его так молода —
Он против нее не пойдет никогда,
И всем, коль его не сомнет беда,
Докажет, что смелость берет города.

<1909>

МОРЕ

Колышется желтое море
И гонит волну за волной,
Шумит у родного порога
Его неумолчный прибой.

Волнуется желтое море,
Колышутся волны ржи,
Их солнце горячее греет,
И ветер в колосьях шуршит.

И мне суждено это поле
Засеять, убрать и вспахать.
Здесь дом мой. Стоят у порога
Отец, и сестра, и мать.

Родное бескрайнее поле,
Колосьев стена золотых,
Эстонское синее небо. . .
Здесь родина предков моих.

Эстонское солнце сияет,
Эстонский закат надо мной. . .
Колышется желтое поле,
Шумит, словно море, волной.

<1909>

ВЕРЕСК

О вереск, мой родной цветок!
В полях осенних — стужа,
С душой усталою бредешь, —
И только ты еще цветешь,
Родной цветок!

О вереск, мой родной цветок!
Душа горит осенним днем:
Там — скорбь, любовь и смерть кругом...
Ты смотришь розовым глазком,
Родной цветок!

О вереск, мой родной цветок!
Покоя сердцем жажду я:
Меня в вечерние края
Зовет, влечет краса твоя,
Родной цветок!

<1909>

МОРОЗ

Трещит от холода сосна,
Во сне поскрильвает ель...
Багрово-красная заря
Выглядывает из-за туч,
И пар седой морозно жгуч!
Всё тихо в чаще снеговой,
Лишь раздаётся волчий вой,
Лишь лоси горестно мычат
И ждут, когда пойдет на спад
Ночной, всё крепнувший мороз,
Когда займется новый день...

<1909>

ЗИМНЯЯ СИНИЦА

Птичка сидит за моим окном
В белой манишке с желтым брюшком.
То поколдует она над зерном,

То сквозь окошко заглянет в дом
Птичка-синичка с желтым брюшком.

Стужей повеяло с белых полей,
Стало на воле еще холодней. . .
— Как одиноко синице моей! —
Так я подумал, но вижу: с ветвей —
Фьють! — и спорхнула подруженька к ней.

Вон они вместе куда-то летят,
Их проводил мой завистливый взгляд,
Вот ведь счастливицы — вместе летят,
И холода их ничуть не страшат,
Вместе куда-то спешат.

<1909>

С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ

С тобой я — лодка на бурной стремнине,
С тобой я — пальма в безводной пустыне.
Лодчонку вот-вот опрокинет волной,
А пальму погубит нещадный зной.
Я — куст придорожный, надломленный выугой,
Я — вихрем разрушенная лачуга.

Без тебя я — как ночь бесконечная эта,
Утро без солнца, рассвет без света.
Без тебя я — небо без синевы,
Без тебя я — дерево без листвы,
Без тебя я — весна без весенней травы,
Без тебя я — туман над болотом стоячим,
Без тебя становлюсь я глазом незрячим.

Без тебя я, отчизна, — бессонная ночь,
Без тебя никакая работа невмочь,
Без тебя я — беспомощность и бесплодье,
Существо, неведомое природе.

Я, несчастный, с тобою живу, скорбя,
Но еще я несчастнее без тебя!

<1909>

ЦЫГАНОЧКА

Я — дочь цыган, я весь мир обошла,
Но нет нигде у меня угла.
Есть мониста и жемчуга,
Но хлеба нет у меня ни куска.

Нету ни родины, ни родных,
Но в черных косах моих смоляных
Сверкает жемчуг и прячутся вши:
Я так хороша, хоть картину пиши!

Меня прославляют песня и стих —
Двое бездомных дружков моих,
Двое таких же, как я, цыган, —
У этих тоже пустой карман!

<1909>

* * *

Девушку так любил я,
Она же — ни да ни нет.
Сказать ей нечего было —
Молчала она в ответ.

Родину так любил я,
Не отвечала она.
Сказать ей нечего было —
Вечная тишина!..

<1910>

СОБАКА

Весь день она, неуемная,
Пронянчилась со щенками,
Но ночь наступила темная,
И всех утопили в яме.

А утром она по-прежнему
Хозяина охраняла,
И льнула к нему по-прежнему,
И нежно хвостом виляла.

<1910>

МАТЬ И ДОЧЬ

Мать присела возле печки
И, согнувшись, греет спину,
Дочь у зеркала хлопочет,
Наряжается поспешно,
Шелк и ленты поправляет.

Мать посматривает косо:
«Ишь, на месте не сидится,
Или дела дома нету?
Не учишь ты у жеманниц —
Разве я была такая!»

— «Брось ты, матушка, браниться,
Пролетят года, как птицы,
Буду я сидеть у печки,
Наряжаться будет дочка,
Перед зеркалом вертеться,
Поправляя шелк и ленты.

И тогда скажу я дочке:
Только дурочки способны
Вешаться парням на шею.
Ах ты глупая девчонка,
Что на месте не сидится?
Разве я была такая!»

<1910>

ГОРЕ

Горе тихую песенку мне поет,
Слово к слову петельки вьет.
Мягко стелешь ты, горе, постель,

А поспишь — не собрать костей.
Мягко стелешь, да жестко спать...

Просыпаюсь я утром и в лес иду,
Чтоб забыть свое горе-беду.
А оно, как охотник с капканом, за мной.
Повернусь — стоит за спиной.
Снова выследило меня...

Здравствуй, милое, мой неотлучный друг,
Ждешь меня, как муху паук?
Всё высматриваешь да странно молчишь,
Прямо в сердце мое глядишь,
Чтоб оно не забыло тебя?

Лучше, горе мое, во дворцы иди,
Там на золото погляди,
Там на бархате посиди...
Что молчишь ты? Ступай! Вот бог, вот порог!
Что ты просишь хлеба кусок?
Нет ни крошечки у меня...

<1911>

ЕЛОЧКА

Елочка зеленая
В садике стоит,
Елочка-малютка
Изо мха глядит.

Меж корней — улитки,
На коре — жуки,
Ползают букашки,
Бродят пауки.

Собрались, сбежались
У ее корней,
Будут вместе зиму
Зимовать под ней.

Дружная семейка,
Что и говорить.
Мне бы к ним спуститься
Да под елкой жить.

1911 (?)

* * *

Вечер холоден и чуток,
Почки мерзлые скрипят,
И сухой травы шуршанье —
Словно музыки звучанье.

Тишина легла на поле,
Из леса крадется ночь,
В тишине застыли тучи, —
Всё тоскливо ждет зимы.

Слушай! Из далекой дали
Вдруг несется слабый шум:
«Я иду — меня вы ждали —
Я иду, иду, спешу.

Знайте, ваше нетерпенье
И в моей стучит груди.
Я иду в метельном пеньи,
Мой глашатай впереди».

1911 (?)

* * *

Нет, не каждому счастье выпало
Ясно видеть,
Нет, не каждому счастье выпало
Ясно слышать,
И любить тебя всей душой,
И страдать с тобой,
Край родной!

ДИАЛОГ

«Родина моя могуча,
И народ ее велик,
В мире нет народа лучше,
Нет обширнее земли!»

— «А у нас малы пространства,
Мал народ страны моей,
Только нет его прекрасней,
Только нет земли милей...»

* * *

Для римлян,
Для греков,
Для галлов,
Для наций любых и времен
Есть горький,
Суровый,
Великий,
Неумолимый закон:
Пусть сильные сильными были,
Но если бессильных давили,
Душили сопротивление
И в боги себя возводили, —
Тогда
Наступало падение.

ВРЕМЯ

Можешь от злости кусать кулаки,
А всё же не прыгнешь выше башки,
И потому занятье пустое —
Сравнивать нынешнее и былое.
Да разве мы можем решить вопрос,
Что лучше: шекло или мороз?

Пускай ты вдвое богаче станешь,
А всё же вдвойне на весах не потянешь.
Плоха ль, хороша ль эпоха твоя,
Но частица — целому не судья;
Пусть время решает, хорош ли я!

* * *

Яблони розовый цвет,
Тайной какой ты одет?
Что ты смеешься, заря?
Милая, знаешь ли ты
Думы мои и мечты?

ЛАСТОЧКА

«Ласточка, где ты нашла свои песни?»
— «Под небом просторным и голубым,
Под солнцем весенним и золотым,
Я в долине их нашла,
На крестьянской злой земле,
На голодном сиротском столе».

У МЕНЯ НЕ СПРАШИВАЙТЕ ПЕСЕН...

У меня не спрашивайте песен,
Замурован я в своем углу.
Ничего не ждите больше,
При себе оставьте похвалу.

Я один. И страшен этот холод,
Он берет в смертельные тиски,
Он по каплям силы выжимает,
Никуда не деться от тоски,

От тоски по людям и по жизни,
Что проходит где-то за стеной...
Я хочу смотреть, смеяться, слушать,
Я хочу, чтоб спорили со мной!

Но давно нет силы выйти к людям,
Не порвать холодных тяжких пут.
Дни идут, и смерть моя всё ближе,
С нею все желания умрут.

Так простите бедного, больного,
Приютите, люди, вы его.
Он вам только хлопоты доставил,
Не сумев достигнуть ничего.

ТРУДНО

Трудно поднять целину и засеять,
Дебри расчистить...
Но доброе семя
В душах посеять — трудней.

Много на ниве той пролито поту.
Прожита жизнь, и за эту работу
Черствая корочка нам.

Если не сдался, с поста не ушел ты, —
Значит, не даром труд этот тяжелый:
Знай, ты приблизил рассвет!

* * *

Настанет утро — хищный волк не тронет,
Медведь не съест, гадюка не ужалит...
Настанет утро — мы права получим,
Не только словом будет честь эстонца.

ЧАЮЩИЕ

Лиса из-за куста глядит на лошадь:
Полакомиться бы ее губой!
Глядит бедняк на барские угоды:
Ах, вот бы мне участочек такой!
А барин стать шталмейстером мечтает
У князя — выдающаяся роль!
И чаёт князь, что на его охоту
Пожалует однажды сам король.

ПЕЧАТЬ

К печати свой у всех подход:
Кто публикует враки,
Чтоб увеличить свой доход,
А кто последний грош кладет,
Мечтая просветить народ,
Живущий в полном мраке.

СЛОВО И МЕЧ

Сделайся властью верховной, речь!
Стань ее первой опорой, меч, —
Будь ей покорен и не перечь!

РИФМЫ

Рифмы богатых — веселый звон,
Рифмы бедных — печальный стон.

СТРЕМЛЕНИЕ К СОВЕРШЕНСТВУ

На песни и повести ставя заплаты,
Работы не мог завершить никогда ты,
Чинил и латал ее в поте лица.

Таков же удел и у бога-творца:
Наш мир он никак не оставит в покое,
Меняет одно, поправляет другое,
И этой работе не видно конца.

ЖВАЧНЫЕ

Не только овцы и козы —
Жвачные,
Но и философы-анахореты,
А самые крупные жвачные —
Это газеты.

ЗАПОЗДАЛАЯ СМЕЛОСТЬ

Трусливые себя жалеют
И попусту не тратят сил,
А если вдруг и осмелеют,
Так поздно: пыл уже остыл.
Они хоть в воду головою,
Они хоть вплавь! Но дело в том,
Что покрываются зимою
И реки, и озера льдом.

ДОБРО И ДОБРО

Одним бы творить
И творить добро,
Другим бы копить
И копить добро.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

Хоть все ослы дружат с ослами,
Нельзя считать их дураками:
Ведь странно, будучи ослом,
Водить компанию со львом.

РОДИЦА — ОДНА

Не уступай, не отдавай
Отчизны дорогой!
Коль ты ее утратишь, знай:
Не обретешь другой!

СМЫСЛ НАУКИ

Нет, не из жадности к деньгам,
А ради знаний следует учиться.
Не полагается молиться
Одновременно двум богам.

ПОСЕВ ЧУВСТВА

Зима и снег придут на смену зною —
Страсть будет разумом охлаждена,
Но выживут под снежной пеленою
Посеянные летом семена.

ДВА СОМНЕНИЯ

С сомненья начинаются исканья,
Оно — источник всякого познания.
Пускай сомненье удлиняет путь,
Но лишь оно дает хоть что-нибудь.

Когда же ты раздавлен невезеньем
(Ни сил, ни веры, ни надежды нет)
И всё вокруг отравлено сомненьем, —
Тогда оно страшнейшее из бед.

КАФТАН

— А твой кафтан мне в самый раз —
Ты должен с ним расстаться.
— Позволь, ведь холодно сейчас...
— Но-но! Не бунтоваться!

С КАННЕЛЕМ И С МЬЧОМ

Возводит стены наш народ,
Повесив каннель за плечом.
Коль нас разгневать, каннель тот
Становится мечом.

ГОРДОСТЬ И ГОРДЫНЯ

На гордость человек имеет право,
А вот гордыня для него — отрава.

НЕГР В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЕВРОПЕЙЦА

Закованный негр — это жалкая тварь,
Бунтующий негр — это злобная тварь,
В любом обличье — он только тварь.

РОДНОЕ СЛОВО

Уж если взялись так сурово
Искоренять родное слово,
Так взялись бы и за цыплят —
Пусть по-цыплячьи не пищат.

ВОДКА

1

Моментом водка заарканит
Любого, кто скотиной станет.

2

Из льяниц кровь сосет кабак,
Как из уснувших — вурдалак.
Упырь напьется и — за куст,
А спящий — высосан и пуст.

Мужичок отяжелел,
 А бочонок опустел:
 Коль пуст он — дремлет мужичок,
 Коль полон — лезет в кошелек.

Источенное деревце не вынесет ненастья,
 Испорченное сердце не вынесет несчастья.
 Из-за вина понес ты двойной убыток разом:
 Сгорело в винном пламени и всё добро, и разум.

И ни гроша не сыщешь ты в своей кошельке дырявой,
 А кровь твоя насыщена тяжелою отравой.
 Ты больше плыть не в силах наперерез потоку, —
 Не проще ли поддаться привычному пороку?

АННА ХААВА

КОЙДУЛЕ

Благоухающий цветок,
Ты жил, блистающий и чистый,
И даже свет зари не мог
Затмить твой блеск, такой лучистый.

Зачем же ты теперь погас?
Свободы пир настал в отчизне.
Зачем же ты в счастливый час
Ушел, подкошенный, из жизни?

И муза реет над страной,
И трауром повита лира —
Ведь нет сестры ее родной,
Ведь Койдула ушла из мира.

Погасла жизнь. . . Но песен свет,
Огонь души живет, тревожит,
Летит в грядущее, и нет
Наследства этого дороже!

Отчизны дорогая дочь,
Не вечен сон в могильной сени:
Придет, разгонит смерти ночь
Луч света, память поколений!

1886

ЛЕСНОЙ ЦВЕТОК

1

Я средь вереска росла,
На груди у мхов спала,
Вешний дождь меня растил,
Росный вечер охладил:
Я — лесной цветок!

Глянул солнца красный глаз,
Засиял весь лес у нас:
Ветерок качнул листки,
И раскрыла лепестки
Я — лесной цветок!

2

Слух пошел по лесу вдаль,
Что в глазах моих — печаль.
Не могла я ликовать
Или грустно напевать:
Я — лесной цветок!

Если б осень вдруг пришла,
Я во мхах бы умерла!
Не могу я ликовать
Или грустно напевать:
Я — лесной цветок!

<1888>

МОГУ

Меня не бойся, милый,
Спокойно век живи —
Я никогда не стану
Просить твоей любви.

Коль встретимся случайно,
Спокойно я пройду,

И гляну равнодушно,
И глаз не отведу.

А берега достигнуть
Могу и без тебя...
Одной любви из сердца
Не в силах вырвать я.

<1888>

АХ, ЕСЛИ БЫ...

Ах, если бы все звезды
Собрать мне с высоты
И у зари морозной
Занять мне красоты!..

Всё лучшее на свете
Соединив, любя,
Короновала б этим
Тебя, мой друг, тебя.

<1888>

НАШ МИХКЕЛЬ

Размечтался о подруге
Михкель прошлою зимой,
Но из всех девиц в округе
Он не выбрал ни одной.

В позапрошлом, между прочим,
Дело шло почти на лад...
Да вскочили цены очень...
Разве Михкель виноват?

Перед тем иное горе —
Так и этак не везло:
То одно, а то другое,
Строил баню, как назло!..

Так-то вот проходят годы.
Стал наш Михкель седоват.
Вновь зимой к нему заходит
Понапрасну добрый сват.

«Михкель, Михкель, до могилы,
Знать, ты будешь женихом...
Никогда подружке милой
Не войти в твой старый дом».

<1888>

«УМНИК»

«Умному пошел бы впрок
Этот славный хуторок!
За хозяйской дочкой дело.
К ней посватаюсь умело,
Хутор даст отец за ней, —
Сразу стану богатей!..»

Так пройдоха
Строил план.

От дрически до сапог
Прилизался женишок,
Приготовил речь о страсти:
Одному, мол, жить — несчастье,
Сделал нежное лицо
И — к невесте на крыльцо.

Птички пели:
«Вот хитрец!»

Встал пред нею — вот он я!
«Слушай, милочка моя,
Если б я владел страной,
Ты ж была бы сиротою, —
Я б твоей руки просил.
Без тебя мне свет не мил!»

Только ей-то
Ясно всё!

Говорит: «Ты сущий клад!
Никаких нам нет преград.
Подходящий час ты выбрал —
Злой отец из дома выгнал
И лишил меня всего...
Я не слушалась его.

Ни гроша нет
У меня...»

Растерялся наш мудрец:
«Как же так?.. За что?..» — «Отец,
Дочь родную не жалея,
Старикашке-богатею
Обещал отдать меня...
Но уйду с тобою я!»

Он подумал:
«Вот так-так!»

В сердце горечь, в теле дрожь,
Но пропел он сладко: «Что ж,
Так еще ты мне милее...»
Сам же — к двери поскорее:
«Будь здорова, мне пора...
Завтра загляну с утра».

Жадный, жалкий
Дуралей!

Стала девушка грустна.
Говорит отцу она:
«Прочь возьми богатства эти —
С ними счастья нет на свете,
Ложь они приводят в дом,
Жадность вертится кругом...»

Вот какая
Тут любовь!..»

<1888>

РОДНОЙ ЯЗЫК

Ты, родной язык, чудесен,
Ты звучишь со всех сторон,
Ты душе народной дорог,
Словно колокола звон.

Власть твоя границ не знает —
Ты и радость, ты и грусть,
Мы всегда в тебе находим
Буйство мыслей, нежность чувств.

Я твоей расслышать долго
Не умела красоты...
Каюсь, — немощным и грубым
В детстве мне казался ты.

А когда ты мне открылся —
Засверкал в моем саду,
Что сулили мне? Насмешки,
Непризнанье и вражду!..

Расцветай же дивным дивом,
Пробуждайся ото сна!
Зимовал ты слишком долго,
Но пришла твоя весна.

Мы взрастим тебя для счастья,
Для Эстонии родной.
Ты в грядущем засияешь
Над родимую страной.

Ты — Эстонии надежда,
Разум солнечный ее.
Ведь в тебя вложили эсты
Сердце вольное свое!

<1888>

ОТЧИЙ ДОМ

Словно в детстве сновиденья,
Тени в памяти встают.
Вспоминаю каждый день я
Дома отчего уют.

В нем моя качалась зыбка...
Как он дорог — отчий дом!
Озаряло там улыбкой
Солнце, лес, холмы и дол.

На реке — волны сверканье,
Отражение берез,
Белых лилий колыханье...
Сад в осинах... Гнезда ос...

Вижу ели... Липы вижу...
К ним прислушиваюсь я...
Подошла чуть-чуть поближе —
Испугала соловья.

А потом, зимою снежной,
Помню, сидя у огня,
Долгой сказкою потешной
Тешит матушка меня...

Где они — и лес, и поле?
Где они — река и сад?
Лишь одно поныне помню:
Там мои родные спят...

<1888>

ПЕСЕНКА

Песенка,
Взвейся-ка,
Стань счастливым вестником!
К милому лети, велью,
Объяви ему: «Люблю».

Песенка,
Взвейся-ка,
Стань счастливым вестником!
Пусть услышит он во сне,
Как любим, как дорог мне.

Песенка,
Взвейся-ка,
Стань счастливым вестником!
Передай ему привет,
Охрани его от бед.

<1889>

* * *

Принеси мне, мой любимый,
Алых цветиков с долин!
Знаю, осенью их мало, —
Принеси же хоть один!

Отыщи цветочек в поле,
Чтоб на память подарить...
Всей душой тебя за это
Буду я благодарить!

<1889>

* * *

Не могу я жить без песен:
Если я умолкну вдруг, —
Мир без песен станет тесен,
Оборвется сердца стук.

Я хочу как можно тише
Петь, звеня струной тугой,
Чтобы песню не услышал
Ты, мой самый дорогой!

Если ж каннеля раскаты
Долетят к тебе во сне,
Сам ты будешь виноватым:
Почему так дорог мне!

<1890>

* * *

Как беззаветно любила я!
Как он шептал: «Моя милая!»
Красивее ангела был мой жених.
Об этом не скажут ни песня, ни стих.

Дни пролетели прекрасные,
Солнце померкнуло ясное.
Я думала, счастье настало навек,
Но лето промчалось, и падает снег.

Как беззаветно любила я,
Как он шептал: «Моя милая!»
Но смерть отняла жениха моего,
Теперь мое сердце навеки мертво.

<1890>

КОГДА ВЫНАЛ ПЕРВЫЙ СНЕГ

«Поздравляю с первым снегом!» —
Он сказал, входя в наш дом...
(Мачеха мне подмигнула,
Нас оставила вдвоем.)

Подошел ко мне он ближе,
Разговор завел со мной.
(Мачеха чулок вязала
Рядом, в комнате другой.)

«Не пройтись ли нам на лыжах?» —
Пригласил он вдруг меня...

(Мачеха тут стала кашлять.)
«С кем пойдем?» — спросила я.

— «С кем?.. Да только мы с тобою... —
И внезапно смолк... — Ну, что ж... —
На меня взглянул с укором. —
Видно, ты кого-то ждешь?!.»

И ушел... А я осталась...
Я ж признаться не могла,
Что на край земли без страха
С ним одним бы я пошла.

<1890>

НЕВЕСТА РЫБАКА

Славный мой жених таков —
Он рыбак из рыбаков,
На баркас его и сеть
Любо-дорого глядеть.

Сердцем нежен милый мой.
А певец-то он какой!
Над простором синих вод
Песня милого плывет.

И красив, и строен он,
Борода его как лен,
Руки милого сильны,
Паруса ему верны.

Я молчу про жениха.
Да и он молчит пока...
Потому что, так сказать,
Людам рано это знать.

<1890>

Анна Хаави

ОДИН ЛИШЬ РАЗ ЛЮБОВЬ БЫВАЕТ

Один лишь раз любовь бывает,
Лишь раз на жизненном пути:
Когда расцвел цветок чудесный,
То вновь ему не расцвести.

И та любовь, что, угасая,
Из нашей памяти ушла
И новой место уступила, —
Та и любовью не была.

Один лишь раз любовь бывает,
До смертных дней — один лишь раз!
Так предначертано законом
Большой любви, живущей в нас!

<1890>

ПОТОМУ

Один восторгался глазами,
Другой — красотою волос,
Певучему голосу третий
Свое восхищенье принес...

А он не сказал мне ни разу
О том, что глаза хороши,
Веселый мой нрав не отметил
И голос хвалить не спешил.

Назвал меня просто — любимой,
Не знаю почему...
И потому я сразу
Поверила ему.

<1890>

ТВОЯ БАБУШКА

Бабка добрая, седая
Так приветлива, мила,
Для твоих годов ребячьих
Теплым солнышком была.

Поучала, ободряла,
Нежно, ласково любя,
И рукою по головке
Тихо гладила тебя.

Добрых глаз ее сиянье
Твой захватывало дух;
Ликовал и тел от счастья
В поле маленький пастух.

Крепко спит она в могиле,
Но с тобою и сейчас
Дорогой старушки образ,
Огонек лучистых глаз.

Над ее могилой грустной
Пусть горит иванов цвет,
Пусть сияет над могилой
Звезд и солнца вечный свет!

<1892>

* * *

Не примчатся вместе с ветром
Песни вольные слова
И не выпорхнут, как птицы,
Из цветного рукава.

Песня — пламенная правда,
Кровь из сердца твоего:
Вот об этом петь ты *должен*,
Не жалея ничего!

<1894>

ТЫНУ ХОТЕЛ ПЕТЬ БАСОМ

Тыну петь задумал басом,
И притом таким густым,
Чтоб сбегалась вся округа,
Чтоб склонялись все пред ним.

Тут, представьте, оказалось —
Тыну баса не имел.
Он хотел быть первым басом...
Что с того, что он хотел?!

Только Тыну не смутился:
«Значит, тенором спою!
Я, конечно, буду первым,
Главным тенором в краю».

Тут, гляди, опять загвоздка —
Тенор тоже не идет...
И к тому же так выходит,
Что мотив совсем не тот.

«Ладно, — Тыну рассуждает, —
Бас и тенор — просто вздор,
Их никто и не услышит,
Если песню грянет хор».

Тыну тенор презирает,
Баса он не признает...
У соседа взял гармошку —
Всей деревне слух дерет.

Он играл, играл и... бросил.
Людам есть о чем жалеть,
Так как, все начав сначала,
Тыну басом будет петь.

<1894>

ПТИЦЫ СПЯТ

Птицы спят в цветах,
Спят цветы в кустах,
Спит в лесу сосна...
Я одна — без сна.

День напрасно я
Прождала тебя...
Тьма сменила свет,
А тебя всё нет.

Может, ты не смог
Пересечь поток?
Ветер где-нибудь
Преградил твой путь?..

Птицы спят в кустах.
Спят кусты в лесах,
Шелестя во сне...
Ах!.. Заснуть бы мне!..

<1897>

В ДРЕМУЧЕМ РУССКОМ БОРУ

1

Есть в русском бору непроглядном
Поляна в глубине.
Весной, как в раю, расцветают
Цветы в ее тишине.

На ней, в берегах заросших,
Спокойна и глубока,
Дробя отраженья деревьев,
Течет лесная река.

Там так соловьи ликуют,
Что замирает душа,
И ветви под утренним ветром
Качаются, чуть шурша.

Но, как бы тебе ни хотелось,
Ты не ходи туда —
Река чересчур спокойна,
И слишком свежа вода.

Да, так глубока эта речка
И так огромен покой,
Что сердце твое невольно
Томится смутной тоской.

2

В том русском бору непроглядном,
Холодную зимой,
В наряде своем белоснежном
Поляна спит под луной.

Весь инеем разукрашен,
Бор как будто цветет,
И, как полированный мрамор,
Сверкает безмолвный лед.

В спокойном убранстве стужи,
До самых звезд вознесен,
Над всей недвижимой природой
Глубокий царствует сон.

Но вдруг в ледящую полночь
Ломает лед волна...
И снова цветут деревья,
И песня будто слышна:

«Ах, так глубока эта речка
И так огромен покой,
Что сердце твое невольно
Томится смутной тоской...»

Сюда я далекой весной
Пришла искать покой —
Родных своих схоронила,
Расстался жених со мной.

Тоска разрывала мне сердце,
Шептала: «Быть беде...»
Манила вода и сверкала,
И небо стыло в воде...

Но всё оказалось неправдой —
И небо, и покой...
Уж тысячу лет моя песня
Звучит над сонной рекой.

Вовек не дано мне увидеть
Ни солнышка, ни весны —
В холодную зимнюю полночь
Брожу я средь тишины.

И так глубока эта речка,
И так огромен покой,
Что сердце мое, как прежде,
Томится смутной тоской...»

Меж лунных, продрогших сугробов
Неясная тень видна...
Но туча луну застилает,
И снова — одна тишина.

<1897>

ТЫ ЛЕТИ, КОРОВКА БОЖЬЯ...

Ты лети, коровка божья,
Через реки, через броды,
Твои крылышки легки,
Прямо к милому лети.

У него глаза, как ночь,
А в руках он держит меч,
На утесе он стоит,
В море синее глядит.

Если спросит он чего —
Передай, что жду его,

Что до гроба буду ждать,
Нужно — дольше буду ждать.

Ну, счастливого пути,
Поскорей к нему лети.
Взгляд его — как мрак ночной,
Меч он держит золотой.

<1897>

* * *

Заря взошла на небосвод —
И в золотом рассвете
Хотелось ей увидеть всё,
Что делалось на свете.

Вот Антс на улице своей:
Березу он сажает.
Она тяжелая, но Антс
Того не замечает.

На окна дома смотрит он
Сегодня без печали.
В том доме девушка живет,
Его голубка Малле.

Хорошим был воскресный день,
И птицы щебетали,
И вечерком они вдвоем
Гуляли, Антс и Малле.

Она с любимым к алтарю
Идти была готова,
Но тут, воскликнув гневно: «Нет!»,
Сказала мать сурово:

«Я Малле выйти за тебя
Пока не разрешаю.
Сперва березку посади, —
Пусть вырастет большая».

Ах, долго дерево растет,
Особенно — березы.
И вот по белому стволу
Вчера струились слезы.

Но хитрый Антс тогда сумел
Перехитрить угрозу:
Решил он сразу посадить
Высокую березу.

<1897>

ВОТ ОНА КАКАЯ

Ленты длинные за нею
Вьются в пляске всё быстрее,
Всё быстрее, и опять
Не под силу ей молчать.

Голос нежный, серебристый,
Взгляд очей лучистый, чистый,
И она, как ни строга,
Мне всё больше дорога!

<1897>

* * *

На озере затихшем
Запламенел закат,
В лесу костры ночные
За озером горят.

И вдаль, в лесную чащу,
Старинный льется сказ,
Как прелесть летней ночи,
Как смех в счастливый час.

Туман встает всё выше,
Колышется, плывет.

Торжественно сверкает
Созвездий хоровод.

Как будто тени предков
Витают надо мной, —
Я понимаю речь их
И тихий шум лесной.

Всё это — край мой милый,
Он красотой богат...
А на заре, при солнце,
Он краше во сто крат!

<1897>

ЖДЕТ ОН...

Ждет он, ждет у вас на кухне...
Не пора ли, господа,
Пригласить язык эстонский,
Чтобы он вошел сюда?

Там, на кухне закопченной,
Он один стоит в тоске...
Господа, вы позабыли
О родимом языке.

Не пора ли скинуть маски,
Бросить жалкий маскарад?
Скоро, скоро по-эстонски
Господа заговорят.

Он спокойно ждет на кухне,
Наш отверженный язык.
Пусть лопочут по-немецки, —
Он — прекрасен и велик.

<1897>

С МЕЧОМ И КРЕСТОМ

С мечом и знаменьем креста,
С обманом — в тайниках души,
Несут к язычникам Христа
Попы, солдаты, торгаши.

Любовь и мир попы сулят,
А за попами по пятам
Спешат торговец и солдат,
Чтоб всё добро прибрать к рукам.

— Вы нам за мир и за любовь
Должны отдать свой дом и край,
За это милосердный бог
Вас после смерти пустит в рай.

Ах, не желают? Что за скот!
Ну, мы посмотрим, чья возьмет!
И вот... потеряя столам счет,
И кровь потоками течет.

Течет и время, как текло, —
Историю не прекратить.
Пускай давно свершилось зло,
Придется за него платить.

Гроза сгущается, кипит,
Европа ждет, дрожит она.
О христиане, счет обид
Должны вы оплатить сполна,

Всё, что посеяли, пожать,
Посев и добрый и дурной.
Междоусобицы пожар
Спалит ваш дом во тьме ночной.

Мир переполнила вражда,
Смещающая рубежи,
Сгорая, упадет звезда —
И чья-то оборвется жизнь.

1902

МИХКЕЛЬ И МИЙНА

Ах, Михкель, ну что ты как чурка стоишь?
Ты свататься вздумал, а чувства таишь?
В любви объясняйся своей дорогой,
Иначе невесту получит другой, —
Ах, милый ты Михкель!

Ах, Мийна, зачем словно с замкнутым ртом
Следишь, как жених говорит не о том?
Чтоб смело он стал наконец говорить,
Его ты улыбкой должна подбодрить,
Ах, милая Мийна!

Но Михкель и Мийна молчат, а потом
Заводят беседу о сем и о том,
Вдруг вспомнят погоду — и снова молчат,
И только сердца у них, бедных, стучат, —
У Михкеля с Мийной!

<1905>

* * *

Нет обители священной
Для меня, чем дом родимый —
Маленький эстонский хутор.

Сердце замирает в грусти
Каждый раз, когда я вспомню
Маленький эстонский хутор.

Я любовью там дышала,
И открыл мне счастье жизни
Маленький эстонский хутор.

Рано смерть вас поглотила,
Рано вас взяла могила,
Матушка, отец любимый.

За любовь воздать любовью
Я вам даже не успела,
Матушка, отец любимый.

Рано вас взяла могила,
Вы на кладбище лежите,
Но любовь не умирает.

Да, любовь навеки в сердце,
И она до самой смерти
Будет жить со мною вместе.

<1906>

ОТЧИЗНА МОЯ

Со лба моего на тебя струится пот трудовой,
Мне нужен лишь хлеба кусок да кровля над головой,
Отчизна моя!

О, как тяжело мне уйти от родимой земли,
Уйти на чужбину и жить одиноко вдали,
Оставив на родине всё, что волнует мне грудь,
Уж лучше бы мне под землю твоей отдохнуть,
Отчизна моя!

<1906>

ВРЕМЯ РОЖДАЕТ ГЕРОЕВ

Время рождает героев
В бурях, в смертельной борьбе!

Под стягами правды герои стоят,
За справедливость ведут они бой,
Не кровь и огонь на знаменах горят,
А пламя великое правды святой!

Уж он-то знает, мой нрав таков —
За шутку наставлю кругом синяков!»
— «Дай сердце послушать».

— «О, сердце мое, словно молот, всегда стучит:
Ведь в деле кузнечном я сызмальства знаменит...»
— «Молчи, не мешай мне!»

— «Ни разу не кашлял, одышки в помине нет.
Пожалуй, силенок мне хватит на много лет.
Когда захочу, нагоняю страх,
Я Марта разделявал в пух и прах!»
— «Давно ты болеешь?»

— «Давно ли болею? Да как вам сказать... Во рту
Немного горчило, пожалуй, в субботу в ту,
А с барином я на охоте был
И чувствую... доктор не близко жил...»
— «Лекарства ты пьешь?»

— «Да, в бане я парился — слышал, полезен пар.
Глотнул скипидару — не вылечил скипидар,
И даже эфир мне помочь не мог,
Хоть нюхал, пока не свалился с ног».
— «Бери лекарство, да пей с умом,
По чайной ложечке перед сном,
Тогда поправишься скоро».

— «Ах, доктор, доктор, спасибо вам много раз!
Погорше, покрепче — и выпью я хоть сейчас,
А сладкой водицы болезнь моя
Не испугается, как и я».

2

«Ох, доктор, ах, доктор, такая стряслась беда —
Чуть жив я сейчас, и не умер едва тогда.
Уж очень крепко ваше зелье,
Хлебнул — задохнулся с похмелья!»

— «А сколько ты пил? Не ври,
В глаза мне, больной, смотри!»

— «Ох, доктор, ах, доктор, да что я сказать могу?
Ведь вы обругаете, ежели что солгу.

На капельку больше глотнуть я хотел —
Ан, глядь, — и флакончик-то опустел!»

— «Дай руку, проверю пульс».

— «О, жилы мои крепки и сейчас,
Я силой померялся бы как раз. . .»

— «А ванны ты брать не стал?
Ведь я их тебе прописал!»

— «Да-да, прописали! Помню я, как сейчас!
И я собирался выполнить ваш приказ,

Но ванну готовить — нелегкий труд,
И я после бани — бегом на пруд».

— «Старик, ведь сейчас зима.
Ты, видно, сошел с ума!»

— «Да что вы, доктор, пустяк для меня мороз!
Кто был рыбаком, тот не то еще перенес:

Тонул я на озере Чудском,
Столько раз побывал подо льдом
И ни разу еще не умер!

Но больше, доктор, я не купаюсь зимой,
Для меня закон — ваш совет любой,

Но есть ли, скажите, — ведь мне невмочь —
Лекарство, что может еще помочь?»

<1906>

ЧЕРНИЛЬНИЦА

Жил ученый. Неплохую
Он чернильницу имел.
Но в чернильнице — представьте! —
Черт устроиться сумел.

Нечто дельное задумав,
Только примется за труд
Той чернильницы владелец —
Бес, конечно, тут как тут!

Выбирается из склянки
И впивается в перо.
А ученый разве видит?
Разглядеть чертей хитро.

И марают черт, марают
Соответственно уму.
И выходит: грязь да глупость,
Неизвестно что к чему.

А ученый и не знает,
Что под носом у него
Происходит!
Вот какое
Черти любят баловство.

Но не тут-то было! Люди
Свой на всё имеют взгляд.
«Бес в чернильницу вселился,
Не иначе», — говорят.

«Ложь! Неправда!» — отвечает
И опять строчит мудрец.
«Ну, тогда всего! Нам это
Надоело наконец!»

— «Черта нет! — кричит писатель. —
Вот послушайте, что мне
Сочинить охота! ..» Что же,
Голос канул в тишине.

И схватил писака склянку
И швырнул ее в окно.
Что же, бес погиб бесславно
Или? .. То-то и оно.

Он в чернильницу другую
Перебрался. Верь не верь.
Как же тот бедняк сумеет
С ним управиться теперь?

<1906>

КТО ТЕБЯ ЗАМУЖ ТАК ВОЗЬМЕТ

Ой, дитя мое милое, Леенеке,
Как сидишь ты, как ходишь ты!
Кто возьмет тебя замуж так?

Коль сидишь, не сиди без работы,
Коль идешь, не иди понапрасну,
Уходя — унеси,
Приходя — принеси.
Ой, дитя крещеное, Леенеке!

<1906>

ЛИКУЙ, НАРОД!

Ликуй, народ, — падут все оковы,
Бесстрашно иди навстречу судьбе!..
Чаша боли до дна испита —
Дорогу в жизнь откроют тебе.

Воскресните, родичей древних духи, —
Все, кто от тяжких мук опочил!
Волны свободы и волны света
Бушуют над скорбью ваших могил!

*Ликуй, народ! Я вижу сквозь дали:
Идешь ты, в венки и лавры увит, —
И в синих просторах земли и моря
Имя твое жар-птицей летит!*

<1906>

ЖЕНЩИНА

Я женщину вижу.
Она в ярких лохмотьях.
Ее губы горят,
А глаза — блуждают.
Я смотрю в них и вижу
Ужас пустыни,
Скрытые муки,
Голод и жажду.
О, этот взгляд!
Он сверкает, как пламя
В бездне полночной!
Женщина, слышите,
Женщина эта
Тело свое продала
И душу.
Сжальтесь над нею.
<1906>

НОВОСТИ

Вы встаете с петухами...
Вот, зашла вас навестить.
Новостей-то не слышали?
Ну, присяду, так и быть.

К Мари самый настоящий,
Слышно, сватался жених.
И непьющий, некурящий —
Нынче много ли таких?

Если б Виллем был пропойцей,
Осушал бы всё дотла,
За него б, не беспокойся,
Наша Мари не пошла.

Помяните мое слово:
В волостные изберут.
Дельный парень и толковый...
Заболталась с вами тут.
<1906>

СЕРДЦЕ ПЕВЦА

Сердце поэта должно разрываться,
Сердце поэта должно страдать,
Чтобы стихи звучали приятно,
Чтобы с охотой читали их.

Сердце поэта должно разрываться,
Сердце поэта должно страдать,
Тогда поэта похвалят щедро
За душевную теплоту.

<1906>

ОПАСНАЯ ШТУКА

Говорят,
Похитили сердце
У старого холостяка.
Приключилось это, пока
Он за город ездил проветриться.
А когда вернулся домой —
Стал совсем человек другой.
То сумрачно-хмур,
То вспылит без причин,
А то скитается лунной ночью в поле один.
Будто — подумать только! —
Пустился вновь танцевать,
Карты якобы бросил
И начал стихи читать.
Как теперь обернется дело —
Неизвестно. О сердце — ни звука...
Для такого закоренелого
Бобыля — опасная штука...
Скажешь, этакое происходит
И со старыми девами тоже?
Старых дев не бывает в природе.
Вечно девушки всех моложе.

<1906>

СТАРЫЕ И МОЛОДЫЕ

Два соседа-хозяина были в ссоре
(Всем известно, хорошего мало в раздоре,
Но уж если случится такая беда,
От нее не уйти, не сбежать никуда).

И стоял на земле своей каждый из них.
И забор разделял, как положено, их.
И вели они брань через эту границу, —
Потому и не думали остепениться,
Что семь пядей во лбу у любого.

И кратко

Говоря: не из робкого оба десятка.

Вот, излив на соседа помои обильные
Каждый выложил козыри самые сильные:

«Твой кудрявый шельмец! Что хорошего в нем?
А вот дочка моя — поискать днем с огнем,
Да на каждый палец по жениху,
А с твоим шельмцом еще быть греху!»
— «Что? Дочь твоя — золото! Это ж насмешка
Природы! Чернющая, как головешка!
Да как бы глаза у нее ни горели,
Мой сын на нее и не глянет! Съели?»

Разделенная изгородью полянка.
Бесконечная злобная перебранка.

Ну а что ж молодые?
«Кудрявый шельмец»
И с глазами горящими «золото-дочь»?
Как относятся к спору они наконец?
А они повидаться друг с другом не прочь.
А они в это время на камне сидят
И спокойно в озерные воды глядят,
И сияет им солнце, и волны блестят.

.

Как подумаю,
Кажется мне, что они
Не сердились, не спорили, вроде родни,
А скорей, у воды голубой на краю
Ощущали себя в настоящем раю!

<1906>

РОДНАЯ ЭСТОНИЯ

Что там светится в дубраве,
В золоте зари мерцает?
То — Эстония родная.
Здесь мужи — дубов могучей,
Делом сильные и словом.
Жены — с гордой красотой,
С ласковым и добрым сердцем.
Тихое, святое пламя
В очаге эстонском светит.
Здесь растут в тени росистой,
Здесь на солнце расцветают
Девы рядом с молодцами.
Собираются там силы,
И решаются там судьбы,
И грядущее куется
Там — моей родной Эстонии. . .
Что идет по всем тропинкам
И спешит по всем дорогам?
Что взлезает на пригорки
И спускается в долины?
Что там проступает в чаще
И виднеется везде?
Что болотный клин распашет?
Что большую топь осушит?
Что там брезжит, что там светит?
Это — наш эстонский труд.
Слышу злобное ворчанье —
Бесы очень недовольны:
«Нет пристанища в трясине,
Из болот покой ушел».

Царство бесов — под угрозой,
Тишина — сокрушена.

В золоте зари мерцает,
Светится в красе дубравы
Гордость родины моей,
Собираются там силы,
И решаются там судьбы,
И грядущее куется.
Скоро рухнут стены ада
Там, в Эстонии моей.

<1906>

СПЛЕТНЯ

Как огонь сухой травой,
Сплетня быстрая идет.
Зависть пламя раздувает,
Глупость жару поддает.

Любопытство поспешает
То вдогонку, то в обгон.
Правда явится — но дымом
Будет застлана кругом.

Мудрость смотрит с сожаленьем
На усердие дурных.
Вас, хорошие соседи,
Видно, нету среди них? . .

<1906>

ЕСЛИ ВСЕХ ТЕБЕ Я КРАШЕ...

«Если всех тебе я краше,
Позабудь отчизну ты,
Позабудь народ свой малый!
Взвейся в поисках мечты!

Погляди: крутые горы,
Замок чудный, золотой.
К ним неси меня на крыльях,
Храбрым будь, любимый мой.

И свою любовь и верность
Подарю лишь одному,
Ведь тебе народ, отчизна,
Право, милый, ни к чему!»

Так словесный мед цедила,
Пела девушка-краса,
И сверкали, негодуя,
Горделивые глаза.

Слушал юноша бледнея,
Не сводя с любимой глаз,
Он глядел печально, хмуро,
В сердце боль отозвалась:

«Не могу свой край покинуть,
Презирать народ родной...
Горе нам! Поймешь ты разве,
Что ты делаешь со мной!

Речь родную не забуду,
Вечно ей в душе звучать.
Высшую свою святыню
Не позорно ли топтать?

Счастья это святотатство
Нам с тобой не принесет,
Солнце ясное покинет
Нашей жизни небосвод».

О, каким сверкает гневом
Девичий прекрасный взор!
О, какую муку вызвал
В сердце юношеский спор!

Юноша расстался с милой,
Братьям он не изменил
И обрел в борьбе суровой
Ясность дум и твердость сил.

<1906>

КОРОЛЬ ЖЕНИЛСЯ НА ПЕСНЕ

Один король женился
На песне. Думал он
Украстить песней замок
И королевский трон.

Молва, он мнил, о песне
Пойдет по всей земле,
И не угаснет память
О славном короле.

И вот лакеи песню
Носили на руках,
Не смели к ней в покои
Войти печаль и страх,

Чтоб расцветала песня,
Тоску преодолев,
Чтоб радостно и чисто
Звучал ее напев.

Хотела песня крылья
Расправить — не смогла.
В покоях королевских
Ее пугала мгла.

А песне нужно солнце,
И воля ей нужна,
Нужна ей синь морская
И неба глубина.

И песня со слезами
Взмолилась: «О король,

Из замка на свободу
Вернуться мне позволь!»

И в низенькой лачуге
Она нашла приют.
И отдохнуть хотела,
Да ей не спится тут.

Живут в лачуге с нею
Болезнь и нищета.
Стоят перед глазами
Неволя и беда.

И не осталась песня
Средь горя и беды,
И унеслась на крыльях
Надежды и мечты.

Ведь песне нужно солнце,
И воля ей нужна,
Нужна ей синь морская
И неба глубина.

Что в будущее манит,
Тревожит впереди,
Несет добро и горе,
Скрывается в груди?

Сидит в душе глубоко,
И вдруг в какой-то час
Поднимет ввысь и с богом
Во всем сравниет нас?

Что это? Сила песни,
Ее орлиный взмах.
Нет, песню не упрятать
В лачугах и в дворцах!

Ни облакам, ни волнам
Приют не нужен свой,

И песне дом не нужен:
Весь мир ей — дом родной.

Ей нужно только солнце,
И воля ей нужна,
Нужна ей синь морская
И неба глубина.

Так что летит над миром
И вдруг в какой-то миг
Нас в самый рай уносит
На крыльях голубых?

<1906>

ПРАВДА

Бился Тийт, бился —
Всё даром.
Нет правды нигде.
Раскинул умом
И надумал
Правду искать в суде.
И подал прошение в суд.
Пускай его разберут.
И суд заседал и слушал,
Вникал, судил и рядил.
Да, видно, не вник, как должно,
И правды не присудил.
Но Тийта не обескуражил ответ.
«На нет, — говорит, — и суда нет».
И отправился в новый суд.

На новую тяжбу — время
И денежки тоже гони.
Но вещи всегда — чем дороже,
Тем людям милей они.
Правды добиться — труд.
Опять заседает суд.
Он заседал и слушал,
Так и этак рядил,

Да, видно, не вник (а может,
Защитник негодный был...).
Но Тийта не обескуражил ответ.
«На нет, — говорит, — и суда нет».
И отправился в третий суд.

И в третьем суде высоком,
В торжественной тишине,
Наконец сломили неправду —
Хотя еще не вполне.
(Конечно, до той минуты
Много воды утекло...)
Но солнце правды сверкнуло —
На душе у Тийта светло.
Однако
Не торопитесь.
Повыше инстанция есть.
Там правду сперва еще надо
Взвесить и точно учесть.
Тийт вздохнул и уселся
В присутствии на скамье.
Он понял: еще не скоро
Он сможет вернуться к семье.
Нелегкое дело — правда.
И, чтоб по судам ходить,
Железное нужно здоровье
И долго надобно жить.

Еще земля вокруг солнца
Сколько-то раз обошла,
И решением справедливым
По суду завершились дела.
Выслали правду в пакете.
Только Тийту теперь она
Не нужна. Да и Тийта дома
Не застали. Вот те и на...
Здесь такой не проживает.
Несомненно, как дважды два,
На том свете он обретает
Небесные права.

<1906>

В КОТОРЫЙ ЖЕ РАЗ, ПРИМЕРНО?..

Так, значит, опять твое сердце
Пылает в жарком огне?
И это яркое пламя
Ты посвящаешь мне?

И взял в свидетели небо,
И землю, и волны рек,
И сватаешь ангельской речью:
Меня полюбил «навек»!

О, эти слова так чудесны,
Так трогательно чисты...
В который же раз, примерно,
«Навек» влюбляешься ты?

<1906>

В МОГИЛЕ

В могиле темно,
Но с тобою
Ни смерть, ни тьма не страшна.
Я лишь улыбнусь,
И приду я
К тебе на грудь,
И засну.
Звезды в небе стоят на страже,
И золотому солнцу гореть.
А подуют весенние ветры —
Воскресение будут петь.

<1906>

МОЛОДЫЕ СТАРЦЫ

Кто это ходит, нахмурив брови,
С сердцем измученным и окровавленным?
Кто там слабеет в жаре пустынной,
С сердцем, в колющий иней оправленным?
Это наши молодые старцы.

Кто там, толкуя, о жизни бредит?
Смерти печать на челе унылом.
Кто там подобен теням осенним
В зелени вешней, в шелесте милом?
Это наши молодые старцы.

<1908>

ТАМ ОТЦОВСКИЙ ВСТАНЕТ ДОМ

Там, у берега, где вечно
Ударяют волны в лад,
Где леса на побережье
Сказку звучную творят;

Где светилом яснооким
Убран в золото твой дом,
Дочь-заря улыбкой нежной
Возвещает счастье в нем;

Где в часы жестокой бури
Волны рвутся к небесам
И, опять спадая к скалам,
Песнь поют о смерти там;

Где несет раскаты грома
Грозовой ночной простор,
Мореплаватель отважный
Вдаль стремится орлиный взор, —

Там пусть встанет дом отцовский,
Встанет род богатырей,
Стража западной границы
И краса страны своей.

Там, у берега, где вечно
Волны рвутся напролом,
Где леса слагают сказку, —
Пусть отцовский встанет дом.

<1908>

ТОГДА ЗАПРИ НА ЗАМОК ПЕСНИ

Скажи сначала, чтобы солнце
Всходить не смело, чтобы ветер
Не вздумал дуть! Прикажи, чтобы море
Застыло и окаменел водопад, —
Тогда запри на замок песни
И запрети плач и смех певца.

<1910>

МЫ — ДЕТИ СЕВЕРА

За нами шли звездные ночи,
И медленная луна,
И поле, и снежные рощи,
И вечная тишина.
Мы белого севера дети,
Нас двое, лишь ты да я.

В груди нашей снежная свежесть,
В груди нашей свет и любовь,
И то, что не сразу узнаешь, —
В груди нашей горе и боль.

О том, как узнали мы счастье,
Как выпили горя сполна,
Душа никогда не расскажет.
Как вечность молчит она.

<1913>

СВЯТАЯ РОДИНА

Я, птица бездомная, так люблю
Тебя, святую отчизну мою!
Ты, жертвами купленная страна,
И кровью и потом напоена.
Благословляю натруженные руки,

Головы, уставшие в заботах и в муке,
Всех, кто возводит в моей отчизне
Крепости мирной работы и жизни,
Благословляю, благословляю
Тебя, отчизна моя святая.

<1913>

ИСКУССТВО ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

Всё гладко — и рифмы, и ритмы,
И сочетания слов.
Изысканное искусство
Для избранных знатоков.
Да только души не хватает!..

<1913>

ПОСМОТРЕЛА БЫ ЕВРОПА

Мы вроде толпы маскарадной. И вроде
Ряженных в чьих-то обносках разных.
Взглянуть бы на нас, на таких, Европе —
О, как изгибалась бы она в «реверансах».

«Карелы? Сарматы? Откуда эта дивность?
Из Франции? Пруссии? Откуда бы им взяться?
Куда вы так идете? О, детская наивность!
И долго ли думаете так забавляться?»

Явитесь с визитом завтра. Надеемся,
Что собственный, свой костюм вы наденете,
Уклады и мысли свои представите,
Свой путь изберете — и кем-то станете!
Тогда лишь навстречу мы вам пойдем
И вас в семью народов введем».

<1913>

ЖЕРТВЕННАЯ МОЛИТВА

Ни собственных крыш, ни стен,
Ни земли,
Ни денег, ни прочих богатств,
Ни счастья, что было бы можно разбить...
Так чем же пожертвовать мне для народа,
Чтоб сердце его окрылила свобода?
Ведь час настал: дверь неба отворилась,
Но — жертвуйте! — фортуна к нам склонилась.

Но есть у меня
Беспокойное сердце,
Любовь и большая судьба страстотерпца.
Годится? Я жертвую жизнью своей!
Единственной ценностью — есть ли ценней?
Лишь стала бы родина вольною птицей,
Я жертвую сердцем, любовью. Годится?
Ведь отворились двери неба: чудо!
Но день кровавых битв слетит оттуда.

Познай же себя и свои пути,
Земля моя!
Разум свой освяти!
Клеймо неволи сотри со лба,
Геройские произнеси слова.
Погибшим с победою — жить в веках.
Живым — в небесных ходить венках.
Ведь час настал: открылись неба своды,
Оттуда мы возьмем права свободы.

Октябрь 1917

БЕЗРОДНЫЕ

Кто безроден,
Страдает сердцем,
И умом, и телом страдает.
И на чуждых путях боль того побеждает,
Кто безроден.

Кто бесхлебен,
Страдает телом,

Сердцем, разумом и душою —
Как растение в разлуке с землею.

Так страдала безродной
На родине я на своей.
Так слабела без хлеба я
Средь чужих кутежей.
Забирали другие плоды моих мук и труда.

Подавали мне милостыню иногда!..

Смотрели сытые бесстыдными глазами
На чудо, на меня, качая головами.
Ночь издевательств ощутила я вокруг,
И смех в душе неудержимый зародился:
Забавным этот мир мне показался вдруг!..

<1920>

СОДОМ И ГОМОРРА

Ты — Содом! Ты и Гоморра,
Сумасшедшая толпа!
Пусть в опасности отчизна:
Насыщайся, ешь и пей!
Расточай, кути, ликуя,
В слепоте своей, покуда
И проклятье и погибель
Не постигнут вдруг тебя.

Ты — Мамона окогченный,
Первенствующий ты бес!
Пусть весь мир погибнет — сердцем
Ни на миг не дрогнешь ты.
Только вытянешь, глядишь,
И из гибели барыш.

Покупай сердца и души,
Продавай! За счет опухших
С голоду — расти живот!
Справедливость часа ждет!..

<1920>

КОГДА ПЕЛ СКВОЗНЯК НА МОЕМ ЧЕРДАКЕ...

Когда пел сквозняк на моем чердаке,
Внизу, в теплых залах, твердили: «Поэзия!»
(Я, птаха-певунья, судьбину кляла,
Мне хлеба родная земля не дала,
А мне говорили: «Такая болезная!»)

И бог, создавший весь мир и сквозняк,
Смеялся и мне говорил: «Твой чердак
Пронзают симфонии ветра и снега,
Зато наслаждаешься близостью неба!
А если цветут здесь цветы ревматизма
И царствует иней, мороз и туман,
Так это ведь чудо природы и жизни!
Что ж, голод стоит у тебя на столе,
Но пусть тебе будет, пичуга, известно:
Я место тебе приготовил в земле,
А это надежное, прочное место!

Слагай свои песни, поэт, но тебе
Лишь кровью придется писать их, — иначе
Все те, кто в довольстве живет и в тепле,
От стужи и от голодухи заплачут.
Их мир ледяной покрывает корою,
Когда в твоей песне нет муки, нет крови!
Но если там горя и боли сполна,
То сызнова мир для людей оживает,
И песня пьянит их крепче вина,
И люди поэту здоровья желают.
Когда же земной ты покинешь чертог,
Другим уподобясь, не канешь ты в вечность,
Любви и признанья нетленный венок
К могиле твоей принесет человечность».

... Когда на моем чердаке пел сквозняк
И иней садился на стены облезлые,
И песни слагала я натошак... —
Внизу, в теплых залах, шептали: «Поэзия!...»

<1920>

ПРЕЛЕСТЬ БОГАТСТВА И ГРЕХ НИЩЕТЫ

Один — он голодный — о смерти тоскует,
Другой — он богатый — тоскует, что кутит,
А третий вздыхает — он, видно, бедняк:
Лишь пару буланых в карету запряг,
А кум — все четыре!

И лишь бобылю не тоскливо, не грустно:
Наседка, петух да две грядки капусты...
Детишек полно? Что ж, скотину пасут —
Глядишь, и чего-нибудь в дом принесут!
Бобыль не тоскует.

А вот миллионщик достоин участия,
Лишился последней он капельки счастья:
Родных — никого... Тех прикончила старость,
От этих же вовсе следа не осталось.
Богатство-то есть, но спасет ли оно,
Когда погружается судно на дно?
О боже, о боже!

А вот пастушонок — не выше аршина,
Но ходит весь день за отцовской скотиной,
А после работы поет и играет,
И младшему брату свистульку строгают.
И солнцу, и небу,
И лету он рад.
Ему горя нету,
Он очень богат!
О прелесть богатства и грех нищеты —
Великие песни мирской суеты, —
Как вы мне понятны!

<1920>

ДЬЯВОЛ ИЗДЕВАЕТСЯ

Пей, народ! От мужа до жены,
Пейте все, растя доход казны.
Вот он, свод законов, —

Щит доходов оных,
Голос Правосудья! Потому
Пей в корчме и в собственном дому.
Во хмелю, в угаре, — пей, хлещи! —
Красоту и жизни смысл ищи,
И величие. . . До той поры,
Как рассудок выйдет из игры.

Пейте же, мужья и жены! Пейте!
Для казны себя не пожалейте.
Мало ль сумасшедших и бандитов,
Мало ль идиотов, паразитов!
Разберись, кого из них
Ловить,
Охранять,
Терпеть или судить?
Много дел у судей! Но по сути
Наобум, святое Правосудье,
Судьбами ты вертишь и сердцами!

Дьявол издевается над нами.

<1930>

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ МНЕ СВЯЩЕННА

Мала ли, велика ли
Родимая земля,
Дадут ли мне ее дали
Всё то, чего жажду я,
Тернисты ль дороги, что пройдены,
Блеснет ли мне ясный свет
И как лишена я родины
На родине — или нет, —
Мне всё равно!
Родная
Священна мне земля!

И солнце ее, сияя,
Питает, живит меня.

Плодами всей моей жизни,
Всем лучшим, что есть во мне,
Обязана я отчизне,
Родившей меня земле.
Я, дух ее без страха
Своею сделав душой,
И маленькой горсткой праха
Останусь лишь с ней одной.

<1935>

НЕСМЫШЛЕННОЕ ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Несмышленное дитя,
Вьшедший из моды тип!
Наберись-ка ты ума,
От людей не отставай,
Не жалея своей души,
Сердце глупое гони,
Вольный дух в себе сломи!

Преклоняйся пред мощной!
Ведь она сильна, мощна.
Всё, что свято, — в грязь втопчи.
У души на алтаре
Свечи белые горят —
Потуши их и взамен
Смрадный факел засвети.

Если душу ты продашь
На базаре суеты,
Если каплю крови ты,
Хоть одну, отдашь туда, —
Гусли позовут тебя
Горы красоты смотреть,
Слушать неумолчный шум
Мчащей золото реки...

Вот какие словеса
Слышит человек всю жизнь.

Вот как душу на излом —
Выдержит она иль нет —
Пробует жестокий рок.

Между 1939 и 1940

ТЕМ ДОРОЖЕ

Чем сильнее и злей напор,
Тем упорнее отпор.
Чем опасней бурный вал,
Тем дороже идеал.
Тем прекрасней твой с судьбой
Не на жизнь, а на смерть бой!

Пусть погибнем, пусть умрем,
Смерти нет у идеала:
Значит, вечность наша — в нем.

Непобедимы те, чьи носят души
В себе свои и небеса и суши.
Атаки, как бы ни были безмерны,
Им не страшны. Бессмертные — бессмертны.

Между 1935 и 1940

МЫ

Мы — эстонцы и эстонки —
Знаем, что такое труд,
И с пути в краю родимом
Нас преграды не собьют.

Мирной братскою работой
Подымаясь до вершин,
Мы вперед путем героев
Устремились, как один.

Ставший светлой надеждой
Человечеству всему,
Мир окрепнет тем скорее,
Чем сильней любовь к нему!

<1940>

В ДУШЕ — БУДТО ПЕСНЯ

Не могу молчать доньше,
В жилах кровь звенит доньше,
То мелодию, то слово
Я в своей душе расслышу.

То нальется сердце силой,
То потухший взор зажжется,
То воспламятся чувства!
Что бы это означало?

Почему тебе поется
В старости такой глубокой,
Срок отбывшей, дошагавшей
До девятого десятка?

И волнение и песня —
Это у тебя от бога
И людей — далеких, близких,
Родственных и чуждедалных.

Это — от людей, чья совесть,
Благородные порядки,
Дерзостная воля к жизни,
Вера и любовь с надеждой,
Доблестное чувство правды
Много добрых дел свершили
Ради счастья всех народов.
В грандиозных столкновениях,
Что решат судьбу вселенной,
В долгих яростных сражениях
Лишь они — твоя опора,
Эти праведные люди.

А тебе там будет место,
В этих битвах и сраженьях?
Что ж, быть может, в странном мире,
Где добра и зла так много,
В мире, где вечны загадки, —
Для тебя найдется дело.

Между 1945 и 1953

ПРИМЕЧАНИЯ

Антология эстонской классической поэзии на русском языке издается второй раз. По сравнению с двухтомным сборником (Гослитиздат, М.—Л., 1959), охватывающим образцы эстонской поэзии XIX—XX вв., настоящее издание значительно расширяет представление о поэтах Эстонии XIX в., предлагая вниманию читателей около 400 произведений 21 автора. Больше половины стихотворений издается на русском языке впервые.

Разделы, посвященные тому или иному поэту, и материал, сгруппированный в них, расположены в хронологической последовательности. Даты, не позднее которых, по тем или иным сведениям, написаны стихотворения, в том числе даты первых публикаций, заключены в угловые скобки. Стихотворения, время написания которых установить не удалось, помещены в конце разделов.

Биографические справки о каждом поэте помещены в примечаниях.

Разъяснения не понятных русскому читателю слов, часто фигурирующих в разных произведениях, даются в примечаниях, как правило, один раз—при первом упоминании их в поэтическом тексте и без последующих отсылок.

В эстонском языке двойные гласные и дифтонги образуют один слог. Это необходимо иметь в виду при чтении стихов с такими именами, как Яан (один слог), Таара (два слога), Сааремаа (три слога) и т. п.

КРИСТЬЯН ЯАК ПЕТЕРСОН

К. Я. Петерсон родился 14 марта 1801 г. в Риге, куда его родители переехали из Вильяндимаа, освободившись от крепостной зависимости. Отец поэта работал церковным служителем в рижском немецко-эстонском приходе. Петерсон учился в начальной школе и в гимназии, в 1819 году он поступил в Тартуский университет, но уже в 1821 г., не закончив высшего образования, вынужден был уйти из университета вследствие слабого здоровья и материальных затруднений. Петерсон умер от чахотки в Риге в 1822 г.

Петерсон был очень талантливым и необыкновенно эрудированным человеком. В гимназии он за короткое время овладел немецким, шведским, русским, французским, английским, латинским

и греческим языками. Шестнадцатилетним юношей он взялся за составление грамматики шведского языка, семнадцати лет опубликовал в печати свой исследовательский труд по грамматике эстонского языка. До самого конца своей короткой жизни он продолжал писать, переводить и печатать научные работы.

Небольшое поэтическое наследие Петерсона, положившее начало эстонской национальной поэзии, было обнаружено только в первые годы XX столетия. Общий обзор литературного наследия Петерсона был дан впервые в книге «Песни, дневник и письма Кристьяна Яака Петерсона», вышедшей в 1922 г.

Песня, сложенная в туульской корчме... Отправляясь на время университетских каникул к своим родителям, проживавшим в Риге, Петерсон из любви к странствиям, а также ради экономии обычно шел от Тарту до Риги пешком; «Песню» Петерсон написал в придорожном трактире, на пути из Эстонии в Латвию.

Энн и Эллу. Яак — отец автора.

В день Мартина Лютера. *Лютер* Мартин (1483—1546) — немецкий религиозный реформатор, основоположник одного из главных христианских вероисповеданий, распространенного и в ряде стран Северной Европы; день Мартина Лютера отмечался верующими 10 ноября.

ФРИДРИХ РОБЕРТ ФЕЛЬМАН

Ф. Р. Фельман родился в Ярвамаа 31 декабря 1798 г. в семье управляющего имением. Окончив уездное училище в Раквере и гимназию в Тарту, он с 1817 по 1825 г. изучал медицину в Тартуском университете. В 1827 г. Фельман защитил докторскую диссертацию, после чего работал врачом вплоть до смерти. Долгое время он читал также лекции по эстонскому языку в Тартуском университете и состоял председателем Ученого эстонского общества, в котором неоднократно выступал с научными докладами по вопросам эстонского языка и фольклора. 22 апреля 1850 г. Фельман умер в Тарту от чахотки.

В истории эстонской культуры заслуги Фельмана, выдающегося просветителя-демократа, филолога и фольклориста, исключительно велики. У него первого в 1839 г. возникла мысль составить эстонский народный эпос «Калевипоэг». Он проделал большую подготовительную работу по сбору материалов эпоса и их систематизации, но смерть прервала это начинание.

В области художественной литературы Фельман оставил небольшое наследство. Из его сочинений наибольшего внимания заслуживают художественно обработанные мифы по мотивам народного творчества, а также некоторые стихотворения и эпиграммы. В них Фельман преследовал цель показать на античных стихотворных размерах гибкость эстонского языка, в то время еще мало развитого.

Поучения старца из Ярвамаа. *Ярвамаа* — уезд в средней Эстонии, место рождения Фельмана. *Составитель календаря и я.* Занимаясь разносторонней просветительской деятельностью, Фельман принимал участие также и в составлении календарей. Календари тогда были почти единственными светскими книгами, которые распространялись в народной среде. В них публиковались и прогнозы погоды, редко, впрочем, сбывавшиеся. Кроме эпитагмы на эту тему, у Фельмана есть еще популярная юмористическая новелла «Составитель календаря в беде» (1846).

ФРИДРИХ РИЙНГОЛЬД КРЭЙЦВАЛЬД

Ф. Р. Крейцвальд родился 26 декабря 1803 г. в семье крепостного сапожника. Учился он в уездных училищах Раквере и Таллина, а в 1823 г. сдал экзамен на звание учителя начальной школы. После педагогической деятельности в Таллине и Петербурге Крейцвальд в 1826 г. поступил в Тартуский университет и стал изучать медицину. С 1833 по 1877 г. он работал врачом в Выру, небольшом городке Южной Эстонии. Умер в Тарту 25 августа 1882 г.

Как великий гуманист и демократ-просветитель, Крейцвальд всю жизнь посвятил борьбе с крепостничеством и его пережитками, с невежеством церковников и культурной отсталостью. В течение тридцати лет он редактировал «Крестьянский полезный календарь», издал несколько альбомов, в которых опубликованы его художественные произведения, научно-популярные статьи по самым различным вопросам, а также произведения эстонского фольклора. Из художественной прозы Крейцвальда особого внимания заслуживает сборник «Старинные эстонские народные сказки» (1866).

При жизни писателя стихотворения его были опубликованы в сборниках «Песни вирусского певца» (1865) и «Цветы на ниве мира», тт. 1—2 (1871 и 1875). В 1885 г. посмертно издана его поэма «Лембиту», являющаяся отчасти переводным произведением. Главным же делом всей жизни Крейцвальда было составление эстонского народного эпоса «Калевипоэг» и его издание (1857—1861).

Сохранившаяся до наших дней переписка Крейцвальда со многими современными ему выдающимися писателями, учеными и другими деятелями культуры содержит богатейший и интереснейший материал для исследователей истории эстонской литературы и науки.

Трусливый жених. Написано по мотивам стихотворений немецкого народного поэта Иоганна Петера Гебеля (1760—1826).

Койт и Хямарик. Здесь использована легенда под тем же названием, обработанная Ф. Р. Фельманом. *Таара* — в эстонской мифологии верховный бог. *Ильмарине* — герой этой легенды, который выковал из стали небосвод, простер его над землей и заставил звезды, луну и солнце двигаться по небосводу. *Смех людской и щебет птичий.* Имеются в виду древние торжества по случаю самой

короткой ночи в году — ночи летнего солнцеворота; она до сих пор отмечается в Эстонии. Когда румянец вечерней зари (Хямарик) сливается с румянцем рассвета (Койт), то в народе говорят, что Койт целует Хямарик.

Война. Поэма написана по случаю Крымской войны 1853—1855 гг. *Туррис* — древний бог войны в финской мифологии. *Брат любимый мой* и т. д. — намек на Ф. Руссова, автора брошюр под названием «Книга таллинского горожанина для его друзей в сельской местности» о событиях Крымской войны. Брошюры издавались в Таллине в 1854—1855 гг. *Виру, Ярва, Ляане, Харью, Алутага* — названия уездов в древней Эстонии, отчасти сохранившиеся в употреблении до наших дней. *С финнами имели В родословной корень общий*. Эстонский и финский народ стоят по происхождению очень близко; обе нации относятся к угро-финской группе.

Калевипоэг. «Калевипоэг» — эстонский народный эпос. К собиранию эпоса в середине XIX в. приступил Ф. Р. Фельман, работа которого была прервана смертью. Вскоре ею занялся и завершил друг Фельмана Ф. Р. Крэйцвальд. *Калев* — легендарный богатырь эстонцев, отец их национального героя Калевипоэга. *Каннель* — народный эстонский музыкальный инструмент. *Ванемуйне* — бог песни, перенесенный в эстонскую литературу из финского фольклора (финский Вайнямейнен). *Эндла* — небольшое озеро в Йыгевиском районе Эстонской ССР; предание гласит, что тут на берегу похоронена приемная дочь Ванемуйне — Юта. *Повернем отгол ка север*. Речь идет о ранее изданном финском народном эпосе «Калевала» и его родстве с «Калевипоэгом». *А весны мой любимцы Беспробудно спят в могиле*. Крэйцвальд вспоминает здесь своих единомышленников и друзей, которых уже не было в живых, в особенности зачинателя «Калевипоэга» Фельмана. *Уку* — бог грозы. *Спят в объятиях Марии*. Католики-крестоносцы, захватившие Эстонию и Ливонию, называли эти края «землей девы Марии»; «спать в объятиях Марии» значит здесь покоиться в лоне этой земли. *В долгих битвах за отчизну* и дальше, до «Светят пусть неугасимо», — эти строки народного эпоса, положенные на музыку композитором К. А. Херманом, являются излюбленной патриотической песней эстонцев — песней скорби. *Виру* — уезд на северо-востоке Эстонии, где родился и жил в детстве Крэйцвальд. *Алев, Олев, Сулев* — друзья и соратники Калевипоэга.

Вирусский певец. По-фински название *Виру* распространяется на всю Эстонию; здесь оно также является синонимом Эстонии.

Песня о земле обетованной. В 1860-х годах в Эстонии возникло обширное движение переселенцев во внутренние губернии России. Люди переселялись, ища избавления от ига балтийских баронов. Для многих переселение оканчивалось трагично. Крэйцвальд был противником переселенчества; свои мысли по поводу

этого движения он изложил в настоящем стихотворении. *Ээстимаа*, *Ээсти* — Эстония. *Кякк* — ржаная лепешка.

Свободе. Написано по мотивам стихотворений немецкого писателя В. Гауфа (1802—1827).

Лидии Я <ниесе> н. Посвящено и в частном письме отослано поэтессе Лидии Койдуле (см. о ней стр. 465), с которой Крёйцвальд вел интересную и долгую переписку, дающую большой материал для изучения развития эстонской культуры.

<Четверостишия из «Крестьянского полезного календаря»>. С 1850 по 1859 и с 1865 по 1874 г. Крёйцвальд редактировал и издавал «Крестьянский полезный календарь». Для каждого месяца в этом календаре он писал строфу в четыре строки. Всего им написано 240 таких строф. *Ты назван месяцам свечи*. Прежде (отчасти и теперь) в Эстонии употреблялись народные названия месяцев, указывающие на какую-то отличительную примету данного времени года.

Песня об отечестве. *Лембиту* — выдающийся эстонский военачальник начала XIII в.

Христианам. Пропуск стихов 1—2 — в оригинале.

Лембиту. Эта изданная посмертно поэма Крёйцвальда написана по мотивам поэмы «Будда» швейцарского писателя И. В. Видмана. Однако у Крёйцвальда Лембиту является выразителем его собственных взглядов. С историческим эстонским полководцем Лембиту герой поэмы не имеет ничего общего.

ФРИДРИХ РУССОВ

Ф. Руссов родился в Таллине 14 апреля 1828 г. в семье чиновника. Он окончил юридический факультет Петербургского университета, состоял на службе в Эстляндском губернском правлении Эстонии, а затем в Горном департаменте в Петербурге. Позднее он работал в Петербурге хранителем фондов Эрмитажа и Этнографического музея Академии наук. Умер Руссов в Петербурге 22 июля 1906 г.

В студенческие годы Руссов был ревностным собирателем эстонского фольклора. Его стихи также написаны в традициях эстонской народной поэзии с характерными для нее стилистическими особенностями. Стихотворения Руссова собраны в книге «Новые струны каннеля» (1854).

Ну и чудеса! С развитием капиталистических отношений в Эстонии (середина XIX в.) в эстонской деревне стали исчезать патриархальные обычаи. В деревню начали проникать зачатки городской цивилизации, нередко в искаженном виде. В своем сати-

рическом стихотворении автор осмеивает это явление, сожалея об исчезающих древних народных обычаях. *Харьюмаа, Вирумаа, Пя-немаа, Ярвамаа* — названия уездов в Эстонии. *Костров не разводит наш Яан*. С незапамятных времен существует в Эстонии обычай, восходящий к эпохе язычества, в ночь под Яанов (Ивана Купалы) день, 24 июня, зажигать на холмах и других живописных местах «Яановы огни»; вокруг этих огней всю ночь веселятся, играют, поют и пляшут окрестные жители. Яан — широко распространенное мужское имя в Эстонии. Местами существовал обычай всех мужчин и подростков, носящих имя Яан, чествовать в Яанову ночь как почетных гостей. *Адская водичка* — водка. *Словно фокусник, дым глотает*. Речь идет о курильщиках.

КАРЛ ЭДУАРД МАЛЬМ

К. Э. Мальм родился в Таллине 22 февраля 1837 г. Сын чиновника, он изучал филологию и богословие в Тартуском университете, затем работал домашним учителем и долгое время — до самой смерти — служил пастором. Мальм умер в Рапла 14 января 1901 г.

Мальм составлял и издавал школьные хрестоматии, плодотворно работал как переводчик. Он первый перевел на эстонский язык басни Крылова. Свои стихотворения и переводы Мальм опубликовал в школьных хрестоматиях и в сборнике «Старое и новое на забаву эстонскому народу» (1870).

Березка. Написано по мотивам стихотворений немецкого поэта В. Мюллера (1794—1827).

Девушки-голубушки. *Амбла, Кийна* — местности в Эстонии.

Песня ласточки. Написано по мотивам стихотворений немецкого поэта Ф. Рюкерта (1788—1866).

ЮХАН ВЕЙЦЕНБЕРГ

Ю. Вейценберг родился в Вырумаа 22 июля 1838 г. в семье бедняка-хуторянина. Окончив уездное училище в Тарту, работал школьным учителем и волостным писарем, затем поступил чиновником в контору. Умер 4 ноября 1877 г.

Вейценберг-поэт оставил после себя немного стихотворений, но они завоевали широкую популярность среди читателей.

Тынис Лакс, или Отечество эстонцев. Речь идет о переселении эстонских крестьян в середине XIX века во внутренние губернии России, к чему эстонцев вынуждала эксплуатация со стороны балтийско-немецких помещиков. Образ героя баллады подсказан автору личностью крестьянина-бедняка Тыниса Лакса, мо-

гила которого до сих пор посещается народом на кладбище Алатскиви (в районе Тарту). *Пейпси-озеро* — Чудское озеро.

Плач старого бурмистра, уволенного из имения в Юрьев день 1861 года. Эта острая антифеодалная сатира за несколько лет до опубликования ходила по рукам среди эстонских крестьян в виде анонимной рукописи и завоевала себе широкую популярность.

ЛИДИЯ КОЙДУЛА

Л. Койдула родилась в Вяндре 24 декабря 1843 г. в семье кистера, ставшего впоследствии издателем первой эстонской газеты, — И. В. Яннсена. Койдула училась в пярнуской женской школе, затем работала в Пярну и в Тарту, помогая отцу издавать газету. В 1875 г. поэтесса вышла замуж и переехала в Кронштадт, где и умерла 11 августа 1886 г.

В 1946 г. прах великой поэтессы, чьи стихи нередко выражали тоску по отчужденному краю, перевезли в Эстонию и предали земле на Лесном кладбище в Таллине.

Во второй половине XIX столетия Лидия Койдула была изблуженным эстонским поэтом. Ее патриотические стихи, написанные с большим чувством, оказывали в годы национального движения огромное влияние на народные массы. Ее имя, творчество окружены почетом и любовью и в наши дни.

При жизни Койдулы вышло в свет два сборника ее стихотворений: «Полевые цветы» (1866) и «Соловей Эмайыги» (1867). Вышедшее в 1925 г. «Собрание стихотворений» объединило всю наиболее ценную часть поэтического наследия поэтессы, из которого многое до тех пор не было обнародовано.

Родной дом. Очень популярная в Эстонии песня, написанная по мотивам немецкого поэта К. Грота (1819—1899).

Предисловие. Стихотворение, открывающее первый сборник стихов Л. Койдулы «Полевые цветы» (1866).

Осенние думы. Написано по мотивам немецкого поэта Эманнуила Гейбеля (1815—1884).

Лен. Написано по мотивам немецкого поэта Андрея Юстина Кёрнера (1786—1862).

«Эстонская песня, звени...». *Эмайыги* — одна из самых больших рек Эстонии, с ней в Эстонии связано много мифологических легенд и преданий.

Встреча. Произведением открывается второй сборник стихотворений Л. Койдулы «Соловей Эмайыги» (1867). По названию этого сборника Л. Койдулу часто называют «соловьем Эмайыги».

На берегу Эмайыги. *Здесь вырос храм науки* — построенное в 1804—1809 гг. здание Тартуского университета с колоннами; здание стоит рядом с горой Тооме.

Земля, тобой до смерти... *Крылья Высокого орла.* Имеется в виду герб царской России.

Моя Эстония — моя любовь. Густав Эрнесакс (советский эстонский композитор) написал в 1944 г. музыку на слова стихотворения Л. Койдулы, и эта песня стала в Эстонии необычайно популярной, особенно в последние годы; под звуки этой песни в 1946 г. опустили в эстонскую землю на таллинском Лесном кладбище привезенный из Кронштадта прах Л. Койдулы.

Раздумья на горе Тоомеяги. *Тоомеяги* — возвышенность (холм) в Тарту, место древнего городища, в настоящее время излюбленный горожанами парк. Согласно одному малоизвестному преданию, там похоронен герой народного эпоса — Калевипоэг. *На твоей могиле, Калев, Христианства встал оплот.* На Тоомеяги находятся развалины большого католического храма (остатки его стен были частично использованы для здания библиотеки Тартуского университета).

Что грустишь? *О былом прекрасном веке.* В годы апогея национального движения в Эстонии принято было идеализировать период, предшествовавший вторжению немецких захватчиков в XIII в., и называть его счастливым и радостным временем в жизни эстонского народа. *Скоро над цветущей Ээсти Станет утро ярким днем.* Имеется в виду конец крепостничества, крестьянский закон, несколько облегчивший положение крестьян.

Песня пряхи. Этой песней начинается пьеса Л. Койдулы «Сааремааский племянник», первая постановка которой на сцене в 1870 г. считается датой рождения эстонского национального театра.

Друзья Эстонии. Песня из пьесы Л. Койдулы «Сватозы березы». *Раз на праздник в Куресааре.* Прибалтийские феодалы всячески старались удержать эстонских крестьян от переселения во внутренние губернии России (помещики нуждались в рабочей силе); то ли из-за приведенных соображений, то ли просто ради чудачества, собственник имения Куресааре (около города Вильянди) устроил 14 апреля 1870 г. угощение для двухсот крестьян. *В их Союз.* Здесь подразумевается учрежденное в 1868 г. Рижское латышское общество, руководившее национальным движением в Латвии. *Вольдемар* — правильно Кришьянис Вольдемарас (1825—1891) — журналист и один из руководителей латышского национального движения. После закрытия его газеты «Петербургас Авизес» он жил с 1867 г. в Москве, продолжая бороться против прибалтийской знати. Он редактировал здесь издававшуюся на немецком языке «Москауер цайтунг» («Московскую газету»), которая и упоминается в стихо-

творении; эта газета критиковала порядки, господствовавшие в Эстонии.

Жалоба. *На чужбине я в тоске.* После свадьбы Л. Койдула переехала из Тарту в Кронштадт, см. предисловие, стр. 11.

Моему дорогому отцу. Посвящено выдающемуся исследователю эстонского языка академику Ф. И. Видеману (1805—1887) по случаю пятидесятилетия его ученой деятельности. Полная благодарности к нему как учителю и наставнику, Койдула называет его «отцом».

Беседа. *Маарьямаа* — земля девы Марии; см. примечание к «Калевипоэгу» Крёйцвальда, стр. 462.

Предсмертное слово — Эстонии. Это стихотворение, так же как и ряд других — «Вставай!», «Долг песни», — характерно для того периода эстонского национального движения, когда разгорелась ожесточенная борьба между двумя направлениями: демократическим и реакционно-клерикальным. Л. Койдула и некоторые из ее современников, не понимая сущности идеологического раскола в национальном движении, продолжали призывать к единодушию и классовому миру.

ФРИДРИХ КУЛЬБАРС

Ф. Кульбарс родился в Сангасте 17 августа 1841 г. в семье учителя. Окончив Тартускую учительскую семинарию, он долгое время работал учителем в Вильянди, где и умер 28 января 1924 г.

Кульбарсом опубликованы следующие сборники стихов: «Новые песни и каннель» (1863), «Ванемуйне, или Песни на четыре голоса» (1870), «Детский песенник» (1899) и «Стихотворения Вилли Анди», тт. 1—3 (1923—1924).

Наибольшей и неизменной популярностью пользуются в Эстонии детские песни Кульбарса.

Песня Ванемуйне о деве Эндель-озера. Написано по мотивам народного предания; см. примечания к отрывкам из «Калевипоэга», стр. 462. *Эндель-озеро* — озеро в Йыгеваском районе Эстонии.

Песнь Линды. *Линда* — жена героя эстонского народного эпоса — Калева, мать Калевипоэга. В стихотворении изображается скорбь Линды по умершему Калеву (от слез Линды возникло, по преданию, озеро Юлемисте у Таллина). *Орленок твой.* Когда Калев умер, младший сын его — Калевипоэг — еще не родился.

Лидия Койдуле. Написано на смерть Л. Койдулы в 1886 г., когда весь народ оплакивал поэтессу. В стихотворении много образов, заимствованных из произведений Л. Койдулы.

КАРЛ РОБЕРТ ЯКОБСОН-ЛИННУТАЯ

К. Р. Якобсон родился в Тарту 26 июля 1841 г. в семье университетского служителя. Окончив Валгаскую учительскую семинарию, Якобсон работал учителем в Торна, Ямбурге и Петербурге. Приобретя затем земельный участок в Вяндра, он занялся сельским хозяйством. После долгих хлопот в 1878 г. Якобсон получил разрешение на издание газеты «Сакала». Эта демократическая газета издавалась в Вильянди и завоевала горячие симпатии народа. Якобсон умер в своей усадьбе 19 марта 1882 г.

В трудах Якобсона литературной деятельности принадлежит скромное место: он опубликовал одну пьесу и тетрадь «Песни певца К. Р. Линнутая» (1870). Основным делом его жизни была энергичная общественно-политическая борьба против пережитков феодализма, за эстонскую национальную демократическую культуру. Эту борьбу он вел и как журналист-публицист, и как руководитель ряда культурных и хозяйственных организаций. Якобсон является автором широко распространенных школьных учебников.

Пой, певунья-горихвостка. Обращено к Л. Койдуле.

МИХЕЛЬ ВЕСКЕ

М. Веске родился в Вильяндимаа 28 января 1843 г. в семье хуторянина. Закончив гимназию в Тарту, он поступил в Лейпцигский университет, где стал изучать сравнительное языкознание. Получив ученую степень доктора филологических наук, Веске читал лекции по эстонскому языку в Тартуском университете. Отсюда он переехал в Казань и работал в местном университете преподавателем угро-финских языков. Умер в Казани 16 мая 1890 г.

Веске опубликовал ряд лингвистических работ, интенсивно занимался собиранием произведений народного творчества и их публикацией. Он принимал участие и в общественно-политической борьбе на стороне демократического лагеря национального движения. Несмотря на большое по объему поэтическое наследие Веске, при жизни его вышел в свет только один сборник «Стихотворения с мелодиями» (1874). Первое полное собрание поэтических произведений было издано в 1899 г. под названием «Стихотворения доктора Веске».

Родина. Песня на мотив марша, которая в течение десятилетий пользовалась в Эстонии большой популярностью.

На могиле К. Р. Якобсона. Ранняя смерть выдающегося деятеля эстонского национального движения Якобсона-Линнутая в 1882 г. (см. о нем выше) повергла в скорбь эстонский народ; Якобсона похоронили на семейном погосте на берегу реки Вяндры.

О Вильянди, о Вильянди! *Валуоя* — небольшой ручей, протекающий через город Вильянди; он связан со многими мрачными преданиями, порожденными крепостничеством (характерно самое название ручья: «валу» по-эстонски значит — боль, «оя» — ручеек). *Теперь — в руинах древний град*. На высоком берегу Вильяндиского озера стоят развалины орденского замка; раньше здесь находилось древнее эстонское городище. *Сакала* — древнее название Вильяндимаа.

Слова отца. Посвящено отмене крепостного права. Как и во многих других стихах того времени, объявленная «воля» идеализировалась: в действительности же положение угнетенного барщины эстонского крестьянства после реформы оставалось крайне тяжелым.

АДО РЕЙНВАЛЬД

А. Рейнвальд родился 7 декабря 1847 г. в Вильяндимаа в семье хуторянина. Его образование ограничилось всего лишь сельской школой. В зрелые годы жизни Рейнвальд занимался земледелием.

Стихи поэта, направленные против помещиков, завоевали широкую популярность в народной среде. Умер Рейнвальд в Эльве 8 февраля 1922 г.

Поэтическое наследие Рейнвальда собрано в изданиях: «Вильяндиский певец» (тт. 1—4, 1869—1880) и «Стихотворения Адо Рейнвальда» (1904).

Черный кафтан. Длинный черный кафтан был характерной особенностью национального мужского костюма эстонцев, особенно в южной Эстонии.

Бурская война. Англо-бурская война 1899—1902 годов получила живой отклик в стихах ряда эстонских поэтов, которые горячо сочувствовали освободительной войне буров; в судьбе их они усматривали сходство с положением эстонцев. Поэтому стихи на тему войны в Южной Африке носят у эстонских поэтов нередко аллегорический характер.

На Виртс-озере. *Виртс-озеро* — большое озеро в центральной части Эстонии. *Тамме, Тарвасту* — названия местностей в центральной Эстонии.

ЮХАН КУНДЕР

Сын крестьянина Ю. Кундер родился в Вильяндимаа 26 декабря 1852 г. Окончив Тартускую учительскую семинарию, он стал работать учителем в Тарту, а потом в Раквере. Впоследствии поступил в Учительский институт в Петербурге, но, не закончив его, умер 24 апреля 1888 г.

За свою короткую жизнь Кундер проявил себя как разносторонний писатель и общественный деятель. Он вел руководящую работу в организациях демократического лагеря национального движения, издавал свои пьесы, литературоведческие и критические произведения, а также книги для детей.

Небольшое поэтическое наследие Кундера представлено в сборнике «Десять стихотворений», изданном в 1876 г. Избранные поэтические произведения Кундера вышли в свет в 1889 г., после его смерти, под названием «Оригинальные стихотворения Ю. Кундера».

На горе Мунамяги. *Мунамяги* — самая высокая гора в Эстонии.

ПЕЭТЕР ЯКОВСОН

П. Яковсон происходил из крестьянской семьи. Он родился в Раквере 27 декабря 1854 г. Учился Яковсон в Ракверском церковном училище, затем работал ремесленником. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, а после этого занимался книгопродавством и служил секретарем волостного правления. Умер поэт 23 июля 1899 г.

Стихотворения Яковсона опубликованы в сборниках «Бутопы цветов» (1881) и «Стихотворения П. Яковсона» (тт. 1—2, 1884—1885). Кроме того, издано несколько его пьес в стихах, написанных по мотивам народного творчества.

Смерть эстонского солдата в Болгарии. Уход из Сливно. Речь идет о русско-турецкой войне 1877—1878 гг. П. Яковсон, подобно многим эстонцам, находился тогда в рядах русской армии, действовавшей на территории Болгарии.

ЯАН БЕРГМАН

Я. Бергман родился в Вильяндимаа 29 декабря 1856 г. Родители его были хуторянами. Окончив богословский факультет Тартуского университета, Бергман служил пастором сначала в Петербурге, а потом в местечке Пайсту (Вильяндимаа). Умер он 25 июля 1916 г.

В творчестве Бергмана значительное место занимают эпические баллады на темы народной поэзии и исторической освободительной борьбы эстонского народа. Его произведения изданы в сборнике «Стихотворения Яана Бергмана» (1901). Нужно отметить также большие заслуги Бергмана и как переводчика древнегреческой эпической поэзии.

Верный Юло. Речь идет об осаде городища Вильянди немецкими меченосцами. Чтобы организовать сопротивление захватчикам, *Лембиту*, старейшина Лехолаской округи, расположенной близ

Вильянди, объединил все эстонские земли (мааконды) и округа (кихельконды). Он погиб в бою с крестоносцами 21 сентября 1217 г.

Старый каннель. В конце XIX в. по всей Эстонии широко развернулась работа по собиранию фольклора, чему и посвящено это стихотворение. Первые наиболее полные собрания народного творчества эстонцев изданы энтузиастом-фольклористом Якобом Хуртом (1839—1907) в сборнике «Вана каннель» («Старинный каннель»). *Койола* — местность, где родился Якоб Хурт.

АДО ГРЕНЦШТЕЙН-ПЯРКВИИ

А. Гренцштейн родился в Вильяндимаа 5 февраля 1849 г. в семье арендатора. Окончив учительскую семинарию в Валга, он продолжил свое педагогическое образование в Германии и в Австрии. Впоследствии работал учителем, а затем, став журналистом, долгое время редактировал в Тарту основанную им самим газету «Олевик». Из-за своего непокладистого характера и путаных, противоречивых политических воззрений Гренцштейн не мог ни с кем ужиться у себя на родине и уехал в Париж. Там он умер 20 апреля 1916 г.

Небольшое по объему поэтическое наследие Гренцштейна представлено в сборниках «Первые стихотворения» (1877) и «Стихи и песни» (1888).

ГУСТАВ ВУЛЬФ-ЫЙС

Г. Вульф-Ыйс родился в Тартумаа 1 января 1865 г. в семье крестьянина. После окончания Тартуской учительской семинарии занимался педагогической деятельностью, а затем долгое время работал секретарем волостного правления. Умер он 9 января 1946 г.

Из всего небольшого и в основном эпигонского творчества Вульфа наибольшую известность приобрело лирическое стихотворение «Соловью», направленное против феодалов.

ЯКОБ ТАММ

Я. Тамм — сын батрака — родился 7 мая 1851 г. в Тартумаа. Окончив Тартускую учительскую семинарию, он работал учителем в ряде школ. Умер Тамм в Вяйке-Маарья 26 июля 1907 г.

При жизни поэта изданы были только его лирические и небольшие эпические стихотворения (в том числе басни) в сборнике «Пробудившиеся голоса» (тт. 1—2, 1892). Более значительное место в его творчестве занимают крупные эпические произведения, основанные на народных преданиях и обличающие жадность и жестокость помещиков и хutorьян-богатеев. Эти произведения были обнародованы только после его смерти в обширном сборнике «Поэмы» (1914).

Выдающееся место в эстонской литературе принадлежит Тамму как поэту-переводчику. С большим мастерством им переведены на

эстонский язык стихотворения и поэмы Лермонтова, Пушкина, Крылова, Некрасова, Кольцова и других русских поэтов.

Ответ родника. Речь идет о развалинах орденового замка, символизирующего для эстонского народа страшную эпоху феодального рабства.

На страже. *Лишь папоротник зацветет.* По эстонскому народному преданию, в ночь на 24 июня (Яанова ночь) ежегодно расцветает папоротник; тот, кто найдет этот цветок, становится властителем чар. В ряде легенд говорится о многих сверхъестественных событиях, происходящих в Яанову ночь. *И меч всплывает.* Народный эпос «Калевипоэг» повествует о том, как Сорте (злой дух) украл у Калевипоэга меч и бросил его в воды Кяапа. Когда Калевипоэг впоследствии переходил реку, заколдованный меч поднялся со дна и перерезал богатырю ноги. *Где горячий бой Шел в давние года.* См. примечание к стихотворению «Верный Юло» Я. Бергмана, стр. 470.

Камень крепостного. *Хельме* — поселок в Валгаском районе Эстонии. *Кубьяс* — надсмотрщик.

Рыжуха. *Рыжуха, Чернуха, Пеструха* — распространенные в Эстонии клички животных, дающиеся по цвету шкуры.

Дешевые батраки. Эпиграф из баллады Я. Бергмана (см. о нем стр. 470).

Проклятие. *Сааремский батрак.* В минувшие времена крестьяне-мужчины с острова Сааремаа отправлялись к лету на материк копать каналы; для того же, чтоб обработать жалкие крестьянские полоски земли, хватало и женских рук.

Благодеяние разбойника. На помещиков, пасторов и богатых хуторян северной Эстонии во второй половине прошлого века наводили ужас смелые разбойничьи набеги *Румму Юри*. Бедняки и безземельные крестьяне видели в нем борца за свои интересы — «благородного разбойника». С течением времени это имя обросло легендами.

Памяти доктора Фр. Крейцвальда. *Крейцвальд* — см. о нем стр. 461. *Он золото поэзии народной Для поколений будущих сберег.* Имеется в виду активная деятельность Крейцвальда в собирании народных песен и в создании эпоса.

К чертям! *Право первой брачной ночи.* По средневековому обычаю, так называемому «*jus prima noctis*», помещики требовали, чтобы девушки, выходявшие замуж, первую свадебную ночь проводили у них.

Якоб Лийв

Я. Лийв родился в Тартумаа 28 февраля 1859 г. в семье крестьянина-бедняка. Получив в Тартуской семинарии звание учителя, он преподавал в школах, а затем торговал книгами, служил банковским чиновником. Умер он в Раквере 17 января 1938 г.

Наряду со стихотворениями, Я. Лийв писал также пьесы и мемуары. Стихи его вышли в сборниках «Вирусский канцель» (тт. 1—3, 1836—1900), «Траурные цветы» (1894), «Сочинения Якоба Лийва» (т. 1—2, 1906—1910) и «Поэмы» (1918).

Скворец. Аллегорическое стихотворение, отражающее историю эстонского народа: *дрозд* — трудовой народ, *коршун* — немецкие помещики, *орел* — русский царизм.

Флюгер. В конце XIX в., в пору усилившейся реакции, среди эстонцев находились политические деятели-оппортунисты, которые «держали нос по ветру». Сатирическое стихотворение Лийва высмеивает подобных деятелей.

Мир. Написано по поводу русско-японской войны 1904—1905 гг.

Сосна и можжевельник. Кличка «можжевельные немцы» была дана эстонским ренегатам, раболепно перенимавшим обычай властвующей кучки немецких баронов и пренебрегавшим своими национальными традициями. Больше всего «можжевельных немцев» — эксплуататоров эстонского народа — теснилось вокруг церквей и помещичьих имений.

Пресмыкающиеся. Стихотворение, бичующее эстонских карьеристов, пресмыкавшихся перед царской властью.

В домашней школе. *Птичка божия не знает*. Популярная детская песенка.

Стекловидными глазами... Направлено против буржуазных политических деятелей, предающих интересы народа.

Зима. *Осот* — род сорной травы.

КАРЛ ЭДУАРД СЕЁТ

К. Э. Сеёт родился 26 декабря 1862 г. в Тартумаа, где его отец арендовал мельницу. Окончив уездное училище в Тарту, Сеёт работал журналистом, а позднее стал владельцем типографии и книготорговцем. Умер он в Тарту 1 сентября 1950 г.

Сеёт опубликовал следующие сборники стихотворений: «Луговые цветы» (тт. 1—2, 1890—1891), «Радость и горе» (1894), «Судьба» (1899), «Воспоминания и надежды» (1903), «Родина» (1921), «Кунгла

детских лет» (1923), «Отзвук времен» (1925), «Жатва лунным серпом» (1937), «Избранные стихотворения» (1946).

Они сказали... В конце XIX в., в период спада национального движения и усиления реакции, многие эстонские оппортунистические политические деятели, по примеру панславистов и пангерманистов, выступали с заявлениями о том, что у эстонского народа, как у народа малого, не может быть будущего, что самое лучшее для него — поскорее раствориться в русской или в немецкой нации. Стихотворение К. Сёэта клеймит подобных политиканов.

Ю Х А Н Л И Й В

Ю. Лийв родился в Тартумаа, в семье крестьянина-бедняка, 30 апреля 1864 г. Учился в Кодаверской приходской школе. Затем работал журналистом в Таллине, Вильянди и Тарту. В 1893 году у Лийва обнаружилось психическое заболевание, и с тех пор, переезжая с места на место, поэт жил то у своих родных (он был младшим братом поэта Якоба Лийва), то у знакомых. Умер Ю. Лийв в Алатскиви 1 декабря 1913 г.

Ю. Лийв написал много рассказов и новелл, но в историю эстонской литературы он вошел как необычайно одаренный, глубоко народный и ярко самобытный поэт. Много рукописей писатель сам уничтожил во время приступов помешательства, многие произведения, написанные в период болезни, остались всего лишь в виде набросков, но даже и они дают представление о необыкновенной эмоциональности Лийва, которую почти невозможно столь же тонко передать на другом языке.

При жизни писателя вышли из печати «Собрание сочинений» (1904) и «Стихотворения» (1909).

Любовь пришла... В оригинале игра слов: «Любовь (арм) пришла с ветром...», но «шрамы (армид) не приходят с ветром...»

Грустна твоя родина... Текст стихотворения был высечен на бронзовом рельефе надгробного памятника Ю. Лийву, поставленного в 1924 г. рабочими Тарту на Алатскивском кладбище (в районе Тарту).

Последняя песня. Л. Г. — Лийза Гольдинг, возлюбленная поэта, с которой он долгое время поддерживал дружескую переписку. В пору помрачения сознания Ю. Лийв несколько раз сжигал свои рукописи, о чем свидетельствует, в частности, его примечание к данному стихотворению.

Я лучшего не жду. Такой она была века — Ни проблеска, ни огонька. Имеется в виду длительный период потери свободы, начавшийся для эстонского народа в XIII в.

Отцы и дети. Вплоть до восстановления советской власти в Эстонии среди тартуского студенчества были в ходу немецкие обычаи реакционных студенческих корпораций, против которых и выступает поэт.

Младо-эстонцам. «Молодая Эстония» («Ноор-Ээсти») — группировка молодых писателей, возникшая в 1905 г. В своих изданиях она дала высокую оценку творчеству Ю. Лийва и оказала материальную помощь больному писателю.

Дети Ванемуине. *Дети Ванемуине* — эстонцы, любящие искусство.

Волны Балтийского моря. *Ты спишь, мужичок*. Имеется в виду национальное достоинство и самосознание эстонцев, подавленных гнетом балтийских баронов и царского режима. Тайным подтекстом стихотворения является призыв к борьбе против ненавистного режима.

Тайная любовь. Здесь, как и в ряде других стихотворений, Ю. Лийв протестует против произвола царизма, направленного на угнетение маленьких народов и на ущемление их национального чувства.

У меня не спрашивайте песен... Написано поэтом в пору тяжелого душевного заболевания.

<Из цикла «Осколки»>. *Шталмейстер* — придворный чин в царской России, буквально: начальник конюшни.

А П Н А Х А А В А

А. Хаава родилась в Тартумаа 15 октября 1864 г. После окончания Высшей женской школы в Тарту она работала домашней учительницей. Начиная с 1906 г. до самой смерти в 1957 г. А. Хаава жила в Тарту. Здесь она целиком посвятила себя литературной деятельности. В 1954 г., по случаю 90-летия поэтессы, ей было присвоено почетное звание Народного писателя Эстонской ССР.

При жизни поэтессы вышли в свет следующие сборники стихотворений: «Стихотворения» (тт. 1—3. 1888—1897), «Волны» (1906), «Прибой» (1910), «Дети севера» (1913), «О наших днях» (1920), «И всё-таки жизнь прекрасна» (1930), «Пою свою эстонскую песню» (1935), «Стихотворения» (1954).

Твоя бабушка. *Иванов цвет* — первоцвет, примула.

Ждет он... В конце XIX и в начале XX вв. многие образованные эстонцы под влиянием балтийско-немецких школ стыдились говорить на «неотесанном» эстонском языке, предпочитая ему ломаный немецкий, против чего выступает А. Хаава.

Искусство для избранных. Одно из выступлений автора против формалистических тенденций, которые стали проникать в литературу и искусство Эстонии в 1910-е годы.

Посмотрела бы Европа. Во времена столыпинской реакции буржуазные выскочки принялись пропагандировать в Эстонии западно-европейские модернистские течения. В своем стихотворении А. Хаава отстаивает национальные принципы искусства и литературы в противовес модернистскому космополитизму сторонников литературной группировки «Ноор-Ээсти».

Жертвенная молитва. Написано непосредственно перед Великой Октябрьской социалистической революцией и отражает настроения широких народных масс в ожидании большого исторического события.

Безродные. В этом, как и в ряде других стихотворений, («Когда пел сквозняк на моем чердаке», «Прелесть богатства и грех нищеты», «Дьявол издевается»), впадшая в нужду и лишенная крова А. Хаава горько упрекает заправил буржуазной Эстонии, «забывших» об эстонской поэтессе.

Содом и Гоморра. Стихотворение обличает эстонскую буржуазию, предававшуюся безудержным кутежам за счет трудового народа, особенно в первые годы капиталистической «независимости». *Содом и Гоморра*. По библейской легенде, жители городов Содома и Гоморры предавались тяжким порокам и распутству; Содом и Гоморра — символ всего гнусного и аморального. *Мамона* — злой дух, упоминаемый в Евангелии, покровительствующий богатству и наживе.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Между стр. 32 и 33.* К. Я. Петерсон. Акватинта Фр. Дёрбека. 1822.
2. *На обороте:* Ф. Р. Крэйцвальд. Портрет маслом И. Кёлера. 1864.
3. *Между стр. 144 и 145.* Лидия Койдула. Фото. 1863 (?)
4. *На обороте:* М. Веске. Фото. 1880-е гг.
5. *Между стр. 304 и 305.* Я. Тамм. Фото. 1890-е гг.
6. *На обороте:* Ю. Лийв. Рисунок углем Н. Трийна. 1909.
7. *Между стр. 416 и 417.* А. Хаава. Фото. 1924.

Оригиналы публикуемых иллюстраций хранятся в Гос. литературном музее Академии наук Эстонской ССР (г. Тарту).

СОДЕРЖАНИЕ¹

<i>Предисловие Пауля Руммо</i>	5
--	---

КРИСТЬЯН ЯАК ПЕТЕРСОН

<i>Луна. Перевод Вс. Рождественского</i>	25
<i>Эльте и Тийю — две пастушки. Перевод С. Евсеевой</i>	26
<i>Осень. Перевод С. Евсеевой</i>	28
<i>Дружба. Перевод С. Евсеевой</i>	29
<i>Женщины. Перевод С. Евсеевой</i>	31
<i>Песня пастухов. Перевод Вс. Рождественского</i>	31
<i>Песня радости. Перевод Е. Эткинда</i>	33
<i>Песня, сложенная в туульской корчме, по дороге из Тарту в Ригу, куда я шел проведать родителей. Перевод С. Евсеевой</i>	34 460
<i>Певец. Перевод Е. Эткинда</i>	35
<i>Эни и Эллу. Перевод С. Евсеевой</i>	36 460
<i>В день Мартина Лютера. Перевод Вс. Рождественского</i>	37 460

ФРИДРИХ РОБЕРТ ФЕЛЬМАН

Переводы Вс. Рождественского

<i>Беседа о трубке</i>	41
<i>«...Счастлием был я покинут. Пришлось бы рыдать без- утешно...»</i>	43
<i>Поучения старца из Ярвамаа</i>	44 461

¹ Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ФРИДРИХ РЕЙНГОЛЬД КРЕЙЦВАЛЬД

Трусливый жених. Перевод Б. Кежуна	49	461
Как сложил я песню. Перевод В. Азарова	50	
Койт и Хямарик. Перевод Вс. Рождественского	51	461
Война (Отрывки). Перевод А. Чивилихина	54	462
Калевипозг. Перевод В. Державина и А. Кочеткова		
Запев	60	462
Вступление	61	462
Вирусский певец. Перевод Д. Левоневского	64	462
Песня о земле обетованной. Перевод В. Корнилова	65	462
Раньше и теперь. Перевод В. Азарова	66	
Свободе. Перевод Д. Левоневского	67	463
Песня. Перевод Д. Левоневского	68	
Лидия Я<нисе>н. Перевод Д. Левоневского	69	463
<Четверостишия из «Крестьянского по-		
лезного календаря»>. Перевод В. Корнилова	69	463
1852 Январь	69	
Октябрь	70	
1853 Апрель	70	
Июль	70	
1854 Май	70	
1855 Январь	70	
Апрель	71	
Ноябрь	71	
1856 Октябрь	71	
1857 Март	71	
Апрель	71	
Май	72	
Сентябрь	72	
1858 Январь	72	
Февраль	72	
Декабрь	72	
1859 Январь	73	
Май	73	
1865 Февраль	73	463
Март	73	
Апрель	73	
1866 Февраль	74	
Март	74	
Июнь	74	
Июль	74	
Ноябрь	74	
1868 Июнь	75	
Июль	75	
Ноябрь	75	
1869 Июль	75	
1870 Май	75	
Октябрь	76	
1871 Май	76	
1872 Апрель	76	
Май	76	
1873 Декабрь	76	

Песня об отечестве. Перевод Д. Левоневского	77 463
Христианам. Второе послание. Перевод Б. Кежуна	78 463
Приветствие. Перевод Д. Левоневского	79
Колокольчик и цветы. Перевод В. Азарова	79
Лембиту (Отрывки из поэмы). Перевод Д. Левоневского	
Вступление	80 463
Песнь одиннадцатая	82 463
Песнь пятнадцатая	83 463

ФРИДРИХ РУССОН

Переводы А. Эфрон

Неделя лентяя	87
Ну и чудеса!	87 463
Барин и крестьянская девушка	89

КАРЛ ЭДУАРД МАЛЬМ

Отчизна. Перевод И. Холина	93
Березка. Перевод И. Холина	94 464
Весна. Перевод И. Холина	94
Девушки-голубушки. Перевод Г. Сапгира	95 464
Как воробей помогал мужику молотить. Перевод Г. Сапгира	98
Соловей. Перевод Г. Сапгира	99
Песня ласточки. Перевод Г. Сапгира	99 464

ЮХАН ВЕЙЦЕНБЕРГ

Тынис Лакс, или Отечество эстонцев. Перевод В. Завод- чикова	103 464
Плач старого бурмистра, уволенного из имения в Юрьев день 1861 года. Перевод Н. Коржавина	105 465

ЛИДИЯ БОЙДУЛА

Родной дом. Перевод Вс. Рождественского	113 465
Сердце матери. Перевод Вс. Рождественского	113
Предисловие. Перевод П. Железнова	114 465
Дары весны. Перевод М. Замаховской	115
Любовь. Перевод П. Железнова	115
Волны. Перевод М. Замаховской	116
Возвращение издалека. Перевод Н. Павлович	117
Осенние думы. Перевод М. Замаховской	118 465
Учение. Перевод П. Железнова	118
Лен. Перевод П. Железнова	120 465
Птица в клетке. Перевод П. Железнова	121
«Эстонская песня, звени...». Перевод З. Шишовой	123 465
Встреча. Перевод А. Кочеткова	124 465

На берегу Эмайыги. Перевод П. Железнова	124	466
Земля, тобой до смерти... Перевод Б. Кежуна	126	466
Товарищ. Перевод П. Железнова	127	
А на дворе — весна... Перевод М. Замаховской	127	
Моя Эстония — моя любовь. Перевод Б. Кежуна	127	466
Не могу. Перевод П. Железнова	128	
Раздумья на горе Тоомеяги. Перевод Д. Самойлова	129	466
Эстонская земля и эстонское сердце. Перевод Д. Самойлова	131	
Пришла! Перевод П. Железнова	132	
Что грустишь? Перевод А. Кочеткова	132	466
Само хотело. Перевод П. Железнова	133	
Король Удумяз. Перевод П. Железнова	133	
Песни. Перевод Вс. Рождественского	136	
Песня пряжи. Перевод П. Железнова	136	466
Друзья Эстонии. Перевод П. Железнова	137	466
Сплетня. Перевод П. Железнова	139	
Самый дорогой подарок. Перевод Б. Кежуна	140	
Кратковременное. Перевод Б. Кежуна	141	
Соловей. Перевод Б. Кежуна	142	
Вода. Перевод В. Казина	143	
Летняя ночь. Перевод П. Железнова	145	
Аннеке. Перевод П. Железнова	146	
Жалоба. Перевод Вс. Рождественского	147	467
Слышал каннеля напевы. Перевод П. Железнова	148	
Колыбельная. Перевод П. Железнова	149	
У колыбели. Перевод В. Казина	150	
Моему дорогому отцу. Академику Ф. И. Видеману к 16 сентября 1880 года. Перевод П. Железнова	151	467
Приветствие. Перевод П. Железнова	154	
Чистыми руками. Перевод Д. Самойлова	155	
Долг песни. Перевод М. Замаховской	155	
Коль решил колодец рыть. Перевод П. Железнова	156	
Всегда о родине. Перевод Н. Павлович	156	
Эстонский орел. Перевод В. Казина	156	
Беседа. Перевод А. Кочеткова	157	467
Вот родина твоя. Перевод П. Железнова	158	
Вставай! Перевод А. Кочеткова	160	
Где научилась песням. Перевод А. Кочеткова	160	
Весна тайком вернулась. Перевод А. Кочеткова	161	
Как лучше жить? Перевод А. Кочеткова	162	
Образованный эстонец. Перевод П. Железнова	163	
Тихо, тихо. Перевод П. Железнова	163	
Предсмертное слово — Эстонии. Перевод П. Железнова	163	467

ФРИДРИХ КУЛЬБАРС

Усни, мое дитя. Перевод И. Северянина	167	
В путь, журавушки... Перевод А. Эфрон	167	
Утренняя песня пастухов. Перевод А. Эфрон	168	
Вечерняя песня. Перевод А. Эфрон	169	
На воде. Перевод А. Эфрон	169	
Песня Ванемуйне о деве Эндель-озера. Перевод А. Эфрон	170	467

Песнь Лииды. Перевод А. Эфрон	171 467
Ванемуйне. Перевод С. Ботвинника	172
Спи, мой голубок (Колыбельная песня эстонской матери). Перевод Б. Кежуна	173
Лидии Койдуле. Перевод С. Ботвинника	173 467

КАРЛ РОБЕРТ ЯКОБСОН-ЛИННУТАИ

Пой, певунья-горихвостка. Перевод Б. Кежуна	177 468
Новая жизнь. Перевод К. Высоковского	178
Они встают!.. Перевод К. Высоковского	178
Моя фиалка. Перевод С. Евсевой	179

МИХЕЛЬ ВЕСКЕ

Родина. Перевод Вс. Рождественского	183 468
Батрак полюбил дочь хозяина. Перевод Л. Стекольниковой	184
Я пастушонок. Перевод В. Корнилова	185
Посвящение. Перевод Л. Стекольниковой	186
Родина, прекрасна ты! Перевод Б. Томашевского	186
Разлука с отчим хутором. Перевод Вс. Рождественского	187
На чужой стороне. Перевод М. Карелиной	188
Вечерняя звезда и брат. Перевод В. Корнилова	189
Девушке перед сном. Перевод В. Корнилова	190
Весенняя песня девушек. Перевод В. Корнилова	191
Потерянная рукавица. Перевод Б. Томашевского	192
Любовная клятва у родника. Перевод Л. Стекольниковой	193
На могиле К. Р. Якобсона. Перевод Ю. Шумакова	194 468
Соловей. Перевод В. Корнилова	195
Ласточка. Перевод В. Корнилова	195
Победа весны. Перевод В. Корнилова	196
К солнцу. Перевод Ю. Шумакова	196
О Вильянди, о Вильянди! Перевод В. Корнилова	197 469
Слова отца. Перевод В. Корнилова	198 469
Ратная песня. Перевод В. Корнилова	199
Застольная. Перевод В. Корнилова	200
Солдатка. Перевод В. Корнилова	201

АДО РЕЙНВАЛЬД

Черный кафтан. Перевод И. Северянина	205 469
Вопросы. Перевод Вл. Устинова	205
Слезы. Перевод Вл. Устинова	206
Золотой бережок. Перевод Вл. Устинова	207
Религия и наука. Перевод Д. Самойлова	208
Национальность. Перевод Д. Самойлова	208
Родной язык. Перевод Вс. Рождественского	208
Бурская война. Перевод Вл. Устинова	209 469

Прошлое — настоящее — будущее эстонского народа (Отрывки). Перевод Вс. Рождественского	210
Забывать? Перевод Д. Самойлова	214
Отчий край. Перевод Н. Коржавина	215
На Выртс-озере. Перевод Вл. Устинова	215 469
Шапку долой! Перевод Н. Коржавина	216
Гордыня. Перевод Н. Коржавина	217

ЮХАН КУНДЕР

На горе Мунамяги. Перевод В. Азарова	221 470
Страдание. Перевод Н. Коржавина	222
На Эстонской горе. Перевод В. Азарова	223
Король Калев. Перевод В. Азарова	224

ПЕЭТЕР ЯКОБСОН

Песня ткача. Перевод Н. Коржавина	229
Тоска по дому. Перевод Б. Томашевского	230
Смерть эстонского солдата в Болгарии. Перевод А. Чивилихина	230 470
Уход из Сливно. Перевод А. Чивилихина	232 470

ЯАН БЕРГМАН

Верный Юло. Перевод Л. Стекольниковой	235 470
Тайный праздник Таары. Перевод Л. Стекольниковой	237
Слеза вдовы. Перевод Вс. Рождественского	238
Сиротка. Перевод Л. Стекольниковой	239
Старый каннель. Перевод Н. Коржавина	239 471
Приветствие ласточек. Перевод Н. Коржавина	241
Домовой. Перевод Н. Коржавина	242

АДО ГРЕНЦИШТЕЙН-ПРИКВИ

Переводы Г. Саггиря

На чужбине	247
Лапоть, пузырь и соломинка	248
Эпиграммы и афоризмы	
«Смотри, не предавайся спячке...»	249
«Россия...»	249
«То твое богатство было...»	249
«Крепость мышц и кулаков...»	249
«Для счастья первое условие...»	249
«Спозаранок — в поле, за полночь — в кровать...»	250
«Лягушку посадили в кресло...»	250
«Где содержаньем взять не можешь...»	250

«В каждый стих моих созданий...»	250
«Там, где мысль скончалась тихо...»	250
«Его слова: «люблю народ...»	250
«Кто темным делает народ...»	250
«Полны пшеницей закрома...»	250
«Учись у жизни у самой...»	251
«Длинноты, мямление и прочее...»	251
«В рифмах толк он понимает...»	251
«Если твой ручей...»	251
«Всюду — в гостиных, в залах дворца...»	251
«Стоит им разинуть глотки...»	251
«Врет балаганный зазывала...»	252
«Хороша пшеница в поле...»	252
«Друг мой, это невозможно...»	252
«Этот мирный можжевельник...»	252
«Всё толкуя вкось и вкривь...»	252

ГУСТАВ ВУЛЬФ-ЫНС

Соловью. Перевод Г. Сапгира	255
---------------------------------------	-----

ЯКОБ ТАММ

На поле в засуху. Перевод М. Светлова	259
Ответ родника. Перевод М. Светлова	260 472
Пиву снится. Перевод П. Кустова	260
Береза. Перевод М. Светлова	261
Корчма. Перевод И. Северянина	262
За пряжей. Перевод П. Кустова	262
Волна. Перевод В. Львова	263
В делах. Перевод В. Львова	263
В колыбели. Перевод П. Кустова	263
На страже. Перевод П. Кустова	264 472
Развалины. Перевод М. Светлова	265
Камень крепостного. Перевод П. Кустова	269 472
Рыжуха. Перевод Б. Тимофеева	271 472
Свинья. Перевод Б. Тимофеева	271
Стебелек. Перевод В. Львова	272
Дешевые батраки (Эстонская народная сказка). Перевод П. Кустова	: 272 472
Повелительница змей (Сказка). Перевод М. Светлова	276
Проклятие. Перевод М. Светлова	279 472
Весенние голоса. Перевод П. Кустова	280
Благоденствие разбойника. Перевод П. Кустова	281 472
Блоха и человек. Перевод М. Светлова	284
Материнская любовь. Перевод П. Кустова	286
Памяти доктора Фр. Крейцвальда. Перевод П. Кустова	287 472
К чертям! Поэма-сказка. Перевод М. Петровых	289 472

ЙКОБ ЛНЙВ

Скворец. <i>Перевод Г. Сапгира</i>	317 473
Дорогие места. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	318
Флюгер. <i>Перевод Л. Тоома</i>	318 473
В соседней деревне. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	319
Мир. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	319 473
Мужественные. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	320
Сосна и можжевельник. <i>Перевод Г. Сапгира</i>	321 473
Прибрежный вид. <i>Перевод Г. Сапгира</i>	322
Когда? <i>Перевод А. Чивилихина</i>	323
Пресмыкающиеся. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	323 473
В домашней школе. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	324 473
Стекловидными глазами... <i>Перевод А. Чивилихина</i>	324 473
Зима. <i>Перевод А. Чивилихина</i>	325 473

КАРЛ ЭДУАРД СЕЁТ

Призраки прошлого. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	329
Иголка. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	330
Игра в шахматы. <i>Перевод В. Азарова</i>	331
Босоногий мальчик. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	331
Кража. <i>Перевод В. Львова</i>	332
Жаворонку. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	332
Вздохи бедного Микка. <i>Перевод В. Львова</i>	333
Нанна Тейстре. <i>Перевод И. Холина</i>	334
Много. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	335
Они сказали... <i>Перевод Д. Самойлова</i>	336 474
Навстречу весне. <i>Перевод В. Львова</i>	337
Напрасная попытка. <i>Перевод С. Артамонова</i>	338
Воспоминания. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	338
Родник. <i>Перевод И. Холина</i>	339
Наша Лееникене пляшет. <i>Перевод Л. Стекольниковой</i>	339
Виноватый. <i>Перевод С. Артамонова</i>	340
Цвет лица. <i>Перевод Б. Томашевского</i>	340
Спи, мой милый. <i>Перевод И. Холина</i>	341
Памяти отца. <i>Перевод И. Холина</i>	341
Сон. <i>Перевод И. Холина</i>	342
Чернильная напасть. <i>Перевод В. Львова</i>	342
Малые и большие дети. <i>Перевод С. Артамонова</i>	343
Самое дорогое. <i>Перевод И. Холина</i>	343

ЮХАН ЛНЙВ

Не красогой. <i>Перевод Л. Тоома</i>	347
О врагах. <i>Перевод Л. Тоома</i>	348
Лесной шелест. <i>Перевод Л. Тоома</i>	348
Снежинка. <i>Перевод Б. Кезуна</i>	348
От споров до новых споров. <i>Перевод Л. Тоома</i>	349
Любовь пришла... <i>Перевод Л. Тоома</i>	349 474
На Иванову ночь. <i>Перевод Л. Тоома</i>	349

Рано. Перевод С. Куняева	350
Грустна твоя родина... Перевод Л. Тоома	350 474
Я много цветов собрал бы... Перевод Л. Тоома	351
По воде. Перевод Л. Тоома	351
Ты вошла. Перевод В. Соколова	352
Последняя песня. Перевод С. Куняева	353 474
Облака плывут. Перевод Л. Тоома	354
Друзья. Перевод Л. Тоома	354
Летний день. Перевод Л. Тоома	355
Летний ветер. Перевод Л. Тоома	357
Осенью в родных местах. Перевод Л. Тоома	358
Осеннее солнце. Перевод С. Куняева	359
Певцам. Перевод Л. Тоома	359
Забота. Перевод Л. Тоома	360
Одинокая тропка. Перевод Л. Тоома	361
Мой стих. Перевод Л. Тоома	362
Лес. Перевод Л. Тоома	363
Волны. Перевод Л. Тоома	364
Воскресное утро. Перевод С. Куняева	364
Листья падали. Перевод Л. Тоома	365
Осенний цветок. Перевод В. Корнилова	365
Прощай. Перевод Л. Тоома	368
Корысть. Перевод Л. Тоома	368
Крокодилы. Перевод С. Куняева	370
Я лучшего не жду. Перевод Д. Нагаева	370 474
Отцы и дети. Перевод Л. Тоома	371 475
Слышишь, слышишь? Перевод Л. Тоома	371
Я добродушен, терпелив... Перевод Л. Тоома	372
Из-за хлеба. Перевод Вл. Соколова	372
Последняя возможность. Перевод Вл. Соколова	373
«Доля мужика...» Перевод С. Куняева	373
Поляна. Перевод И. Северянина	373
Будущее. Перевод В. Рушкиса	374
Вчера я видел Эстонию (На железной дороге). Перевод Л. Тоома	374
Летит она в дом свой — улей. Перевод Л. Тоома	375
Приближение весны. Перевод С. Куняева	376
Младо-эстонцам. Перевод Вл. Соколова	376 475
Путник. Перевод Л. Тоома	377
Матери. Перевод Л. Тоома	378
Лицо. Перевод Л. Тоома	381
Родичи. Перевод Л. Тоома	381
«Кто там бродит по лужайке...» Перевод С. Куняева	382
Эллин и перс. Перевод Д. Нагаева	383
Дети Ванемуйне. Перевод С. Куняева	383 475
Нищий. Перевод Л. Тоома	384
Колыбельная. Перевод Л. Тоома	385
О ты, гонимое и забытое... Перевод Л. Тоома	386
Легче разрушить скалы. Перевод С. Куняева	386
Потолок в нашем доме черен. Перевод В. Рушкиса	387
Волны Балтийского моря. Перевод Л. Тоома	387 475
Больной. Перевод Л. Тоома	388
Тайная любовь. Перевод С. Куняева	388 475

Кто хочет нравиться... Перевод Л. Тоома	388
Море. Перевод С. Куняева	389
Вереск. Перевод Б. Кежуна	390
Мороз. Перевод Л. Тоома	390
Зимняя синица. Перевод С. Куняева	390
С тобой и без тебя. Перевод Л. Тоома	391
Цыганочка. Перевод Л. Тоома	392
«Девушку так любил я...». Перевод Д. Нагаева	392
Собака. Перевод Л. Тоома	392
Мать и дочь. Перевод Д. Нагаева	393
Горе. Перевод С. Куняева	393
Елочка. Перевод С. Куняева	394
«Вечер холоден и чуток...». Перевод Д. Нагаева	395
«Нет, не каждому счастье выпало...». Перевод Б. Кежуна	395
Диалог. Перевод С. Куняева	396
«Для римлян...». Перевод Д. Нагаева	396
Время. Перевод Л. Тоома	396
«Яблони розовый цвет...». Перевод Д. Нагаева	397
Ласточка. Перевод Д. Нагаева	397
У меня не спрашивайте песен... Перевод Д. Нагаева	397 475
Трудно. Перевод С. Куняева	398
«Настанет утро — хищный волк не тронет...» Перевод Д. Нагаева	398
<Из цикла «Осколки»>	
Чающие	399 475
Печать	399
Слово и меч	399
Рифмы	399
Стремление к совершенству	399
Жвачные	400
Залоздалая смелость	400
Добро и добро	400
Избирательное сродство	400
Родина — одна	401
Смысл науки	401
Посев чувства	401
Два сомнения	401
Кафтан	401
С каннелем и с мечом	402
Гордость и гордыня	402
Негр в представлении европейца	402
Родное слово	402
Водка	402

АННА ХААВА

Койдуле. Перевод Ю. Валича	407
Лесной цветок. Перевод Б. Кежуна	408
Могу. Перевод А. Свирина	408
Ах, если бы... Перевод А. Свирина	409
Наш Михкель. Перевод А. Свирина	409

«Умник». Перевод А. Свирина	410
Родной язык. Перевод А. Свирина	412
Отчий дом. Перевод А. Свирина	413
Песенка. Перевод А. Свирина	413
«Принеси мне, мой любимый...» Перевод Б. Кежуна	414
«Не могу я жить без песен...» Перевод Б. Кежуна	414
«Как беззаветно любила я!...» Перевод Е. Эткинда	415
Когда выпал первый снег. Перевод А. Свирина	415
Невеста рыбака. Перевод А. Свирина	416
Один лишь раз любовь бывает. Перевод Б. Кежуна	417
Потому. Перевод А. Свирина	417
Твоя бабушка. Перевод Б. Кежуна	418 475
«Не примчатся вместе с ветром...». Перевод Б. Кежуна	418
Тыну хотел петь басом. Перевод А. Свирина	419
Птицы спят. Перевод А. Свирина	420
В дремучем русском бору. Перевод А. Свирина	420
Ты лети, коровка божья... Перевод С. Куяева	422
«Заря взошла на небосвод...». Перевод Е. Эткинда	423
Вот она какая. Перевод Ю. Валича	424
«На озере затихшем...». Перевод Б. Кежуна	424
Ждет он... Перевод Е. Эткинда	425 475
С мечом и крестом. Перевод С. Артамонова	426
Михкель и Мийна. Перевод Б. Кежуна	427
«Нет обители священной...». Перевод Е. Эткинда	427
Отчизна моя. Перевод Е. Эткинда	428
Время рождает героев. Перевод Б. Кежуна	428
Есть ли еще лекарство, что поможет... Перевод Ю. Валича	429
Чернильница. Перевод Вл. Соколова	431
Кто тебя замуж так возьмет. Перевод Вл. Соколова	433
Ликуй, народ! Перевод Б. Кежуна	433
Женщина. Перевод В. Корнилова	434
Новости. Перевод В. Львова	434
Сердце певца. Перевод В. Корнилова	435
Опасная штука. Перевод В. Львова	435
Старые и молодые. Перевод Вл. Соколова	436
Родная Эстония. Перевод Б. Слуцкого	437
Сплетня. Перевод Вл. Соколова	438
Если всех тебе я краше. Перевод В. Азарова	438
Король женился на песне. Перевод В. Корнилова	440
Правда. Перевод В. Львова	442
В который же раз, примерно?... Перевод Б. Кежуна	444
В могиле. Перевод В. Львова	444
Молодые старцы. Перевод Вл. Соколова	444
Там отцовский встанет дом. Перевод В. Азарова	445
Тогда запри на замок песни. Перевод Вл. Соколова	446
Мы — дети севера. Перевод В. Корнилова	446
Святая родина. Перевод Вл. Соколова	446
Искусство для избранных. Перевод Е. Эткинда	447 476
Посмотрела бы Европа. Перевод Вл. Соколова	447 476
Жертвенная молитва. Перевод Вл. Соколова	448 476
Безродные. Перевод Вл. Соколова	448 476
Содом и Гоморра. Перевод Вл. Соколова	449 476

Когда пел сквозняк на моем чердаке. . . Перевод В. Корни- лова	450
Прелесть богатства и грех нищеты. Перевод В. Корнилова	451
Дьявол издевается. Перевод Вл. Соколова	451
Родная земля мне священна. Перевод Вл. Соколова . .	452
Несмышленное дитя человечества. Перевод Б. Слуцкого	453
Тем дороже. Перевод Вл. Соколова	454
Мы. Перевод Б. Кежуна	454
В душе — будто песня. Перевод Б. Слуцкого	455
Примечания	459
К иллюстрациям	477

